

ACTA UNIVERSITATIS SZEGEDIENSIS DE ATTILA JÓZSEF NOMINATAE

DISSERTATIONES
SLAVICAE

SLAVISTISCHE MITTEILUNGEN

МАТЕРИАЛЫ И СООБЩЕНИЯ ПО СЛАВЯНОВЕДЕНИЮ

SECTIO LINGUISTICA

XVII

SZEGED
1985

ACTA UNIVERSITATIS SZEGEDIENSIS DE ATTILA JÓZSEF NOMINATAE

DISSERTATIONES
SLAVICAE

SLAVISTISCHE MITTEILUNGEN

МАТЕРИАЛЫ И СООБЩЕНИЯ ПО СЛАВЯНОВЕДЕНИЮ

SECTIO LINGUISTICA

XVII

SZEGED

1985

**Publicationes Instituti Philologiae Rossicae
In Universitate de Attila József Nominata**

**Redigit:
Imre H. Tóth**

**HU ISSN 0324—6523 Acta Univ. Szeged
A. József Nom.**

HU ISSN 0586—3737 Diss. Slav.

**Seriem publicationum edendam curat:
Károly Fábricz**

Настоящий сборник посвящен 25-летию со дня основания Пловдивского университета им. Паисия Хилендарского. Часть II содержит работы по практическим вопросам изучения и преподавания русского языка в Пловдивском и Сегедском университетах.

- 5 -

ЧАСТЬ I.

ПРЕОБРАЖЕНИЯТА НА СЛАВЯНСКИЯ ПЕРФЕКТ

С. Иванчев

Главната промяна, която настъпва в славянския перфект, за да се преобразува той в претерит, е промната, настъпила в значението на еловото причастие от несвършен вид, което, докато перфектът е бил противопоставен на аорист -- имперфект, е имало аористен характер /образувано от аористната основа/, постепенно обаче изключителността на аористното му значение е била загубена и то е започнало да се отличава с двузначност: аористна и имперфектна /комплексност : некомплексност, свършеност : несвършеност/. Само така перфектът е могъл да замени и измести напълно претериталната видова опозиция аорист : имперфект.

перфектът в старобългарския език

пѣсалъ/напѣсалъ Іесѣ

пѣсалъ/напѣсалъ Іесѣ

пѣсалъ/напѣсалъ Іесѣ

пѣсали/напѣсали Іесѣ

пѣсали/напѣсали Іесѣ

пѣсали/напѣсали сѣѣ

пѣсала/напѣсала Іесѣ

пѣсала/напѣсала Іесѣ

пѣсала/напѣсала Іесѣ

В българския език обаче всички стари темпорални категории са били запазени и при тях са настъпили промени в семантично-функционалната им оценка. Поради обстоятелството, че в недрата на перфекта се е зародила една особена семантика -- преизказната /в основата си несвидетелствена/ и за нуждите на преизказването самият перфект е бил преустроен и морфологически /наред със старото аористно елово причастие се е появило и ново имперфектно елово причастие/, другата традиционна наративна система аорист : имперфект се е преосмислила от общонаративна в свидетелски наративна. Тя с други думи е започнала да се употребява само за разказване на лично преживени събития.

И така в днешния български език претериталната видова ка-

тегория аорист : имперфект е маркирана с диференциалния белег лична преживяност, свидетелственост на събитията, изразявани с нея. Срещу тази категория в съвременния български език има три претеритални морфологични категории, които изразяват не-свидетелственост: перфект, преизказно наклонение и умозаклучително наклонение /според всички съществуващи досега граматика/.

Перфект

<u>писал/написал</u> съм	<u>писали/написали</u> сме
<u>писал/написал</u> си	<u>писали/написали</u> сте
<u>писал/написал</u> е	<u>писали/написали</u> са

Конклузив

<u>писал-пишел/написал-напишел</u> съм	<u>писали-пишели/написали-напишели</u> сме
<u>писал-пишел/написал-напишел</u> си	<u>писали-пишели/написали-напишели</u> сте
<u>писал-пишел/написал-напишел</u> е	<u>писали-пишели/написали-напишели</u> са

Имперцептив

<u>писал-пишел/написал-напишел</u> съм	<u>писали-пишели/написали-напишели</u> сме
<u>писал-пишел/написал-напишел</u> си	<u>писали-пишели/написали-напишели</u> сте
<u>писал-пишел/написал-напишел</u>	<u>писали-пишели/написали-напишели</u>

При несвидетелския наратив, следователно, се обединяват три съществуващи досега по отделно морфологически категории и тяхно естествено ядро би трябвало да представлява в семантично-функционално отношение т. н. преизказно наклонение /имперцептив/, чрез което може абсолютно сигурно да се преизкаже всеки разказ, издържан в аорист : имперфект /не говоря тук за възможностите на имперцептива в другите темпорални планове/. На аористните действия тук съответствуват форми, образувани от аористното елово причастие /писал, написал/, на имперфектните действия -- формите, образувани от имперфектното причастие /пишел, напишел/.

В семантично-функционално отношение тази морфологична структура ни позволява да разказваме или собствено да преизказ-

ваме събития от миналото, на които не сме били свидетели и за които само някой ни е разказвал. Ето защо претериталните преизказни форми трябва да се разглеждат като опозит или още по-добре като огледално отражение на аориста : имперфекта. Явно е, че двата члена на тази опозиция представят еквиполентна опозиция.

Тази категория -- имперцептивът -- в същност семантично-функционално съответствува в значителна степен на севернославянския претерит, развила се на същата основа /на перфекта/, и ако в българския език не беше запазен като свидетелски наратив аорист : имперфект, тя би съвпаднала в семантично-функционално отношение напълно с него. Между северно-славянския претерит и българското преизказно наклонение съществува обаче и следната морфо-семантико-функционална разлика. Както видяхме по-горе, в севернославянския претерит участва традиционното, наследено от най-стари времена аористно причастие от несвършен вид, но то за нуждите на разказа се е разцепило във видово отношение, като според контекста в свързан разказ може да изразява аористни или имперфектни действия.

Срещу това в българския език за нуждите на видовата диференциация на действията при разказ са на лице две причастия: старинното аористно и новопоявилото се имперфектно елово причастие. При превръщането следователно на стария перфект в претерит настъпва морфо-семантико-функционална промяна, засягаща старото елово причастие, което първоначално се е отличавало само с перфектна /аористна/ семантика, а при оформянето на българското преизказно наклонение към старото елово аористно елово причастие, което си е запазило първоначалната перфектна семантика, се е добавило ново имперфектно елово причастие с имперфектна семантика.

Руските форми писал и читал в такъв случай на български език ще бъдат превеждани на български език с по четири евент. две различни форми:

Руски: Вчера он писал письмо. Вчера он целый день читал

книгу. Когато брат вошел в комнату, тот читал книгу. Когда брат вошел в комнату, тот писал письмо.

Български: Вчера той писа писмо. Вчера той пишеше писмо. Вчера той писал писмо. Вчера той пишел писмо. Когато брат ми влезе в стаята, онзи пишеше писмо. Когато брат ми влязъл в стаята, онзи пишел писмо. Когато брат ми влезе в стаята, онзи четеше книга. Когато брат ми влязъл в стаята, онзи четял писмо.

От преизказното твърде малко се отличава т.н. умозаклучително наклонение /конклузивът/, формите на което по минимален начин се отклоняват от формите на преизказното наклонение /при конклузивното парадигмата е пълна, не се наблюдава изпускане на спомагателния глагол в 3 ед. и мн., задължително за формите на преизказното наклонение/. Двете форми дълго време не са били разграничавани, а наличието или отсъствието на спомагателен глагол в 3 ед. и мн. е било обяснявано по различен начин. Досега въпросът за конклузива е бил засяган в българската граматична литература само периферно /това се отнася дори до Академичната граматика/. Мястото, което му се е отделяло до сега, не съответствува на неговото значение в съвременния български език и на неговата честота. Конклузивът има обширна сфера на употреба: от същински конклузивен /умозаклучителен/ разказ при възстановяване на дадено събитие по оставени следи, при разследване на едно съшествие например, на което не сме били свидетели, до събития, на които поради отдалечеността им във времето, ние не сме могли да присъствуваме, но които сме приели -- от косвен опит или от литературата -- че са истинни и в които следователно в ни най-малка степен не се съмняваме, че са станали; при всякакъв вид исторически разкази в учебници; при вестникарски информации за събития, случили се далече от нас и друга подобна литература.

Третата морфологична категория на несвидетелския наратив, разглеждана от граматиките като самостоятелна категория, е перфектът или с български термин минало неопределено време. За

значение то и употребата на перфекта е създадена цяла литература. Най-прегледно и изчерпателно значението на перфекта е представено у Маслов, който го дели в същност на статален и акционален перфект /Маслов, Андрейчин, Академична граматика/¹.

Но както обединяваме аориста и имперфекта в единно морфосемантико-функционално цяло и говорим за единна темпорално-видова категория /единна дори и във формално отношение/, също така бихме могли да обединим традиционно приежданата като отделна граматическа категория перфекта с конклузива /за който се споменава обикновено недиференцирано във връзка с перфекта и преизказното наклонение/ в единна морфосемантико-функционална категория, която в пълния си вид функционира като конклузив, а само част от нея /включваща само аористното елово причастие/ - като традиционен перфект, който в семантико-функционално отношение, както е отдавна известно се покрива и конкурира с аориста. Така перфектът, който по самата си природа има конклузивно значение, трябва да се разглежда само като частен случай от употребата на конклузива /на една част от формите му/.

Целесъобразно е също така двата реда форми -- конклузивни /включващи и перфекта/ и преизказни -- между които има минимална разлика, да се разглеждат като единен морфосемантико-функционален комплекс. Основание за това ми дава обстоятелството, че между тях има и ги обединява значително морфосемантико-функционално единство при подчертан семантичен компонент "несвидетелственост" /преизказност от една страна и умозаклучителна разказност от друга и незначителна морфосемантико-функционална разлика: присъствието в едни и отсъствието в други случаи на местоимението за 3 ед. и мн.

Има основание да се смята, че в своето развитие старият перфект е претърпял аналогична еволюция в българския език, както в северните славянски езици. В своето развитие в претерит той е загубил също както на север личното местоимение за 3 ед. и мн. /в източните славянски езици това е станало във всички лица на двете числа/. Вместо като претерит обаче старият български и общославянски перфект е започнал да се употре-

быва с преобладаващо значение на преизказност при запазване на свидетелското време аорист : имперфект. Едва по-късно за нуждите на семантично-функционалното нюансиране при умозаключителен разказ /разбиран доста широко/ личното местоимение за 3 ед. и мн. е било възстановено, като по такъв начин е бил възстановен с едновременно му разширение и старият перфект и така в крайна сметка в рамките на преустроения български перфект са се очертали два морфологични варианта, разграничени и семантично-функционално.

Че при конклузивната употреба на тези форми /включваща и перфекта/ местоимението за 3 ед. и мн. е било възстановено по-късно, личи от съответните форми на възвратните глаголи, при които се наблюдава явна морфологическа аномалия:

/за/смял-/за/смеел съм се /за/смели-/за/смеели сме се
/за/смял-/за/смеел си се /за/смели-/за/смеели сте се
/за/смял-/за/смеел се е /за/смели-/за/смеели са се

В 3 ед. редът на възвратната частица и спомагателния глагол се е нарушил, като на първо място е възвратната частица и едва след нея идва -- явно добавена по-късно -- формата на спомагателния глагол. Така е било явно и в 3 мн. /за което има примери в диалектите/, но там звуковият състав на формите /са-се/ е позволил да с се възстанови старата им последователност, още повече, че 3 мн. е несравнено по-рядка форма от 3 ед.

И така в съвременния български език би могло да се приеме съществуването на единен морфо-семантико-функционален комплекс несвидетелски претеритален наратив, в който да бъдат обединени две морфологически категории: имперцептив /преизказан претерит или преизказно минало време/ и конклузив /умозаключителен претерит или умозаключително минало време/ при пълното изключване на приемания до сега за самостоятелна категория перфект, чието самостоятелно съществуване в българския език трябва да се смята анахронизъм, тъй като той фактически и формално и семантич-

но-функционално се включва в общите рамки на конклузива. На този комплекс ще се противопостави простият претерит -- простото минало време /аорист : имперфект/.

Примечание

1. Ю.С. Маслов. Грамматика болгарского языка. М., 1982; Л. Андрейчин. Към характеристиката на перфекта /минало неопределено време/ в българския език. Помогало по българска морфология /под редакцията на П. Пашов и Р. Ницолова/. София, 1976 /Вж. и Езикови изследвания в чест на акад. Ст. Младенов. София, 1957, с. 57--64/; Грамматика на съвременния български книжовен език. т. II, Морфология, София, 1983. Изд. на БАН, 512 с.

ОСОБЫЕ УСЛОВИЯ ВХОЖДЕНИЯ ЛЕКСИЧЕСКИХ ЗНАЧЕНИЙ В
ЯЗЫКОВУЮ СИСТЕМУ
/ограничения в употреблении лексических единиц/

И.А. Долгих

Источником ошибок в речи иностранных учащихся, находящихся на продвинутом этапе обучения, часто является не столько грамматика, сколько лексика, так как недостаточно накопить определенный запас слов, необходимо также знать те ограничения, которые присущи многим словам или отдельным их значениям, и которые обычно не включаются в программы обучения иностранцев русскому языку.

Конечно, еще больше ограничений присуще употреблению фразеологических единиц, причем практически всем фразеологизмам, что именно и составляет специфику фразеологии. Индивидуальные для каждого фразеологизма особенности употребления представляют большие трудности для иностранцев и почти полностью объясняют, почему иностранцы фразеологией русского языка обычно не владеют. В лучшем случае — понимают, но научиться правильно употреблять фразеологизмы иностранцам трудно потому, что существующие фразеологические словари русского языка, так же, как и вообще толковые словари русского языка, особенностей употребления фразеологизмов не фиксируют. Поэтому кажется, что решить проблему освоения фразеологизмов в процессе обучения иностранцев русскому языку невозможно.

Что же касается лексики, то ограничения в ее употреблении вполне обозримы и не только могут, но и должны включаться в учебный процесс.

Приведу сначала несколько примеров лексических ошибок, основанных на неучете эмоциональной окраски, модальных оттенков, связанных с незнанием ограничений в употреблении лексических единиц. Ошибочно: "В 30 лет я связался с одним приятным челове-

ком" /Здесь глагол "связаться" употреблен в значении "подружиться", но не учтено, что в глаголе "связаться" есть эмоциональная окраска: "неодобрительно". На основе ошибочного употребления положительно окрашенного слова по отношению к себе, говорящий, не желая того, может оказаться нескромным. Например: "Он сказал что-то остроумное. Я заразительно засмеялась" /Слово "заразительно" имеет положительную эмоциональную окраску и может употребляться только по отношению к другим, но не по отношению к себе/.

В проанализированных выше примерах ограничения вытекают из самой семантики слова. Однако в лексике есть немало случаев, когда сама языковая система накладывает целый ряд ограничений на употребление. Эти ограничения могут быть нескольких видов: 1. семантические ограничения. Например: синонимичные слова "брести", "тащиться" по-разному входят в лексическую систему. Если глагол "тащиться" в значении "двигаться медленно, с трудом" употребляется и по отношению к одушевленным и по отношению к неодушевленным предметам /"Повозка медленно тащилась по лесной дороге" /Бременские музыканты/, возможно: "За ней тащился трубадур"/, то глагол "брести" можно употреблять только в сочетании с одушевленными существительными /"За ней, прихрамывая, брел грустный трубадур" /Бременские музыканты/, но нельзя: "Повозка медленно брела по дороге"/.

Такого рода ограничения дифференцируются не только синонимы в рамках синонимического ряда, но и разные значения одного и того же слова. Например: "Пирамида дрогнула" /то есть качнулась/ и "Враг дрогнул", то есть не выдержал натиска, отступил/. Здесь прямое значение реализуется только с неодушевленными существительными, а переносное значение — только с одушевленными существительными /И ошибочно: "Юноша дрогнул, и за ним дрогнула вся пирамида"/.

2. лексические ограничения. Например: "А раньше всех добрые люди умываются" /В.Ф. Панова. Сережа/. Слово "добрый" в значении "хороший" ограничено сочетанием только с некоторыми словами: доброго здоровья, добрый конь, добрая традиция, добрые люди.

Неучет этой особенности употребления ведет к ошибке /Ср. неправильное предложение из пересказа венгерской студентки: "Если ты добрый, умывайся раньше всех"/.

Значения, которые входят в лексическую систему с лексическими ограничениями, акад. В.В. Виноградов, называя фразеологически связанными значениями¹, рекомендовал фиксировать в словарях вместе со списком всех без исключения слов, с которыми реализуется данное значение. Такой способ подачи лексически ограниченных значений позволил бы иностранцам заучивать на память эти списки и избегать ошибок /Ср. ошибку из речи венгерского студента: "Эти выражения тесно относятся к нашей жизни", тогда как правильно: тесно связаны с нашей жизнью/.

3. синтаксические ограничения. С одной стороны, здесь могут быть ограничения в синтаксической функции, которые присущи так называемым синтаксически обусловленным значениям /по терминологии акад. В.В. Виноградова/. Например: "Зато птички поют — заслушаешься!" /Чебурашка/. Глагол "заслушаться" в значении "очень хорошо" реализуется только при условии атрибутивной функции при глаголе /в этом случае точнее говорить об обстоятельной функции/ или при существительном /"Пение — заслушаешься!" В этом случае точнее говорить о сказуемости функции и о замене прилагательного "прекрасное"/. Другой пример: "Ты видел Мальвину? — Подумаешь, невидаль!" /А. Толстой. Золотой ключик/. Слово "невидаль" выступает в значении "что-то необычное" с дополнительной эмоциональной окраской /"пренебрежительно"/, причем только в сказуемом.

С другой стороны, синтаксические ограничения проявляются в особой по сравнению с основным значением синтаксической конструкции. Например: "Он тайно вздыхал по ней"/"вздыхать" в значении "быть равнодушным" ограничено конструкцией с дательным падежом с предлогом/.

Синтаксически обусловленные значения могут быть ограничены не только функцией сказуемого. В примерах: "Как живешь, старина?" "Прости, дружще" — подчеркнутые слова ни в каких

других функциях, кроме обращения, не употребляются.

Пренебрежение к вопросу о синтаксических ограничениях может приводить к такого рода ошибкам. Подбирая синонимы для слова "наказание", в следующем контексте: "Вот наказание с этими воспитанными" /Золотой ключик/, студенты-венгры придумали предложение: "Вот кара с этими воспитанными", хотя "кара" и "наказание" в данном случае не синонимичны, так как здесь выступает значение "плохо, трудно", а оно реализуется только в словах "наказание" и "беда", но не в слове "кара", причем только при условии употребления в функции безличного сказуемого.

4. морфологические ограничения. Наиболее часто источником ошибок иностранных учащихся является незнание морфологических ограничений. Немало значений прилагательных реализуется только в краткой форме. Например: "Буратино тихонько ощупал себя, ноги, руки были целы /то есть невредимы/ /Золотой ключик/; "Уж не знаю, застанешь ли ты в живых бедного Карло, он совсем плох от холода и холода" /то есть болен/ /Золотой ключик/. Если не останавливать внимание студентов на подобного рода ограничениях, можно столкнуться не только с элементарной неправильностью, но и с двусмыслицей. Ср. такую ошибку из речи венгерских студентов: "Зрители были тронутые" /то есть растроганы, расчувствовались/. Данное значение возможно только в краткой форме, а полная форма имеет значение: "слегка ненормальный".

Для глаголов очень важны ограничения в виде. Например, иностранные учащиеся, получив ряд синонимов в таком предложении: "Он догадался, что звук идет из полена" /понял, сообразил/, начинают практически использовать полученные знания таким образом. В предложении: "Вы догадываетесь, что это пели не настоящие разбойники" /Бременские музыканты/ — вносят замену вместо подчеркнутого слова: вы понимаете..., вы соображаете..., хотя глагол "соображать" в этом случае уже не подходит, так как в данном значении возможен только совершенный вид — "сообразить".

Особенно важны те случаи, когда глагол в определенном значении употребляется вообще только в одной форме. Например: "Только я тебе дам гнутые гвозди! — Идет. Спасибо" /Чебурашка/. Глагол "идти" здесь употребляется в значении "ладно, согласен" и только в одной форме — 3 лицо ед.ч. несовершенного вида. "Хватит. Надоело" /Чебурашка/. Подчеркнутый глагол в данном значении возможен только в одной форме — 3 лицо ед.ч. совершенного вида/. "Крышу можно и не делать, а то мне не пролезть. До вас дошло?" /Чебурашка/. Здесь глагол "дойти" в значении "понятно", причем фиксирован только в одной форме — 3 лицо ед.ч. прош. врем. сов. вида/. Фиксация в одной единственной форме присуща и существительным. Например: "Ой, матушки! Кажется, я объелся" /Чебурашка/. Подчеркнутое слово фиксировано не только в функции обращения, но и в единственной форме — форме им. п. мн.ч. Аналогичный пример: "Батюшки!"

Неучет фиксации в единственной форме порождает немало ошибок в речи иностранных студентов. Работая с предложением: "Сейчас спи. А завтра пойдем в магазин. Договорились?" /В.Ф. Панова. Сережа/, студенты верно находят эквиваленты к подчеркнутому слову: "согласен? ладно?", но потом на этом основании вообще сближают глаголы "договориться" и "согласиться". Ср. ошибочную синонимизацию в таком предложении: "Глупо, — согласился Сережа" /В.Ф. Панова. Сережа/. В письменных работах студентов встречалась такая ошибка: "Глупо, — договорился Сережа".

Морфологические ограничения касаются также форм грамматического времени. Например: "Я еще вернусь! Я вам покажу!" /Чебурашка/. Угроза выражается здесь только формой будущего времени. "Тогда я займусь вашим воспитанием. — Вот так влип!" /Золотой ключик/ — в значении "попасть в неприятное положение" глагол "влипнуть" употребляется только в форме прош. врем. сов. вида; нельзя: влипать, влипаю; число не ограничено: "они влипли, кажется" звучит нормально. "Ну, теперь они у меня попрыгают! Я им устрою!" /Чебурашка/. Оба подчеркнутых глагола, упот-

ребляясь с модальным оттенком угрозы, могут стоять только в форме будущего времени. Нельзя: они у меня попрыгали.

Достаточно часто морфологические ограничения в глагольных словах касаются наклонения. Например: "Здесь я хозяин, убирайся отсюда!" /Золотой ключик/. Если глагол "уходить" входит в языковую систему абсолютно свободно /Ср. "Уходи отсюда! — Хорошо, я уйду. — И он ушел"/, то глагол "убираться" в том же значении ограничен только императивом /Нельзя: "Хорошо, я уберусь"; исключено: "И он убрался"/.

Что касается существительных, то наибольшее количество ошибок возникает в связи с неучетом числовых ограничений. Типична для венгерских, например, студентов ошибка: "Я хотела бы попробовать все еды /хотя слово "еда" употребляется только в единственном числе/.

Очень важно, чтобы иностранные студенты знали, что в некоторых случаях наблюдается совмещение нескольких видов ограничений для одного значения. Например, в уже упоминавшемся примере: "Зато птички поют — заслушаешься!" /Чебурашка/. Подчеркнутый глагол ограничен не только синтаксически, но и морфологически /только во 2 лице ед.ч. наст. врем. или в сочетании инфинитива с "можно": "Зато птички поют — заслушаться можно!"/.

Как можно видеть из иллюстраций, материалом для данных заметок послужила лексическая работа с венгерскими студентами над текстами сказок в современной редакции: "Золотой ключик" А. Толстого, "Чебурашка" Э. Успенского и "Бременские музыканты" В. Ливанова, Ю. Энтина, а также повести "Сережа" В.Ф. Пановой. Привлечение этих текстов мотивировано тем, что в них представлен хороший литературный язык в его разговорном варианте и совсем нет непонятных слов, например, диалектизмов или архаизмов, поскольку текст рассчитан на детей.

Если иметь в виду ту цель работы с иностранными учащимися, о которой шла речь в этих небольших заметках, то самыми подходящими являются разговорные тексты, в частности, сказки /в современной редакции/, а не газетный или журнальный текст.

Студенты иногда сопротивляются работе со сказками, считая их содержание несерьезным. Поэтому работу, видимо, надо начинать с того, чтобы развеять предубежденность студентов по отношению к сказкам.

Примечание

- ¹ В.В. Виноградов. Основные типы лексических значений слов. — В кн.: Избранные труды. Лексикология и лексикография. М., 1977.

СЕМАНТИЧЕСКИЕ ТИПЫ ЕДИНИЧНОСТИ ПРЕДМЕТОВ

И. Пете

Семантико-языковая категория единичности выражает наличие только о д н о г о предмета. Единичность — это то конкретное начало н а л и ч и я предметов, с которого начинается последовательное отвлечение, переходящее в двойственность и абстрактную бесконечную множественность. В лингвистической литературе выделяются разные семантические типы множественности¹. Единичность, однако, представлена единой семантико-языковой категорией, которая не подразделяется на частные значения. Внутри общего содержания категории единичности нами выделяются следующие частные категории:

1. Счетная единичность, которая обозначает один предмет при подсчитывании кого-чего-л., часто противопоставляя единичный предмет разным типам множества. Основным средством выражения счетной единичности предметов является числительное один, которое в русском языке изменяется не только по падежам и родам, но и по числам. /Во многих языках, напр., в венгерском, числительное 'один' не может изменяться по числам/. Во мн. числе в значении счетной единичности оно употребляется с существительными, употребляющимися только во мн. числе. Ср.: У меня одна сестра и два брата. Игра шла в одни ворота.

Слова, имеющие значение единицы измерения пространства или времени, денежного измерения, весовых величин и т.п., употребляются в русском языке — в отличие, напр., от венгерского языка — без числительного один. Напр.: С т а к а н газированной воды стоит к о п е й к у. Вот уже м е с я ц как я лежу в госпитале. /Пауст./ Он пришел в себя, когда до земли остался к и л о - м е т р /Неделя, 1966/51, с. 23/.

В значении счетной единичности числительное один может субстантивироваться. Ср.: Любить всю жизнь о д н у или о д н о - г о — это все равно, что сказать, что одна свечка будет гореть всю жизнь /Л. Толстой, Крейцерова соната/.

В немецком, английском, чешском, словацком и др. языках единичность прямо противопоставляется множественности. В русском языке сочетания числительных 2, 3, 4 с род. падежом ед. числа мешают такому прямому противопоставлению счетной единичности точной множественности. В венгерском языке после всех числительных существительные всегда употребляются в ед. числе, т.е. противопоставление счетной единичности точной множественности выражается числительными.

2. Индивидуальная единичность, которая указывает, что предмет мыслится в единственном виде и не имеет себе подобных. На значении индивидуальной единичности, которая тесно связана с категорией определенности, основано употребление форм ед. и мн. чисел для выражения лексических значений собственных имен, которые являются названиями отдельных лиц или предметов.

Собственные имена, обозначающие индивидуальные предметы, не нуждаются в обозначении определенности, так как они могут быть, как правило, только определенными. Несмотря на это в разных языках наблюдается разный подход к обозначению их определенности. При названиях рек в венгерском языке, напр., всегда ставится определенный артикль, с названиями городов и сел, однако, артикли никогда не употребляются. В немецком языке определенный артикль употребляется перед всеми собственными именами, за исключением названий лиц и городов, а также стран среднего рода без определения. Названия вершин гор в английском языке употребляются без артикля, в венгерском языке — с артиклем. Ср.: Vesuvius and Etna are in Italy — A Vesuv és az Etna Olaszországban van.

3. Уникальная единичность, которая указывает, что предмет является единственным в мире, в данных условиях или в данной ситуации. Ситуация, в которой предмет встречается, может быть узкой или широкой. Напр.: отец в семье, капитан на парходе, ректор в университете, правительство в стране, солнце, луна во вселенной. Уникальные предметы всегда определены. Их определенность в тех языках, в которых имеются артикли, обозна-

чается определенным артиклем, который является дополнительным средством обозначения уникальной единичности. Такие существительные в русском языке в функции подлежащего при обычном порядке слов, как правило, стоят в начале предложения. Ср.:

<u>Земля вращается во- круг солнца</u>	-- <u>A föld a nap kö- rül kering</u>	-- <u>The earth moves round the sun</u>
<u>Луна восходит</u>	-- <u>Kel a hold</u>	-- <u>Der Mond geht auf</u>
<u>Книга лежит на сто- ле</u>	-- <u>A könyv az asz- talon van</u>	-- <u>Le livre est sur la table</u>

Употребление артиклей с названиями дней недели, месяцев, времен года, стран света зависит от специфики отдельных языков. В венгерском языке, напр., определенный артикль может употребляться только с названиями времен года, в немецком языке — со всеми существительными этих семантических групп. Ср.: в воскресенье мы совершили экскурсию — wir haben am Sonntag einen Ausflug gemacht; солнце восходит на востоке — die Sonne geht im Osten auf; в первые дни апреля — in den ersten Tagen des April/s — április első napjaiban; лето самое жаркое время года — der Sommer ist die wärmste Zeit des Jahres — a nyár a legmelegebb évszak.

Форма ед.числа названий множественных предметов выражает уникальную единичность, если предмет является составной частью или принадлежностью другого предмета. Ср.: окно открыто — the window is open — az ablak nyitva van. В притяжательных конструкциях, образованных при помощи притяжательных местоимений или притяжательных прилеп, определенный артикль не употребляется. В венгерском языке наблюдается тенденция, в силу которой существительные с личными притяжательными прилепами, особенно в начале предложения, употребляются без определенного артикля. Ср.: Я потерял ключ от своей комнаты — I have lost the key of my room — Elvesztettem /a/ szobám kulcsát.

Единичный пример может быть уникальным и определенным в результате контекстуальной /анафорической/ определенности, т.е.

когда предмет уже был упомянут ранее или же он упоминается в данной беседе повторно. Употреблением указательных, отождествительных и личных местоимений, с помощью отсылочных имен прилагательных говорящий часто информирует слушающего о том, что речь идет о том же самом, о чем он уже знает из предыдущего изложения. Напр.: Этот был тот самый дом, который я искал — Ez éppen az a ház volt, amelyet kerestem.

Единичный, ранее не упомянутый предмет, может быть определенным благодаря ситуативной /дейктической/ определенности. Напр.: Вот уже месяц, как я лежу в госпитале. Рана не очень тяжелая /Пауст./ — Már egy hónapja fekszem a kórházban. A sebem nem súlyos.

В случае визуально-ситуативной определенности предмет уникален и определен, если он находится в поле зрения собеседников и является единственным представителем своего класса в данной ситуации. Напр.: Ножницы на столе — Az olló az asztalon van.

4. Выделительная единичность, которая обозначает выделение одного предмета из множества однородных предметов. Предметы выделительной единичности являются также определенными. Средствами выделения могут быть: а/ разные типы о п р е д е л е н и я, выраженных относительными прилагательными, причастным оборотом, определительным придаточным предложением, местоимениями самый, сам, прилагательными в превосходной степени, порядковыми числительными: Вы тот самый человек, который мне нужен — You are the very person I need; Это самая короткая дорога к вокзалу — This is the shortest way to the station. б/ конструкция один из + род.пад. мн. числа: Гроза — одно из величественных явлений в природе /Чернышевский/. Числительное один сохраняет родовую форму ведущего слова, но в наши дни распространяется и смысловое согласование. Напр.: Она — одна из старейших музыкальных педагогов²; в/ конструкция единственный из /среди/ + род. пад. мн. числа: Он единственный из /среди/ студентов, который способен решить эту задачу.

5. Исключающая единичность, которая обозначает исключение одного предмета из какого-л. целого множества. Средствами выражения исключающей единичности являются существительные в ед. числе с предлогами кроме, за исключением, исключая и условно-исключительные конструкции. Ср.: На собрании присутствовали все, кроме больного директора /исключая больного директора, за исключением больного директора, если не считать больного директора/³. Если кто отсутствовал на собрании, так это был больной директор.

6. Ограничительная единичность, которая определяет число предметов при подсчитывании в количестве всего лишь одного, кроме которого нет никакого другого. Средствами выражения ограничительной единичности являются сочетания всего /только, лишь/ + один, один-единственный, единый /торж./. Ср.: Прошел всего один год. Отсутствует лишь /только/ один ученик. Я люблю одну/одного тебя. Это единственный выход из положения. Сын мой, один-единственный /Айтматов/. Я один-одинешенек. У меня одно единственное платье.

7. Изолированная единичность, которая обозначает отделение одного предмета от других подобных. Средствами выражения изолированной единичности являются числительное один в сочетании с глаголом, прилагательные одинокий, одиночный, отдельный, существительные одиночество, одиночка, наречия одиоко, отдельно, сочетания в одиночку, один как перст/как сыч, в единственном числе /шутл./. Напр.: Она сидела одна /одиокая, в одиночестве, одна-одинехонька/. Она увидела Петра одного в комнате; комната для одиокого человека, комната на одного. При выражении изолированной единичности, если она обозначается числительным один, важную роль играет порядок слов. Числительное один стоит после глагола³. Ср.: Одна птица поет — Птица поет одна. Сочетание мать-одиночка выражает особый тип изолированной единичности.

Изолированная единичность может быть выражена также глаголом уединяться/уединиться и сочетанием жить/держаться особняком. Напр.: Он нравственно уединил себя от всех людей, жил среди них

особняком /А.К. Толстой/. В качестве изолированной единичности может рассматриваться несколько предметов. Напр.: Наконец, мы остались одни. Мать оставила детей одних.

8. Сингулятивная единичность, которая указывает на отдельный кусок, единицу вещества: шоколадка, картофелина. Р.М. Шабазян указывает, что сингулятивы образуются не от всех вещественных имен, а только от тех, которые обозначают вещество, четко распадающееся на частицы и экземпляры⁴, могущие существовать в виде отдельных самостоятельных единиц. В редких случаях образуются так наз. избыточные сингулятивы. Напр.: береза — березина, черепаха — черепашина. Ю.С. Азарх указывает, что их образование "поддерживается тем обстоятельством, что в русском языке названия деревьев /добавим, и названия некоторых изделий из разных веществ/ могут употребляться для обозначения как одного предмета, так и совокупности целого ряда однородных предметов"⁵. Напр.: Много в смешанных лесах березы, которая встречается в тайге /Советский Союз, М., 1975, с. 24/.

9. Неопределенная единичность, которая основывается на неизвестности предмета для собеседников. Предмет неопределен, если он упоминается в данном речевом акте впервые и из ситуации также не знаком слушающему. Неопределенная единичность в ряде языков выражается неопределенным артиклем, в русском языке — контекстом, порядком слов и безударным неопределенным артиклем один⁶. К.И. Мишаева отмечает, что слово один в значении неопределенного местоимения напоминает по значению и употреблению неопределенный артикль в немецком и других языках⁷. В.В. Виноградов считает, что подобное употребление слова один "подверглось сильному влиянию со стороны неопределенного члена немецкого и французского языков"⁸. Употребление русского неопределенного артикля один является факультативным, если определение или придаточное предложение суживает значение существительного. Ср.: Позволь мне рассказать тебе /одну/ историю, свидетелем которой я был — Я хочу рассказать тебе одну историю. Я принесла тебе одно письмо, переведи его.

Ш. Кони указывает, что употребление неопределенного артикля один обязательно при выражении единичной неопределенности, если предмет известен говорящему. Напр.: Я купила тебе одну вещь. Я действительно люблю одну девушку /Н. Погодин/. Да, мне хотелось бы увидеть здесь одного человека, его здесь нет /Н. Погодин/. ...я в поле познакомился с одним калужским мелким помещиком /И. Тургенев. Хорь и Калиныч/. В.Г. Гак приводит также примеры обязательного употребления неопределенного артикля один: Один друг сказал мне, что этот фильм надо посмотреть¹⁰.

При выражении неопределенности предмета слово один не употребляется, если предмет может быть отнесен к любому предмету данного класса, если его индивидуальные свойства не имеют для говорящего значения, или же когда сообщается нечто новое о нем благодаря наличию при нем определения. Напр.: Мне нечем писать, дай мне карандаш/зеленый карандаш. Предмет неопределен в сравнительных конструкциях с обобщенным значением. В русском языке в таких предложениях не употребляется слово один: Он чувствовал себя, как старый солдат. Я встретил собаку вроде моей /Ушаков/. ..он кричит, словно ребенок /Чехов/.

Неопределенность предмета в русском языке может выражаться постпозицией подлежащего по отношению к сказуемому. Напр.: На набережной сидел рыбак и играл на губной гармошке /В.Г. Гак/. В. Биркенмейер приводит примеры противопоставления словосочетаний с один и без один как противопоставления неопределенности и генерализации. История одной любви — История любви, Размышления над одной смертью — Размышления над смертью.

10. Оценочная единичность, которая выражает оценку /оттенки иронии, насмешки, возмущения и др./ человека. Л.В. Якимова отмечает, что в русском языке есть группы существительных, употребляемых при оценке единичных предметов¹¹. К ним относятся: а/ существительные, образующие переносные значения путем перенесения на человека названий животных: Трещит, как сорока; б/ существительные, образующие переносные значения путем перенесения на человека названий предметов быта: Он любит этого мешка; в/ су-

существительные, образующие переносные значения путем перенесения на человека названий людей: Послушай, ты, жалкий, несчастный провинциал.. /Куприн/; г/ существительные общего рода обычно также употребляются в значении оценочной единичности. Напр.: Оля — ужасная неряха.

11. Образная единичность, которая обращает внимание на важность, значительность какого-н. предмета, явления, понятия. В таком значении употребляются существительные в переносном значении, обозначающие основу, суть, главную часть чего-н. Л.В. Якимова указывает, что "Форма ед. числа как бы подчеркивает, что рассматриваемый предмет является единственным по своей значительности"¹². Напр.: Насосная станция — сердце всего нефтепровода. Он был душой предприятия /Ушаков/. Народное образование является двигателем науки и культуры /Ушаков/. Взять в свои руки руль государственного управления /Ушаков/.

В фразеологических сочетаниях, обозначающих сущность чего-н., существительные обычно употребляются в ед. числе. Напр.: Он у нас в учреждении первая скрипка /Ушаков/. Я здесь последняя спица в колеснице.

12. Иллюзорная единичность, которая имеет цель "в той или иной мере показать иллюзорность видимой единичности и реальность невидимой множественности"¹³. Иллюзорная единичность выражается формами мн. числа. Д.И. Арбатский указывает, что "главное значение данных форм состоит в том, чтобы представить данное единичное явление как серию аналогичных явлений и предметов, которые пока что скрыты от наблюдателя"¹⁴. Иллюзорная единичность в форме мн. числа широко используется для выражения различных оттенков осуждения какого-л. явления, для выражения упрека, порицания. Напр.: Что это вы, — сказал с упреком Леонтий Назарович. — Знаменитых своих земляков забываете /Пауст./. В вагоне новые пассажиры: молодая женщина с чемоданом /И.И. Ревзин/. Не дави живых людей — я еще не умер. Прошу не оскорблять служащих. У меня гости: дочка скобеевского доктора приехала /Фадеев/.

Многие из таких конструкций являются устойчивыми. Напр.: забывать своих знакомых /друзей, сослуживцев, земляков/, тратить деньги на разъезды, устраивать скандалы, разговаривать на уроках. Чему тебя в университетах учат? Никаких исключений! Никаких колебаний!

Примечания

1. В.М. Кульгавая. Способы выражения неопределенного множества исчисляемых понятий в совр. немецком языке. М., 1975, АКД. Н.С. Чиркинян. О некоторых способах выражения количественности в русском языке в сопоставлении с армянским. — В кн.: Межвузовский сборник научных трудов, Ереван, 1977, с. 77—78 и далее.
2. А.Б. Копелинович. Синтаксические свойства "один из" в сочетании с личным им. существительным. — В кн.: Уч. зап. Влад. ГПИ, Серия "Русский язык", Владимир, 1971, с. 32—36.
3. К.И. Мишина. Значение и употребление слова "один" в русском языке. — В кн.: Уч. зап. МГПИ им. Ленина, № 148, М., 1960, с. 94—112.
4. Р.М. Шахбазян. Вещественные существительные *singularia tantum* в современном яруском языке. Ереван, 1961, АКД, с. 8.
5. Ю.С. Азарх. К истории сингулятивов в русском языке. Общеславянский лингвистический атлас, 1973, М., 1975, с. 85.
6. В.В. Гуревич. Есть ли артикли в русском языке? "Русская речь", 1968, № 3.
7. К.И. Мишина. Ук. соч., с. 101—103.
8. В.В. Виноградов. Русский язык. М.—Д., 1947, с. 306.
9. Ш. Кони. Венгерские артикли в сопоставлении с некоторыми явлениями русского языка. *Dissertationes Slavicae*, Szeged, 1966, с. 26.
10. В.Г. Гак. Русский язык в сопоставлении с французским. М., 1975, с. 41.
11. Цитируется по работе Т.М. Николаевой. Словосочетания с лексемой "один". Форма, значения и их контекстная маркированность. — В кн.: Синтаксис текста, "Наука", М., 1979, с. 140. W. Birkenmaier. Die Funktion von *odin* im Russischen. *Zeitschrift für Slavische Philologie*, 1976, Bd. 29, Hf. 1, S. 44.
12. Л.В. Якимова. Значение ед. числа имен существительных в совр. русском лит. языке. М., 1955, АКД, с. 2.

13. Л.В. Якимова. К вопросу о значении и употреблении ед. числа имен существительных. — В кн.: Уч. зап. Калининского ПИ, т. 30, Серия фил., Калинин, 1963, с. 150.
14. Д.И. Арбатский. Число гиперболическое. — РЯШ, 1972, № 5, с. 93—94.
15. Там же.

ЗАМЕТКИ К СОПОСТАВИТЕЛЬНОМУ ИЗУЧЕНИЮ
ВЕНГЕРСКОГО И РУССКОГО ЯЗЫКОВ

И. Пете

В.Г. Костомаров и О.Д. Митрофанова отмечают, что "на протяжении истории методики обучения иностранным языкам, вероятно, не было другого принципа, к которому бы так противоречиво изменялось отношение, как к принципу опоры на родной язык. В настоящее время принцип учета родного языка не является дискуссионным, он признается практически всеми; споры возникают лишь по частным вопросам сопоставительной методики, связанным с практической реализацией этого принципа. В настоящее время под учетом родного языка подразумевают принцип отбора и организации материала, принцип выделения наиболее трудных при изучении русского языка и необходимых для учащихся явлений"¹. По этому принципу построена у Аттилы Шальги книга "Венгерский язык в зеркале русского языка" /Будапешт, 1984, 151 с./. Пособие предназначено в первую очередь для советских преподавателей, обучающих венгров русскому языку в период включенного обучения на стажировке и на разных курсах. Цель данной книги — дать возможность советским преподавателям познакомиться с основами графической, фонетической, морфологической и синтаксической системы венгерского языка. В конце книги даются также сведения страноведческого характера — это наилучшая часть книги, как, например, как считают венгры и русские на пальцах, как называются этажи в русском и венгерском языках, как пишутся адреса на конверте, какие данные имеются в русских и венгерских паспортах, как обращаются ученики к преподавателям в русских и венгерских школах, какова система оценок знаний учеников, когда 'время детское' у русских и у венгров, какие праздники у русских и венгров и др. Ценность книги состоит в том, что она является руководством для советских преподавателей, позволяющим предсказать случаи возможного действия межъязыковой интерференции.

Работы такого характера требуют сопоставления не только системы двух языков, но и точки зрения на данные языковые явления в области науки о русском и венгерском языках. Довольно часто наблюдаются случаи, когда те же самые или сходные явления в разных языках учеными оцениваются по-разному или же просто излагаются не одинаково. При описании таких языковых явлений от исследователя требуется определенная смелость, чтобы отказаться от традиционных взглядов относительно того или иного языка, чтобы не увеличить расхождения там, где их фактически нет. Аттиле Шальге такой смелости иногда не хватает. Так, напр., русские согласные звуки 'по наличию или отсутствию голоса' делятся на шумные /шумные глухие, шумные звонкие/ и сонорные, венгерские же согласные 'по работе голосовых связок' могут быть глухими, звонкими и сонорными. При подобной форме изложения того же самого принципа классификации совпадающие в русском и венгерском языках группы могут показаться некоторым преподавателям несовпадающими /см. с. 19/. На основе этой же таблицы у читателей создается впечатление, что в венгерском языке согласные звуки — в отличие от русского языка — не различаются 'по участию спинки языка', то есть, что в данном случае мы имеем дело с полным отсутствием мягких согласных в венгерском языке. На самом же деле в венгерском языке имеются 4 палатальных /не 'палатализованных'/ мягких согласных звука, которые могут выступать как фонемы. Ср.: dér — gyér, dül — gyül, enni — ennyi, atya — atyja /с. 20/. На основе предложения "Венгерские согласные можно произносить как кратко, так и долго" /с. 19/ можно сделать вывод, что в русском языке нет долгих согласных звуков. Здесь однако проявляется частичное совпадение: в русском языке долгие согласные звуки имеются в начале и в середине слова, но не могут стоять в конце слова, в венгерском языке их не встречается в начале слова, кроме того венгерские краткие и долгие согласные обычно противопоставляются друг другу как фонемы, что не характерно для русского языка. Ср.: введение — ведение, касса; но: бал — балл, [бал] гриб [гр'ип] — грипп [гр'ип], ál — áll, ara — arra.

В данном пособии отсутствует в отдельных случаях продуманная система изложения материала. О звуковых реализациях отдельных согласных и гласных фонем /с. 20, 16/ следовало бы говорить после описания системы фонем. Эта система однако дается только на 24 и 25 страницах.

Возможная симметрия не всегда прослеживается в ходе описания. При описании звуковых реализаций отдельных согласных фонем встречаются группы согласных без различий в артикуляции и 'согласные звуки с различиями в артикуляции' /с. 20/, при описании же гласных звуков ход описания диктуется другим принципом. Не выделяются в особую группу те согласные звуки русского языка, усвоение которых особенно трудно для венгров. Это звуки ы, л, ж, ш, сочетание звуков дж, дз /они ошибочно считаются в пособии аффрикатами/ и мягкие согласные звуки /за исключением т', д', н'/ и звук ј после мягких согласных в начале ударяемого слова /Татьяна, крестьяне/.

Что касается классификации частей речи, то можно было бы отметить, что в венгерском языке также имеется связка и существуют модальные слова, правда, в грамматиках венгерского языка не выделяются в самостоятельные части речи. /В академической грамматике русского языка 1980-го года также нет этих частей речи/. В дальнейшем Шальга уже указывает на существование связки и модальных слов в венгерском языке. /Ср. с. 33-34, 83-87/. Говоря о последелогах в венгерском языке, автор мог бы указать, что в русском языке некоторые предлоги могут выступать также в функции послелого, и слово назад в русском языке также является послелогом. Не только послелоги, но и предлоги могут ставиться дважды /с. 90/. Разница между ними однако в том, что послелоги только тогда могут ставиться дважды, "если имя существительное с послелогом в качестве определения имеет при себе указательное местоимение. Ср.: за тем кустом — а mögött a bokor mögött" /с. 90/. Два разных предлога в русском языке также могут стоять перед одним словом:

а/ для усиления какого-либо одного значения употребляются предлоги синонимического значения: Для ради важности держат,

потому что княжеское, — подумал Базаров /Тургенев, Отцы и дети/. В садочке по-за тыном что-то зашуршало /Короленко, Судный день/. Если кто-то из-среди нас предпримет такое путешествие, мы уже.. с изумлением таращим на него глаза /Гоголь/. Тот između нас нам должен быть опасен, кто властолюбием свой дух возмог прельстить /Озеров, Дмитрий Донской/. А вон еще трое едут под-лесом /Л. Толстой/². По-над Доном сад цветет /А.Кольцов/.

б/ Сложение предлогов является средством пополнения категории предлогов в славянских языках³. В современном языке так возникли сложные предлоги: из-за, из-под.

в/ два предлога перед одним словом могут выражать разные значения: Я останусь здесь до без четверти час.

Деление глаголов на переходные и непереходные с сопоставительной точки зрения является проблематичным. А. Шальга придерживается точки зрения, принятой в русском языкознании, согласно которой "переходные глаголы называют действие, которое направлено на объект, выраженный зависимым именем в форме вин. падежа /при наличии в предложении отрицания такой вин. пад. регулярно заменяется род. п.: читал книгу — не читал книги/"⁴. "Непереходные глаголы называют действие, не предполагающее объекта, выраженного формой вин. п."⁵. Глаголы с постфиксом -ся относятся к глаголам с формально выраженной непереходностью. Такая точка зрения на категорию переходности/непереходности сильно увеличивает расхождения в разных языках по категории переходности/непереходности. В направленности действия на объект трудно обнаружить какие-либо различия, напр., при сопоставлении таких синонимичных словосочетаний как: водить машину — управлять машиной, руководить делегацией — возглавлять делегацию, двигать стулья — двигать стульями, развести гармонь — развести руками, поникнуть головой — склонить голову, моргнуть глазом — зажмурить глаза, поводить бровями — насупить брови, изучать языки — учиться языкам. В § 1459 "Гр.-80" указывается,

что существуют переходные глаголы, "совмещающие значение достижения результата со значением количественности: нарвать цветов, наделать ошибок, закупить книг". Подобные значения выражаются также глаголами с постфиксом -ся: напиться воды, наесться сладкого/хлебом, надышаться лесным воздухом, обесться сладким. Пояснительные члены таких словосочетаний во 2-м томе "Гр.-80" оцениваются как объект разных действий /бояться, стыдиться кого-чего, учиться, радоваться, улыбаться чему-н., распоряжаться чем-н., интересоваться чем-н. и др./ см. §§ 1737, 1738, 1739/. Логично сделать вывод, что объект может стоять только при переходных глаголах. Языковым фактам соответствует такая точка зрения на категорию переходности/непереходности, согласно которой переходные глаголы обозначают действие, переходящее на объект. Они делятся на прямо-переходные и косвенно-переходные. На такой теоретической основе переходные и непереходные глаголы в разных языках обычно совпадают по наличию признака переходности/непереходности, поскольку переходность/непереходность глаголов прежде всего зависит от их семантических свойств. Переходные глаголы часто различаются в разных языках по характеру переходности. В книге Шальги, к сожалению, не обращается внимание на такие типы расхождений между русским и венгерским языками. Нет и намека на то, что подавляющему большинству русских косвенно-переходных глаголов в венгерском языке соответствуют 'прямо-переходные глаголы', управляющие винительным падежом существительных. Ошибочным является утверждение автора о том, что в венгерском языке "формальным признаком выражения объекта являются... окончания безобъектного спряжения глагола" /с. 37/. Окончания безобъектного спряжения в венгерском языке не указывают на объект. Ср.: Péter olvas egy könyvet/könyvet olvas 'Петр читает книгу' - Péter olvas oroszul 'Петр читает по-русски', Péter esténként olvas 'Петр по вечерам читает'.

Спорным является утверждение А. Шальги, что "венгерскому глаголу не присуща категория залога" /с. 51/. Слово залог он переводит как 'igealak', 'változat' в то время как в венгер-

ских грамматиках употребляется термин igefajta /правда, в трех разных значениях/.

По мнению К.Е. Майтинской, "в венгерском языке среди грамматических категорий глагола в целом отсутствует категория залога, так как залоговые оттенки значения обозначаются множеством разнообразных суффиксов и выражение залоговой направленности не связано с какими-либо особыми формами спряжения"⁶. Однако, залоговые значения в русском языке также не связаны 'с какими-либо формами спряжения'. Академик Ференц Папп считает, что в венгерском языке не только глаголы, но и "отглагольные существительные выражают категорию залога. Ср.: развитие — fej-lődés и fejlesztés, распространение /el/terjedés и /el/terjesztés и т.п." /То же самое наблюдается и в некоторых славянских языках, например, в польском. Ср. urominanije и urominanije sie/ ⁷. Факты венгерского языка подтверждают мнение Ф. Паппа. В венгерском языке также выражается семантико-языковая /или функционально-семантическая/ категория залога. Само содержание понятия 'залог' в языкознании является дискуссионным. Определение Аттилы Шальги, согласно которому "залог обозначает различные отношения между субъектом и объектом действия" /с. 51/, не выражает сущности этой категории. В "Гр.-80" /т. I, § 1455/ "Залог — это категория, образуемая противопоставлением таких рядов морфологических форм, значения которых отличаются друг от друга разным представлением одного и того же соотношения между семантическим субъектом, действием и семантическим объектом". Из этого ясно, что отношение между субъектом и объектом действия одно и то же. Ср.: ученик читает книгу — книга читается учеником. "Различия заключаются в разной направленности глагольного признака по отношению к его носителю, выраженному подлежащим" /Гр.-80, т. I, с. 613/. Другими словами, категория залога выражает отношение действия, субъекта и объекта действия к подлежащему предложения⁸. В венгерском языке можно выделить больше залогов, чем в русском языке, а именно: действительный, страдательный /редко употребляется/, возвратный, взаимный, бесподлежащий, каузативный и потенциальный залогов.

В последнее время высказываются разные мнения о существовании в и д а и его признаках в венгерском языке. Одни лингвисты, в том числе и А. Шальга, считают, что в венгерском языке нет категории вида. Другие, напр., Л. Деже⁹, придерживаются мнения, согласно которому признак тотальности в русском языке проявляется в форме вида, а в венгерском языке — как видовое образование. Третьи лингвисты /Балаж Ваха¹⁰, Ференц Кифер¹¹/ высказывают мнение, что в венгерском языке существует вид, который отличается от русской видовой системы, но во многих аспектах русская и венгерская видовая система имеет сходные черты. На наш взгляд, в венгерском языке результативные, временные и количественные видовые значения не переплетаются между собой, как это часто наблюдается в русском языке, а проявляются в форме самостоятельных видовых противопоставлений. В венгерском языке однократные и многократные действия, мгновенные и длительные действия на основе результативного видового противопоставления могут обозначаться глаголами несовершенного и совершенного вида. Имеются такие семантические группы глаголов, для которых характерны противопоставления глаголов НСВ и СВ по значению процесса и его результата /результативные видовые пары /ir — megir/, по значению процесса и начала процесса /временные видовые пары — szeret — megszeret/, или по значению повторяемости и единичности действия /количественные видовые пары — csóvál — megcsóvál/. Основным способом перфективации всех типов видовых пар являются приставки в чистовидовом значении, а реимперфективации — приставок, стоящих после глаголов /в случаях, если глаголы обозначают разные направления движения в пространстве/. Венгерские глаголы СВ — подобно болгарским глаголам совершенного вида — могут иметь простые и сложные формы будущего времени. /Ю.С. Маслов, А.В. Бондарко, О.П. Рассудова различают три компонента — общее значение, способы действия и частные видовые значения не внутри вида, как это Шальга утверждает /с. 48/, они выделяют внутри аспектуальности вид и способы действия, категория же вида обладает общим и частными видовыми значениями/.

Нельзя согласиться с утверждением Шальги, согласно которому "при выявлении значения русских приставок сопоставительный метод не поможет", потому что одной венгерской приставке, как правило, соответствуют разнообразные русские приставки" /с. 50/. Конечно, русские и венгерские приставки не совпадают во всех своих значениях, однако между русскими и венгерскими приставками в пространственном значении обнаруживаются регулярные соответствия. Утверждение Шальги почти полностью действительно только при сопоставлении способов действия. Языковые факты не подтверждают того, что Шальга пишет о значении некоторых венгерских приставок. Так, напр., глагол megaláz и без приставки meg- выражает пренебрежение /ср. porig/földig aláz/, поэтому приставка meg- не может иметь пренебрежительного значения. Глаголы felnagyít, lesoványodik и без приставки выражают увеличение или уменьшение, то есть приставки в данном случае не обладают такими значениями /ср. с. 85/.

Несомненной заслугой Шальги является указание на следы одушевленности при склонении венгерских существительных в тех случаях, когда нарицательные и собственные имена совпадают: при нарицательных именах окончание винительного падежа добавляется к основе через соединительный гласный, при собственных именах — без него. Ср.: kő — követ 'камень', Kő — Köt /фамилия, с. 69/. Эта особенность в склонении венгерских собственных имен однако характерна и для неодушевленных собственных имен /напр., Hollókő — Hollóköt/, то есть правильнее говорить о различии в склонении нарицательных и собственных имен в венгерском склонении. Можно отметить, что более 50 лет назад в русском языке образование творительного падежа некоторых типов собственных имен отличалось от образования творительного падежа нарицательных имен. Ср. жить под городом — жить под Куйбышевым, битва под Бородиным. В современном русском языке подобные различия имеются только в том случае, если собственные имена обозначают фамилии, то есть это второе проявление категории одушевленности в русском склонении.

Специальное исследование требуется для рассмотры синтаксической одушевленности/неодушевленности в русском и венгерском языках. В области сопоставления русского и болгарского языков Гочо Гочев провел такое исследование¹². / Ср.: звонить редактору — звонить в редакцию = felhívja a szerkesztőt — felhívja a szerkesztőséget, заявить о краже следователю — заявить о краже в милицию = bejelenti a lopást a nyomozónak — bejelenti a lopást a rendőrségen, узнать у друга — узнать из газеты = megtudja a barátjától/az újságból, выслать деньги через дядю — выслать деньги по почте = pénzt küld a nagybácsival/a postán, остановиться у товарища — остановиться в гостинице = megszáll a társánál/a szállodában, бежать к врачу — бежать в больницу = elszalad az orvoshoz/a kórházba /с. 45-49/.

Говоря о сходствах и различиях в обозначении пола людей, животных в русском и венгерском языках полезно было бы указать также на сходство и различия в обозначении собирательного значения /59, с. 68/.

Говоря о степени сравнения имени существительного в венгерском языке /с. 71/, следовало бы указать, что подобные явления имеются и в русском языке. Ср.: Мне кажется, что вы более индивидуалисты, чем народники /Горький, Жизнь Клима Самгина./¹³ — /В лит. языке: Мне кажется, что вы в большей степени индивидуалисты, чем народники/. Вы больше врачи, чем немцы /Горький, Жизнь Клима Самгина./ — /В лит. языке: Вы враги, хуже немцев/. ..кто более герой — поручик Петров или Антон Тагильский /Г., Ж. Кл. С./ — Кто поступил более геройски..., Возможно, что они правы, считая себя гораздо больше людьми, чем я /Г., Ж. Кл. С./ — ..они считали себя гораздо в большей степени людьми, чем я; ..и тот оказался более человеком, чем отец с матерью; Это чудо из чудес; Он трус из трусов; Он начальник над всеми начальниками.

К сказанному о степенях сравнения прилагательных можно добавить, что в венгерском языке формы сравнительной степени в отличие от русского языка — как и формы превосходной степе-

ни в обоих языках — также употребляются в значении безотносительной степени качества. Ср.: Egy idősebb emberrel beszélt — Он говорил с пожилым человеком; egy kissé kövérebb ember — толстоватый мужчина; egy nagyobb Volga-parti város — небольшой приволжский город.

Русским собирательным числительным и собирательным наречиям соответствуют в венгерском языке собирательные наречия /реже лично-притяжательные окончания мн. числа, присоединяющиеся к количественным числительным/, которые — в отличие от русского языка — образуются от всех определенно-количественных и неопределенно-количественных числительных и могут сочетаться только с названиями л и ц. /С названиями животных они встречаются только в народной речи/. Употребление собирательных числительных в русском языке может быть обязательным и факультативным. Собирательные наречия в венгерском языке употребляются факультативно /Ср. с. 75/.

Относительно классификации местоимений можно отметить, что в русском и венгерском языках практически имеются те же самые семантические группы местоимений. Венгерские отрицательные местоимения, которых нет в таблице местоимений у Шальги /с. 76/, поскольку в венгерских грамматиках они объединяются в одну группу с неопределенными местоимениями, мало чем отличаются от русских отрицательных местоимений. В таблице русских местоимений нет взаимного местоимения, несмотря на то, что русское друг друга по структуре и значению соответствует венгерскому, немецкому или английскому взаимному местоимению /ср. egymás, einander, each other/.

Книга Шальги только выиграла бы, если ее автор использовал бы систему русских местоимений, разработанную А.В. Исаченко¹⁴. В венгерском языкознании также была предложена иная классификация.

К сказанному об указательных местоимениях можно добавить, что система указания по степени близости/отдаленности в русском и венгерском языках не совпадает /с. 78/. В современном русском языке существует двухступенная /бинарная/ система при

указании на предметы /этот — тот/ и признаки действий /сюда — туда/, одностепенная система — при указании на признаки предметов и их количество /такой, столько/. В древнерусском, сербо-хорватском, латинском языках имеется трехстепенная система указательных местоимений /сь — ть — онъ, ова — та — она, hic — iste — ille/. В некоторых случаях в современном русском языке встречаются элементы трехстепенной или даже четырехстепенной системы. Ср.: здесь/тут — там /при переключке в классе, реагируя на произнесенную фамилию ученика, следует отвечать здесь', а не 'тут'/, сейчас — теперь — тогда — во время оно /Сколько сейчас времени? — теперь не употребляется/. В венгерском языке имеется четырехстепенная система указательных местоимений, которые указывают на непосредственно близкие, близкие, далекие и более отдаленные предметы /emez — ez — az — amaz/, признаки предметов /emilyen — ilyen — olyan — amolyan/, признаки действий /emitt — itt — ott — amott, emide — ide — oda — amoda, emigy — igy — ugy — amugy/ или количество предметов /emennyi — ennyi — annyi — amannyi/. Четырехстепенная система указания в современном венгерском языке все более упрощается, на практике чаще употребляется двухстепенная система. К типологической системе указания относится также и то, что указательные местоимения, указывающие на предметы в венгерском языке, в функции определения всегда употребляются с определенным артиклем, в английском языке — без определенного артикля, так как определители в этом языке взаимно исключают друг друга. В болгарском языке указательные местоимения также не употребляются вместе с определенным артиклем. Ср.: Ez a ceruza az enyém — This pencil is mine — Этот карандаш мой — Този молив е мой.

Формулировка "Для выражения отрицания в венгерском языке употребляется не родительный /или винительный/ падеж, а именительный. Ср. Дождя не будет — Nem lesz eső.." /с. 64/ не является точной. В таких типах отрицательных предложений в русском языке не может употребляться винительный падеж. В русских отрицательных же предложениях с переходными глаголами можно употреблять вин. или род. падеж существительных. В эквивалентах та-

ких русских предложений в венгерском языке всегда употребляется только винительный падеж. Ср.: Он не читал сегодняшнюю газету/сегодняшней газеты — Nem olvasta a mai újságot.

Выбор термина координация для обозначения связей между подлежащим и сказуемым неудачен, поскольку этот термин во многих языках обозначает 'сочинение', ср. субординация 'подчинение' /с. 98/. Кроме того 'координация' является только одним из типов связей между подлежащим и сказуемым.

В заключение следует отметить, что книга Аттилы Шальги предлагает один из возможных способов сопоставительного описания венгерского языка в зеркале русского языка. Она интересна и полезна не только советским, но и венгерским преподавателям русского языка. А. Шальга /несмотря на некоторые недосмотры и пробелы/ — внес значительный вклад в разработку системного сопоставления русского и венгерского языков. Данная работа несомненно будет стимулировать дальнейшие исследования в области сопоставительного изучения русского и венгерского языков.

Л И Т Е Р А Т У Р А

1. В.Г. Костомаров, О.Д. Митрофанова. Методическое руководство для преподавателей русского языка иностранцам. М., 1976, с. 38.
2. Примеры взяты из работы В.С. Бондаренко. Предлоги в современном русском языке. М., 1961, с. 33.
3. См. Г. Тагамлицкая. Сложение предлогов как средство пополнения категории предлогов в славянских языках. Славянская филология. Сб. статей. III, IV Международный съезд славистов. М., 1958, с. 61-96.
4. Русская грамматика. Академия наук СССР. М., 1980, I, с. 614.
5. Там же.
6. К.Е. Майтинская. Венгерский язык. М., 1955, I, с. 205.
7. К. Болла — Э. Палл — Ф. Папп. Курс современного русского языка. Будапешт, 1968, с. 340.
8. См. Иштван Пете. Морфология современного русского языка в сопоставлении с венгерским языком. Будапешт, 1984, с. 95.
9. Л. Деже. Типологические вопросы русской аспектологии. В кн.: "Аспектуальные и темпоральные значения в славянских языках". М., 1983, с. 4. Az "aspektualitás" és tanítása. Nyr, 1983, M., 1983, с. 4.
10. Wacna Balázs. Az igeaspektusokról. — MNy, LXXXII, I, Az "aspektualitás" és tanítása. Nyr, 1983, N° 2.
11. Kiefer Ferenc. Az előfeltevések elmélete. Bp., 1983; A magyar aspektusrendszer vázlata. — ÁNYT, Bp., 1984.
12. См. о зависимости падежного и падежно-предложного управления от категорий одушевленности/неодушевленности имени существительного. — Болгарская русистика, 1982, № 2.
13. Bosák Ctirad. Opisni komparativ v současné rustine. "Kapitoly ze srovnávací mluvnice ruské a české", II. Praha, 1961, с. 7-151. Иштван Пете. Количественные отношения в русском и венгерском языках. Будапешт, 1981, с. 11.
14. A.V. Isačenko. Die russische Sprache der Gegenwart. I, Formenlehre. Halle, 1962, с. 469-520.

К ВОПРОСУ ОБ ОБЩЕМ ЗНАЧЕНИИ ГЛАГОЛОВ
СОВЕРШЕННОГО ВИДА

И. Крекич

1. В аспектологии общее значение глаголов совершенного вида толкуется по-разному; не удалось создать единой концепции, добиться тождества взглядов. Причину этого мы усматриваем в том, что даже в кругу специалистов сталкиваются такие взгляды, которые на самом деле не противостоят друг другу, не исключают, а, напротив, дополняют друг друга.

2. В статье мы не ставили своей целью оспаривать используемые в специальной аспектологической литературе определения. Мы ищем ответы на вопросы, как соотносятся эти определения, каким образом они составляют диалектическое единство, как они дополняют друг друга с точки зрения философии и языка.

2.1. Г.Г. Клейн /один из представителей генеративной лингвистики/ в своей монографической работе указывает на модное явление генеративно ориентированных работ, которые /обычно из-за недостаточного знания традиционной терминологии/ либо отрицают, либо "вновь открывают" термины, и таким образом проходят мимо проблем, связанных с ними¹.

3. Что касается общих видовых значений, в аспектологии сформировалось три направления.

3.1. Представители самого распространенного направления сосредоточивают свое внимание на достижении правой границы действия, считая ее общим значением формы совершенного вида /Р. Якобсон, С. Карцевский, В.В. Виноградов, Е.А. Земская, И.П. Мучник, М.В. Панов, А.Н. Тихонов, А.А. Бойко и др./.. Этот взгляд стал известен в формулировке В.В. Виноградова: "...основная функция совершенного вида — ...сосредоточение внимания на одном из моментов процесса как его пределе" /подчеркнуто нами — И.К./.. "Обозначение действия в его течении, не стесненной мыслью о пределе процесса в целом, — основное, общее значение несовершенного вида"³. Обращая наше внимание на правую границу действия, Виноградов не отрицает в значении перфективов целостного

проявления действия: имперфективы и перфективы противопоставляются им, как не стесненные/стесненные "мыслью о пределе процесса в целом" /подчеркнуто нами — Й.К./³. К сказанному необходимо добавить, что в иерархии аспектуальных значений признак целостности пересекается с категорией "предельность II" /общее лексическое значение перфективных способов действия/⁴. Категория "предельность II" совмещает в себе на уровне "особенного" /"определенно-общего"/ все временно-предельные, количественно-предельные и качественно-предельные значения, в зависимости от того, какого предела достигают перфективы: временного, количественного или качественного.

3.2. Польский лингвист Эрвин Кошмидер при анализе "аспектуальных ситуационных типов" исходит из оппозиции "наступления" /"Eintritt"/ и "протекания" /"währen"/⁵. В своей формулировке Кошмидер выдвигает левую границу перфективного действия, не отрицая при этом целостного проявления перфективного действия: "Das perfektive Aspekt... drückt aus, dass das Ausgesagte von Sprechendem als Ganzes /подчеркнуто нами — Й.К./ betrachtet wird"⁶. Это Кошмидерово "наступление" /"Eintritt"/ восходит к Бругману, по мнению которого индоевропейский комплексивный аорист, фиксирующий в цепи событий последовательное действие, передает его в своей целостности: "Unmittelbar aus dem, was wir das Wesentliche der Aoristbedeutung genannt haben, versteht sich der Gebrauch, dass man durch den Ind. Aor. einen Vorgang... in seiner Totalität konstatiert"⁷. Последовательность /"секвентность"/ соответствует той функции перфективного глагола, которую Кошмидер называет термином "Eintritt" /"наступление"/. В.В. Гуревич считает эту секвентность общим значением глаголов совершенного вида: "признак, разграничивающий употребление видовых форм, заключается в способности сов. вида выражать цепь сменяющихся последовательных действий — особенность, не присущая виду несовершенному. Эту сущность значения совершенного вида мы условно назовем секвентностью /от лат. sequentia "следование"/

... Соответственно отсутствие данного признака в формах совершенного вида мы назовем несеквентностью"⁸.

3.2.1. Пока Э. Кошмидер в моменте "наступления" перфективного действия подчеркивает целостность проявления действия, шведский аспектолог С.Г. Андерссон делает упор на то, что "наступление" всегда предполагает достижение предела действия"⁹.

3.3. Третье направление в русской лингвистике восходит к Э. Черному, по мнению которого "самое обширное значение" совершенного вида состоит в том, что "он представляет действие собираательно, сомкнуто, в совокупности, суммарно, в сжатом виде"¹⁰. Такое же понимание общего значения глаголов совершенного вида сформулировано более сжато Ю.С. Масловым, по мнению которого глаголы совершенного вида передают действия "в своей неделимой целостности"¹¹. Наиболее конкретное объяснение целостности проявления действия дает А.М. Пешковский, который убедительно доказал, что глаголы СВ не могут сочетаться с фазовыми глаголами /начать, продолжать, кончить/, потому что перфективы в своем значении уже содержат семантические компоненты начала, продолжения и конца. После фазовых глаголов мы используем лишь имперфективные глаголы, так как в их значении отсутствуют вышеназванные компоненты; сочетаясь с фазовыми глаголами, имперфективы дополняют свое значение семами либо начала, либо продолжения или конца действия"¹². А.В. Бондарко оказывается прав, когда отмечает, что "значение неделимой целостности следует понимать прежде всего как невозможность деления действия на отдельные фазы"¹³. Жаль, что польский лингвист А. Богуславский в этой связи, возражая тонкому аспектологу А.В. Бондарко, утверждает, что "понятие неделимой целостности действия однако не только туманно, но и неверно постольку, поскольку оно предполагает отсутствие фаз, этапов действия"¹⁴. С этим утверждением Богуславского невозможно согласиться, потому что он неправильно понял, истолковал слова Бондарко. "Невозможность деления на отдельные фазы" -- не значит, что фазы начала, продолжения и конца действия "отсутствуют" в значении перфективов, а, напротив, предполагает одновременное наличие фаз начала, продолжения и конца

наступления перфективного действия. Даже в значении точечных глаголов в моменте наступления действия фазы начала, продолжения и конца как бы сливаются в одну точку. Итак, перфективность предполагает не отсутствие /как это Богуславский утверждает/, а, наоборот, наличие всех трех фаз /неотделимых друг от друга/ наступления действия.

3.3.1. Некоторые лингвисты склонны воспринимать перфективное действие как действие, собранное в одну "точку"¹⁵. Нет сомнения, что в русском языке имеются точечные глаголы, выражающие моментальное /точечное/ наступление перфективного действия, как например, глаголы семельфактивного /"крикнуть"/, тотивно-начинательного /"закричать"/, эгрессивного способов действия /"откричать"/ и др. Большинство глаголов совершенного вида фиксирует неточечное наступление глагольного действия.

Встает вопрос, как осуществляется целостность в значении тотивно-начинательных и эгрессивных глаголов. А. Белич подчеркивает перфективность и точечный характер начинательных глаголов: "auch hier wird ein Moment bezeichnet, der abgeschlossene Moment des Beginnens der Handlung"¹⁶. М.А. Шелякин обращает внимание на двусторонние границы целостного момента начала действия: "die Handlung des Anfangens wurde begonnen und beendet"¹⁷. К сказанному необходимо добавить, что начало всегда имплицитует⁺ продолжение действия.

С философской точки зрения все эти определения восходят к взглядам Гегеля на тотальность, по мнению которого начало и конец составляют определенное единство бытия, и даже каждый из них /начало и конец/ в отдельности является определенным моментом бытия /"im Dasein sind sie wieder anders bestimmte Momente"¹⁹. Определенность /в корне со словом предел/ предполагает двусторонние границы наступления момента тотивно-начинательного действия. Итак, значению русских ингрессивных /тотивно-начинатель-

⁺ "Имплицитировать" /по Стросону/ — значит "подразумевать", а глагол "подразумевать" имеет значение /по словарию Ожегова/ "предполагать в мыслях кого-что-н."¹⁸.

ных/ глаголов противостоит значение эгрессивных глаголов, которое перемещает фокус внимания на конечный /т.е. определенный/ момент действия. Предшествующая конечному моменту имперфективная часть эгрессивного действия является пресуппозицией /т.е. смысловым компонентом/ эгрессивной ситуации, выражающей наступление конечного момента действия:

/1/ "Тебя-то уж отпоминали, как Гришку моего..." /М. Шолохов. Тихий Дон, III. с. 60/.

/2/ Тебя-то еще не отпоминали, как Гришку моего...

Пресуппозиция:

Значение:

/1/' Тебя поминали

и перестали помянуть.

/2/' Тебя поминали

и не перестали помянуть.

Анализ этих примеров наглядно показывает, что "различие между пресуппозицией и значением в собственном смысле слова проявляется, например, в том, что они по-разному реагируют на отрицание: в область действия отрицания попадает только значение, но не пресуппозиция"²⁰.

В этой связи важно отметить, что момент начала в значении ингрессивов и момент прекращения в значении эгрессивов являются определенными /в корне со словом предел/ моментами действия. Смысловые компоненты обеих ситуаций составляют /1/ следующая за моментом наступления часть ингрессивного действия и /2/ предшествующая наступлению конечного момента часть эгрессивного действия. Они отодвигаются на периферию нашего сознания, выполняют вторичную роль; на первый план выдвигаются определенные моменты начала или прекращения глагольного действия.

В связи с вышеизложенным следует еще упомянуть о так называемых пантивных начинательных глаголах, в значении которых фазы начала, продолжения и конца не сливаются в одну точку, а расширяются во времени: они способны представлять наступление действия не только точно /как это свойственно тотивным начинательным глаголам типа закричать, заговорить и почувствовать/, но и дуративно²¹:

"Мало-помалу отец полюбил меня..." /Ф. Достоевский. Неточка Незванова, с. 203/. "Но, наконец, передо мной прояснело

мое положение, и я мало-помалу поняла, что осталась одна совершенно и живу у чужих людей" /Ф. Достоевский. Неточка Незванова, с. 232/. "Мало-помалу я заметила,... что Катя становится со дня на день задумчивее" /Ф. Достоевский, . Неточка Незванова, с. 259/.

В значении пантивных начинательных глаголов /в отличие от тотивных, фиксирующих лишь точечное наступление действия/ наличествуют семы как постепенного, так и точечного наступления действия; они /подобно тотивным/ вызывают представление о продолжении уже наступившего действия или состояния: полюбил → любит, заметил → замечает, понял → понимает и т.п. Стоит обратить внимание на их дистрибуцию:

Можно сказать:

"Я мало-помалу поняла..."

"Он мало-помалу полюбил ее..."

"Она мало-помалу заметила..."

Но: "Мало-помалу я чувствовала..."

Невозможно сказать:

^xЯ мало-помалу понимаю...

^xОн мало-помалу любит ее...

^xОна мало-помалу замечает...

^xМало-помалу я почувствовала...

/почувствовать = тотивно-начинательный глагол!/.

Примеры показывают, что постепенное наступление действия свойственно лишь пантивно-начинательному глаголу.

4. Целостность русских перфективов всегда предполагает достижение предела действия. В зависимости от релевантности трех основных семантических компонентов /аспектуальный актанта, действие, время/ русские перфективы осуществляют целостность трояким образом:

а/ достижением качественного предела действия. О качественном пределе идет речь, когда действие достигло своей цели в аспектуальном актанта. /Об аспектуальном актанта см. 5.1./. Аспектуальный актанта в предложении может быть либо объектом, либо субъектом или иногда одновременно и субъектом и объектом: Мать сварила яйцо. Соседи построили дом. Небо потемнело. Отец уехал в Москву. Брат прочитал роман и т.п. Семиологически релевантным

компонентом качественно-предельных глаголов следует считать субстанциональный элемент ситуации, аспектуальный актанта. Действие доведено до своего качественного /внутреннего/ предела, если результат и конечная граница /конечный, крайний пункт/ действия совпадают;

б/ достижением количественного предела действия. О количественном пределе действия идет речь, когда действие количественно исчерпывается, когда действие количественно ограничено. Измеряется количество, степень меры и интенсивности действия. Сюда относятся количественно-предельные глаголы, как например, нагуляться вдоволь, немало наплакаться, заболтаться чересчур, крепко задуматься, убегаться и т.п. В значении количественно-предельных глаголов из трех основных компонентов выдвигается на первый план "действие", отодвигая "время" и "аспектуальный актанта" на второй план;

в/ достижением временного предела действия. Временного предела достигает действие у временно-предельных глаголов. Измеряется не количество действия, а количество времени действия. Временно-предельные глаголы обозначают определенное во времени действие. К ним относятся начинательные /заговорить, взречь, пойти/, эгрессивные /отгреть/, пердуративные /просидеть добрых два часа/, делимитативные /посидеть часок/ и семельфактивные глаголы /крикнуть, прокричать/. В их значении семиологически релевантным компонентом следует считать "время", первенство которому уступают и "действие" и "аспектуальный актанта".

5. За последнее время появились некоторые пунктуалисты, чьи взгляды на общее значение глаголов СВ напоминают субъективную точку зрения Карцевского, по мнению которого весь процесс перфективного глагола сводится к конечной результативной точке действия: "la reduction de tout procès à un point résultatif"²². Эта пунктуалистическая теория возобновляется А. Вежбицкой, по мнению которой "точка" есть начало нового состояния. Она считает "начало состояния" инвариантным значением всех перфективных глаголов: "We believe, that the impression of punctuality is connected with the semantic invariant of all the perfective

verbs: namely, with the semantic element of 'beginning': "On usnął = On zaczął spać /He fell asleep = He began to sleep/... Jan stworzył nową organizację = Jan wykonał pewne czynności, które spowodowały, że zaczęła istnieć nowa organizacja /John created a new organization = John performed some actions, which caused, that a new organization began to exist"/²³. Что у Карцевского является концом действия, то у Вежицкой — началом состояния. Сведение общего значения перфективов к одной точке /к началу состояния аспектуального актанта/ воспринимается нами как импликация доведенного до качественного предела результативного действия. По нашему мнению, действие, достигающее своего качественного предела, имплицитно начало нового состояния аспектуального актанта, семиологически релевантного компонента результативной ситуации.

Карцевский и Вежицка имеют в виду все глаголы совершенного вида, когда общим значением перфективов они считают результативную точку /"point résultatif"/ действия, названную Карцевским концом действия, а Вежицкой — началом состояния. Оба упускают из виду временно- и количественно-предельные глаголы, достигающие в своем значении лишь своего количественного предела. В понимании Вежицкой центр тяжести целиком переносится на субстанциональный элемент ситуации, на лексико-синтаксический компонент значения глаголов, несмотря на то, что лишь несубстанциональные элементы /действие, время, факт, событие/ составляют собственно лексическое значение глаголов²⁴. Только субстанциональными семемами ситуации /в отрыве от несубстанциональных сем/ не объясняется общее значение глаголов СВ. Такой односторонний подход неизбежно заводит в тупик. В этой связи более права М.Я. Гловинская, которая считает начало нового состояния смысловым инвариантом /т.е. смысловым компонентом/ перфективной ситуации²⁵. В ее толковании обнаруживается диалектика конца и начала, когда выражения "было достигнуто" и "начало иметь место" она использует как выражения, способные замещать друг друга: "описываемое положение было достигнуто /начало иметь место/"²⁶. Но такие и

подобные толкования применимы лишь к качественно-предельным глаголам.

5.1. Из толкований Вежицкой и Гловинской не выявляется, о чем состоянии идет речь в ситуации. Они упускают из виду семиологически релевантный синтаксический компонент результативной ситуации — аспектуальный актанта. С семантической стороны важно отметить, что действие может быть полностью закончено, а результата нет, так как результат зависит от факторов, лежащих вне действия, т.е. от аспектуального актанта, претерпевающего качественные или количественные изменения. Под аспектуальным актантам мы понимаем то лицо или предмет, которые в предложении выполняют либо объектную, либо субъектную функции, характеризующие глагол — по словам С.Д. Кацнельсона — "изнутри"²⁷.

5.2. На наш взгляд, смысл "начало нового состояния" аспектуального актанта не противоречит значению качественного предела действия, так как наступление качественного предела имплицитно начало нового состояния аспектуального актанта /как конец ночи предполагает начало утра/. Одно есть значение, другое — смысл. В первом /в значении/ соединены несубстанциональные и субстанциональные элементы результативной перфективной ситуации, а во втором /в смысле/ налицо только субстанциональный элемент.

6. Обобщая сказанное, можно дать следующее определение общему значению глаголов совершенного вида: целостность осуществляется в значении глаголов СВ либо /1/ наступлением качественного предела, либо /2/ наступлением количественного предела, либо /3/ наступлением временного предела; выражаясь более абстрактно — наступлением предела действия.

Примечания

1. H. G. Klein. *Tempus, Aspekt, Aktionsart*. Max Niemeyer Verlag, Tübingen, 1974, S. 90.
2. В.В. Виноградов. *Русский язык*. Изд. Учпедгиз, М., с. 498.
3. В.В. Виноградов. *Ук. соч.*, с. 489.
4. О категории "предельность II" см. подробнее: А.В. Бондарко. *Теория морфологических категорий*. Изд. Наука, Л., 1976, с. 202--203.
5. E. Koschmieder. *Nauka o aspektach czasownika polskiego w zarysie. Rozprawy i materiały wydziału i towarzystwa przyjaciół nauk w Wilnie*. Tom V. z. 2, Wilno, 1934, s. 234.
6. E. Koschmieder. *Studien zum slavischen Verbalaspekt*. 56. Band. Göttingen, 1929, S. 104.
7. K. Brugman. *Kurze vergleichende Grammatik der indogermanischen Sprachen*. Strassburg, 1904, S. 262.
8. В.В. Гуревич. О значениях глагольного вида в русском языке. *РЯШ*, № 5, 1971, с. 74.
9. S. G. Andersson. *Aktionalität im Deutschen. Eine Untersuchung unter Vergleich mit dem russischen Aspektsystem*. *Studia Germanistica Upsaliensia* 10. Upsala, 1972, S. 193, 196.
10. Э. Черный. Об отношении видов русского глагола к греческим временам. Оттиск из Журнала Министерства народного просвещения. СПб., 1877, с. 9.
11. Ю.С. Маслов. Роль так называемой перфективации и имперфективации в процессе возникновения славянского глагольного вида. Изд. Акад. наук СССР, М., 1958, с. 9.
12. А.М. Пешковский. *Русский синтаксис в научном освещении*. Изд. Учпедгиз. Издание седьмое. М., 1956, с. 108.
13. А.В. Бондарко — Л.А. Буланин. *Русский глагол*. Изд. Просвещение. Л., 1967, с. 31.
14. A. Bogusławski. К вопросу о семантической стороне глагольных видов. -- In: *Z polskich studiów slawistycznych*. Ser. 4. *Językoznawstwo. Prace nd VII międzynarodowy Kongres slawistów*. Warszawa, 1972, s. 232.
15. А.М. Пешковский. *Ук. соч.*, с. 110.
A. Wierzbicka. On the Semantics of the Verbal Aspect in Polish. — In: *To Honor Roman Jakobson. Essays on the Occasion of his Seventieth Birthday*. Mouton, The-Hague -- Paris, 1967, p. 2245.
16. A. Belić. *Zur slavischen Aktiosart*. Streitberg Festgabe, Leipzig, 1924, S. 2.

17. M.A. Scheljakin. Der Gebrauch der Aspekt- und Tempusformen des Indikativs in der russischen Sprachen. Fremdsprachenunterricht, 1969, № 3, S. 108.
18. П.Ф. Стросон. О референции. — В сб.: Новое в зарубежной лингвистике. Изд. Радуга, М., 1982, с. 68.
19. Georg Wilhelm Friedrich Hegels Werke. Dritter Band. Verlag von Duncker und Humblot, 1941, S. 105.
20. Ю.Д. Апресян. Лексическая семантика. Синонимические средства языка. Изд. Наука, 1974, с. 29.
21. J. Krékits. Die pantiven und totiven po-Ingressiva in der russischen Sprache. Slavica XX., Debrecen, 1984, S. 11—17.
22. S. Kartsewski. Études sur le système verbal du russe contemporain. Slavia I., 1922, № 3, p. 495.
23. A. Wierzbicka. Ук. соч., с. 2245.
24. Р.М. Гайсина. К вопросу о специфике значения глагола. Известия Академии наук СССР. Серия литературы и языка. Том 41, 1982, с. 60.
25. М.Я. Гловинская. Семантические типы видовых противопоставлений русского глагола. Изд. Наука, М., 1982, с. 107.
26. М.Я. Гловинская. Ук. соч., с. 94.
27. S.D. Kaznelson. Sprachtypologie und Sprachdenken. Akademie-Verlag, Berlin, 1974, S. 56.

К ВОПРОСУ О СУДЬБЕ СЛАБОГО РЕДУЦИРОВАННОГО
В ДРЕВНЕРУССКИХ СУФФИКСАХ -ск- и -ств-.

М.Б. Попов

В современном русском литературном языке распределение вариантов морфем -ск-: -еск- и -ств- подчиняется морфологической закономерности. Вокализованный вариант выступает при наличии двух условий одновременно: 1/ шипящий согласный в исходе корня перед суффиксом /княжеский, княжество, но -- рабский, рабство/, 2/ производящая основа имеет значение лица, но не связана с наименованием по происхождению и национальности /юношеский, юношество, но -- волжский, чешский/¹. Подобная двойная морфологическая обусловленность вариантов не была еще известна языку XIV в., хотя фонетическое условие указанного правила начало формироваться уже во второй половине XIV -- начале XV вв. Материалом для данной статьи послужили рукописи главным образом XIV -- XV вв. /см. список источников/.

В славянских языках имелось значительное количество суффиксов, содержащих редуцированные. Модели слов с такими суффиксами в соответствии с правилом Потебня-Гавлика развивали чередования с нулем звука, которые именно в суффиксальных образованиях стали наиболее продуктивными. Особое место в ряду этих суффиксов занимают -ск- и -ств-. В древнерусском языке слабый ь здесь имел тенденцию "задерживаться" на фоне утраты в других суффиксах, что, вероятно, было следствием сложности группы согласных, в которой находился редуцированный. Весьма последовательно такое распределение форм проведено в орфографии СНІЛ-3, где "ь" никогда не опускается в суффиксах -ск- и -ств- /женська 124об, ѡмьскѣю 135об, варяжьскѣ и 157 и мн. др., множьство 121, посаднѣньство 134, чернѣньство 141 и др./, а также в суффиксе -н- после н /оканьнѣе 119, истиньнѣю 141, вроньнѣици 147об и др./.

Ср.: останокъ 132 -- останки 132об, силенъ 151 -- силными 125 об, торженъ 124 -- торжнѣ 125, 136об и т.д.

В сильной позиции СН Л-3 регулярно отражает прояснение ь, ъ в е, о, причем единственное исключение также касается суффикса -ьск-: ср.: нѣборьскъ 127об, при нѣборьско 127об. Выдержанность орфографии СНЛ-3 говорит о том, что в ее основе лежат действующие фонетические закономерности: "Для 3 почерка нельзя сомневаться в произношении именно не вполне слогового ь: если бы говорили посадничество, то так бы и писали, что ясно из общего характера правописания 3-го почерка"². Полагаем, что сохранявшиеся после вокализации сильных слабые редуцированные имели статус "нефонематической гласности" /НФГ/, противопоставляясь как нулю звука, так и фонемам о, е³. СНЛ-3 можно рассматривать как своеобразную точку отсчета дальнейших изменений. Из исследованных нами памятников отсутствием отклонений от отмеченной закономерности характеризуются 2 почерка СЕ 1340, и 1, 2 и 4 почерки АД XIV /СЕ 1340-2 и АД XIV-1, 2, 4/. Другие памятники отражают как вокализацию НФГ, так и ее затухание, что выражается в написаниях с "е" или с пропуском "ь".

Представим материал исследованных памятников. Приводя примеры из рукописей, имеющих отклонения только в сторону вокализации, не будем указывать нормативные написания с "ь".

ПЕ 1317: полеснаго 33, жидовескы 109, жречесна 96, -ымы 32об; множества 127об, десятествѹ 50, злословествити 92об /из злословѣствити или злословесѣствити?/; СЕ 1340-1: жидовесна 181об, -ыя 57об, елеонескѹ 194об, жреческы 24, -амъ 41об и др., послѣшествоѹ 14, -еть 64; М 1369: мѹжесна 110 -ы 124, инатанескѹ и 83, воинство 17об, 21, 31, ватество 64, чювества 76об, естества 116 и др., вожества 108об, мѹжество 124об, -омъ 121, множество 132об тѣ/ржество 115, 130, торжествѣши 120, сѹщество 109об, 114об; ЧНЗ: мор/стѣи 10об, плотска 41об, оѹжска 33, старевски-х 137, чювестѣ 128, множество 31, послѣш/ствова-л 82об и мн. др., но -- понтьскому 15, 27, -ь и 61 /ср. понетствѣ 138/, змирнѣско 24об, александрѣска 62, недрѣска 50об, нѹпрѣстни 66, оѹношьски-х 139, воинствѣ 40, ествѣство 82, сродѣство 62об, разнѣствѣ 88, торжѣствѣ 148, ватѣство 104 и др. /ср. даже -- реме/ства 80об, сѹщества 57 -- последний пример

из другого почерка/; ЛЛ 1377-1: агнянски 2, волгарская 8, рус-
ная 106; ЛЛ 1377-2: черниговскыи 97, челоуѣвскому 83об, полот-
снаго 103об, оужская 168об и мн. др., пространство 77об, сѣт-
ствомъ 150, множество 143 и др., мужство 142 и др., но -- оужес-
ка 146, торческыи 82, оуескыи хъ 39, множество 134об /написа-
ния с "ъ" -- воевоѣство 52, чернецскыи я 64об, дѣтскѣ 99об,
дѣтцкыи ѣ 125 и т.п. -- отражают орфографическую традицию/;
Пар. XIV: при норме с "ъ" -- морская 25, кидарскую 19об, рускую
164, ѡлѣв/ска 170об и всяческыи-х 117 /ср. всячѣскаго 23об/,
персескыи 149, -аго 149об, -ь их 149об, персесѣ/наго 148об /ср.
персѣскыи 37об/; П XIV -- при норме с "ъ" -- торжество 3об, ре-
мества 92, 119; АД XIV-3: всячѣскаго 39, мѣхскыи 69об, моужь-
ствѣ 70об, хѣдоужства 42, множество 80об и др., но -- хѣдоуж-
ствѣ 42об, мѣужество 48об, мѣ/ножествомъ 48, торжества 80; ПП
1406: при норме с "ъ" -- пѣверскыи 153, морстѣи 105, монастыр-
ское, -ы я 77, вѣсовскыи я 5об, черноморскому 14, чернескомъ 48;
КТ-1: ѡлѣвеска 21, -и 23об, язычесь/нии 33, единачеснии 33,
множествомъ 16, естество 20об /ср. ество 10об и ествѣствомъ 16/,
но -- морѣская 5об, рабѣска 34, родѣство 14 и др.; КТ-2: скотѣ-
ски 37, польски 40, родѣство 38, лѣнашѣство 42, и др., но --
празнѣство 43; ПС: при норме с "ъ" /особенно для -ѣси-/ -- вся-
ческыи 180об, ѡлѣвескому 172, сѣщества 89, множество 105 и др.,
послѣшѣство 140об, -ѣть 191об, величѣство 141об-2х, 143, прѣру-
ествоваше 45, естество 89, -а 120об, 199об, в-г-атѣство 192об,
вѣствѣ 196, проназѣство 196, сѣто/ство 132, но -- множ/ство
110об, отѣска-х 20об /ср. также -- ро-д-ство 59об и ва-т-ствѣ
60, где "д" и "т" надписаны сверху без титла/; ПЕ: морстѣи 52
об, жидовскыи 91об, ѣе/ловѣвскыи 124об, жреѣскыи 134об и др.
/ср. жреѣскыи мѣ 38, ѣе/ловѣвскыи 9об, жидовскыи 53 и др./,
множество 109об, вѣзѣчество 93об при отсутствии пропусков "ъ"
в суффиксе -ѣств-; П 1431-34: при норме с "ъ" -- содомскѣ
144об, дрянскыи мѣ 82, рускую 76, ефескаго 16, тарстѣи 75,
перскаго 186, -стѣи 21об, тѣ сячѣскаго 76, греѣскому 186 и др.,
принимѣство 201, пѣяство 104об, -а 137, вѣлѣсѣ/тво 167об, ество

61, -а 228об, мѣствѣ 82об, но -- веневедески 8, мѣсескыя 2об, персескѣю 21об и др., авгарюедескаго 41об, понатескаго III, оучителескѣ 119, дѣтискаго 168об, измѣре/ска 218об, монашь - ре/скои 143об, жидовескѣи 232об, всявескы 39об, мнишескыи 92 и др., чернеуескыя 104, иноуескыи 128об, мѣжескы 30об и др., дѣтества 211об, воинствовати 237, ремество 208об и др., естество 59 и др., мѣжества 3об и др., множество 7 и др., сѣществѣ 41об, 196, ѹбожествѣ 211, послѣшествоѹ 200об и др., мѣдрествовати 137 и мѣдроствѣть 178об, ѹроде/ство 127 и ѹродство 28, сытоствѣ 80.

Исследованные рукописи показывают, что вокализация НФГ в составе суффиксов -ьск- и -ьств- предшествует утрате НФГ. Прояснение НФГ отражено уже в ПЕ 1317, СЕ 1340-1, а в М 1369 таких примеров довольно много, хотя все три рукописи не фиксируют выпадение ь. Однако в ЛЛ 1377 активно отражена утрата НФГ, в то время как количество вокализованных форм незначительно. Законченный вид эта система приобретает в ЧНЗ, причем немногочисленные написания с "ь" подтверждают реальность фонетической значимости "ь" в середине XIV в. Ближкое к современному распределение вокализованных и невокализованных вариантов суффиксов наблюдаем в КТ-1. ЧНЗ, ПС, ПЕ отражают большую активность суффикса -ьств- в процессе вокализации НФГ по сравнению с -ьск, что, вероятно, связано с тем, что он имеет более громоздкую консонантную структуру.

В начале процесса НФГ могла идентифицироваться с е, что отражалось в виде написаний с "е" вместо "ь". В ТП -- ответа 21, жидовеска 99 /ср. жидовескѣ 162об/; В Минее XII в.⁴ -- сѣществоѹ 85об, причем последняя рукопись еще не отражает проявления сильных редуцированных. Позднее, когда начался активный процесс утраты НФГ и стали проявляться условия стыка морфем, существенную роль приобрел характер конечного согласного корня. С фонологической точки зрения шипящие характеризовались тем, что не были парными по признаку мягкости/твердости, а аффрикаты и по глухости/звонкости, поэтому после них НФГ была

необходима для сохранения дифференциальных признаков этих согласных в переходный период после падения редуцированных. В целом памятники отражают тенденцию к более активной вокализации НФГ в позиции после ж, ш, у /ЛЛ 1377, АД XIV-3, КТ-1, в меньшей степени ПС, П 1431-34/. В более ранних рукописях /ПЕ 1317, СЕ 1340, М 1369/ эта тенденция проявляется значительно слабее. Представляется, что вокализация именно после шипящих и у лишь отчасти связана с фонетическими особенностями группы согласных. В результате выпадения ь на стыке морфем могли происходить ассимиляционные процессы и упрощения групп согласных, если в исходе производящей основы были ж, ш, у, т, д, что приводило к стиранию морфемной границы /ср. в П 1431-34 - вство, влѣство, мѹство, мѹскои и т.п./. Стремление избежать подобных процессов на стыках морфем объясняет использование гласной вставки между корнем и суффиксом: НФГ служила в качестве дизъюнктора морфем.

Таким образом, в XIV--XV вв. изменение не вышло еще на парадигматический уровень морфонологии, определяя синтагматические отношения морфем /дизъюнкторская функция/, так как вариантность морфемы в полном смысле слова возникает в случае двойного морфонологического подчинения вариантов. Все сказанное выше по поводу формальной истории суффиксов -ьск- и -ьств- позволяет сделать вывод о том, что формирование чередования в этих суффиксах было внутренним морфонологическим процессом, хорошо документированным древними рукописями. Возникновение вокализованных вариантов -ьск- и -ьств- не связано с выравниванием по сильной позиции, как полагал А.А. Шахматов⁵, а также с церковным произношением⁶ и вторым южнославянским влиянием⁷. Главная причина, вызвавшая к жизни подобные формы, лежала в сфере функции, а не стиля.

Источники и сокращения

1. ТП -- "Толстовская псалтирь", ГПБ, Ф п I 23, недатирована /XII в. - ?/.
2. СН Л-3 -- 3 почерк "Синодального списка Новгородской первой летописи", ГИМ, Син. 786, I-я пол. XIV в.
3. ПЕ 1317 -- "Пантелеймоново евангелие", БАН, 34.5.22, 1317 г.
4. СЕ 1340-1, 2 -- "Сийское евангелие", БАН, Археогр. ком. 189, 1340 г., Москва.
5. М 1369 -- Миней на март, ГПБ, Соф. 198, 1369 г., Новгород.
6. ЛЛ 1377-1, 2 -- "Лаврентьевская летопись", ГПБ, Ф п IV 2, 1377 г., Нижний Новгород.
7. ЧНЗ -- "Чудовский Новый Завет", местонахождение неизвестно, сер. XIV в. Изд.: Новый завет Господа нашего Иисуса Христа. М., 1892.
8. Пар. XIV -- Паремейник, ГПБ, Q п I 14, XIV в.
9. П XIV -- Пролог, сентябрьская половина года, БАН, 17.II.4, XIV в.
10. АД-1, 2, 3, 4 -- "Поучения и слова Аввы Дорофея", ГПБ, Ф п I 42, к. X IVв.
11. ПС -- "Паисиевский сборник", ГПБ, Кир./Белоз. 4/1081, к. XIV--XV вв.
12. КТ-1, 2 -- "Сборник поучений Кирилла Туровского, слов и чудес", ГПБ, Соф. 1261, XIV--XV вв.
13. ПЕ -- "Пивоваровское евангелие", БАН, 34.7.20, XIV--XV вв.
14. ПП 1406 -- "Киево-печерский патерик", ГПБ, Q п I 32, 1406 г., Тверь.
15. П 1431--34 -- Пролог, ГПБ, Ф п I 48, 1431--1434 гг., Новгород.

Примечания

1. И.Э. Еселевич, В.М. Марков. История редуцированных гласных в русском языке -- В кн.: Учебное пособие по исторической фонетике русского языка. Казань, 1976, с. 41.
2. Б.М. Ляпунов. Исследование о языке Синодального списка 1-ой Новгородской летописи. -- В кн.: Исследования по русскому языку. т. II, вып. 2, СПб., 1900, с. 105.
3. М.Б. Попов. Морфонологический этап падения редуцированных гласных в древнерусском языке /на материале рукописей XIV--XV в в ков/. АКД, Л., 1982, с. 9--10.
4. Л.В. Зубова. Фонетика и орфография русской летописи XII века. Канд. дисс., Л., 1974, с. 183.
5. А.А. Шахматов. Очерк древнейшего периода истории русского языка. Пг., 1915, с. 252.
6. A.V. Isačenko. East Slavi. Morphophonemics and Treatment of the Jers in Russ an: a Revision of Havlík's Law. -- International Journal of Slavic Linguistics and Poetics, 1970, vol. 13, p. 118.
7. В. Кипарский. О судьбе -ь- в суффиксах -ьск и -ьство. -- Вопросы языкознания, 1972, № 2, с. 77--82.

ПРАБОЛГАРСКАЯ ЛЕКСИКА В РУКОПИСЯХ XI—XII ВВ.
РУССКОЙ РЕДАКЦИИ ДРЕВНЕБОЛГАРСКОГО ЯЗЫКА

Э. Хоргоши

1. Иноязычное влияние в лексике памятников древнеславянской письменности издавна привлекало внимание лингвистов: Оно отмечается как в литературе о древнеболгарском языке, так и в исторических грамматиках древнерусского языка. В этих работах упоминается прежде всего о влиянии греческого языка, но прослеживается и влияние других языков. В нашем коротком сообщении мы намерены остановиться на лексике праболгарского языка, отражавшейся в некоторых рукописях XI—XII вв. русской редакции древнеболгарского языка. В изучение этого лексического вопроса мы привлекли 10 таких рукописей древнеболгарского языка русской редакции, над которыми работает коллектив кафедры русского языка Сегедского университета им. А. Йозефа в Венгрии при составлении словаря-индекса¹. Большинство лексического материала этих памятников не вошло ни в словари старославянского языка, ни в словари древнерусского языка. Занимаясь лексикой древнеболгарского языка, авторы исторической грамматики болгарского языка довольно долго и подробно останавливаются на описании праболгарской лексики в древнеболгарских памятниках. Например, Ст. Младенов в своей монографии "История на българския език", посвящая целую главу праболгарским словам, считает следующие слова праболгарскими по происхождению: "След елиминирането на всички мними първобългарски елементи в новобългарски би могло да се смятат за вероятни първобългаризми следните думи от новобългарски народен език: бисер, белег, белчуг 'гривна, белезик', бѣбрек, пашенѡг 'баджанак', тояга и чипаг 'женска дреха без ръркви'. В новобългарския книжовен се срещат още: кáпище 'идол, олтар', кумѣр, сан, чертѡг, покрай тях лични /крѣстни/ имена като Шишмáн, Карáн, Аспарúх, Кардáм и под. Първоболгарски е бил старобългарски суфиксът -чии /шарьчии 'художник', кънигъчии 'писар' и под./"². То же самое мнение утверждает Ст. Младенов

и в параграфе 110 своей книги, говоря о тюркско-татарских и иранских элементах болгарского языка³. К. Мирчев в параграфе 17 "Българският език и езикът на испериховите българи" своей исторической грамматики болгарского языка занимается вопросами лексических и словообразовательных средств, оставшихся от праболгар. Он прежде всего перечисляет некоторые должностные термины как кан, копан, боил, багаин и др., потом подробно занимается названием българин и упоминает, что в некоторых северо-восточных памятниках до XI в. мы довольно часто встречаемся с лексическими элементами праболгарского происхождения, даже называет некоторые памятники, в которых чаще всего они наблюдаются: "Така напр. в Супрасълския сборник освен длъжностното наименование бълна /звателна форма/ намираме още болгарин и капъ "идол", капище "езическо светилище", тикъ "огледало", кумир "идол", чрътогъ "спальня". Последната дума се среща и в някои други старобългарски паметници. От изброените думи само б о л я р и н до известна степен е намерила по-широко разпространение и днес не е чужда и на някои български народни говори. В Савина книга и у презвитер Козма намираме бисъръ, арабска дума, попаднала в стария български литературен език чрез първобългарско посредничество. От вероятен първобългарски произход е и наставката -чии, характерна за деятелни имена и употребявана в старобългарските паметници от Преславската школа, сравни напр. сокачии, кънигъчии. Между старобългарските думи с тая наставка изцяло първобългарски са шаръчии "художник" и самъчии "управител"... В много старобългарски паметници се среща и първобългарската дума ковъчегъ, която и днес е широко разпространена в български език. Като вероятни следи от езика на Испериховите българи се изтъкват още и следните думи: б е л е г , б е л ч у г , б ъ б р е к , п а ш е н о г , т о я г а , ч и п а к "⁴. А.М. Селищев в первой части своей монографии "Старославянский язык", занимаясь Супральской рукописью, пишет следующее: "Супральская рукопись — памятник, написанный на в о с - т о к е болгарской области, представляет и такие указания в лексическом отношении: в нем находятся некоторые слова /т ю р -

к о - б о л г а р с к о г о происхождения/, отсутствующие в языке других старославянских памятников; на востоке Болгарии тюркское воздействие на славянскую среду было более значительным, чем на юге и на западе страны"⁵. Перечисляя слова такого происхождения, некоторые он более подробно объясняет, например: "капъ — "образ", "изображение", "идол"; капитше — "место, где находятся капи /или капъ/, или же этим словом называется самое изображение, ... кер, кър — "форма", "образ" находится в разных тюркских языках; существовало оно и в тюрко-болгарском, как может указывать мадьярское kér, перешедшее к мадьярам от тюрков-болгар еще в то время, когда предки мадьяр находились на востоке Европы"⁶. В дальнейшем А.М. Селищев перечисляет еще два слова болъаринъ, былѣа = комисъ, но в "тюркском происхождении" суффикса -чи сомневается, ссылаясь на тот факт, что — по его мнению — единственный пример "давнего тюркского происхождения" самъчии, он пишет следующее: "Вероятнее полагать, что -чи суффикс давний славянский, представлявший собою объединение суффиксов -ък-/ -ък-/ с -i i /sod-i i, ba - l i i/"⁷. Словарь древнецерковнославянских текстов Л. Садник и Р. Айцетмюллера при следующих словах замечает "über /aus dem/das Donau-bulgarische ins Südslavishe gelangt": болъарин /S./, болъарьскъ /S./, дохъторъ /Z./, капъ /S./, капиште /S./, капишъница /S./, капишънъ /S./, ковъчегъ /Z.M.A.Es.SK.S./, ковъчезецъ /Z.A./, коумиръ /S./, коумиръница /S./, коумирьскъ /Es.S./, коумирьслоужение /S./, самъчии /S./, санъ /Es.S./, сановитъ /S./, шаръ /S./, шарописатель /S./, шаръчии /S./, тикъ /S./"⁸.

Как видно из ссылок на рукописи, перечисленные слова, вошедшие в Словарь Л. Садник и Р. Айцетмюллера, и считающиеся ими праболгарского происхождения, встречаются почти исключительно в Супральной рукописи /S./ и в Синайском требнике /Es./.

2. Исторические грамматики древнерусского языка, занимаясь лексикой, также констатируют появление лексических элементов неславянского происхождения, в том числе и праболгарского, в древнерусских памятниках. Особенно подробно занимается тюркски-

ми элементами в древнерусском языке Л.П. Якубинский в своей "Истории древнерусского языка", но он не отделяет друг от друга разные слои лексических элементов тюркского происхождения, и так не выделяет ни слова праболгарского происхождения /например, боярин-болярин, быля, каган-кан и пр./⁹. П.Я. Черных в своей "Исторической грамматике русского языка" упоминает слово капище /'языческая молельня'/, выпавшее из действующего словаря русского языка, но имевшее отношение к языческой религии¹⁰.

П.Я. Черных цитирует слово боляре /"откуда боляре вследствие сближения с болий /большой/" как термин /возможно, неславянского происхождения/", менявший восточнославянский термин "книжные люди". Некоторые слова иноязычного происхождения П.Я. Черных упоминает как обилие синонимических средств русского языка¹¹.

На исключительно большое значение синонимических параллелей указывает и В.В. Виноградов: "Этот сложный характер древнецерковнославянского языка выражался отчасти в фонетических и морфологических колебаниях его строя, но еще ярче — в пестроте и разнообразии его словаря, его семантической системы, в богатстве синонимов и смысловых оттенков значений слов"¹². В.В. Виноградов в дальнейшем упоминает такие слова, как капище /"восточноболгарское"/¹³, дѣмонъ и кумиръ¹⁴. В цитированной статье, бывшей одновременно докладом, прочитанным им на IV Международном съезде славистов /Москва, 1958 г./, В.В. Виноградов обращает наше внимание на необходимость лексических исследований:

"Исследование старославянизмов в лексической системе древнерусского языка сопряжено с большими затруднениями. Общий словарь дошедших до нас памятников старославянского языка еще не составлен. Словари Ф. Миклошича и А.Х. Востокова очень не полны. Дополнительная работа над лексикой среднеболгарских, древнесербских и древнерусских памятников по выделению в ее составе старославянских и последующих книжно-славянских словарных пластов также еще не произведена"¹⁵. Это же жгучее желание и мнение выражаются в более поздней статье Л.П. Жуковской, занимающейся историей русского литературного языка древнейшего периода. Она

пишет: "На лексический фонд памятников, переведенных на старославянский язык и бытовавших в Древней Руси, исследователи обращают очень мало внимания. Не фиксируется словарь древнерусских богослужебных книг, формировавших словарь древнерусского образованного человека, и в составляющемся "Словаре древнерусского языка XI—XIV в.". В дальнейшем она добавляет следующее: "Исследование языка, и прежде всего лексики и синтаксиса, по спискам разных памятников все еще остается важной задачей в истории древнерусского и средневекового русского литературного языка"¹⁶. Л.П. Жуковская в своих замечаниях права, так как лексический состав памятников, изучаемых сегедским коллективом, не вошел в материалы словаря древнерусского языка, составляющегося по памятникам XI—XIV вв., таким же образом его нет и в Словаре Садник и Айцетмюллера, и только материалы двух памятников /Слуцкой и Евгениевской псалтырей/ попали в Словарь старославянского языка ЧСАН¹⁷.

Словами праболгарского происхождения подробно занимался А.С. Львов в своем выступлении на VII Международном съезде славистов в Варшаве. Статья "Иноязычные влияния в лексике памятников с арославянской письменности /тюркизмы/", публикуемая выступление А.С. Львова, подчеркивает важность заниматься тюркизмами: "Определенный интерес представляют тюркизмы в лексике памятников старославянской письменности потому, что на территории бытования того южнославянского диалекта, на которой переводились впервые греческие церковные книги, во главе государства или княжества около 200 лет находились турко-булгары, лишь к концу IX в. полностью ославянившиеся"¹⁸. А.С. Львов в дальнейшем упоминает важнейшие попытки установить наличие болгаризмов в лексике старославянской письменности. В этом отношении он прежде всего ссылается на Ст. Младенова, потом добавляет следующее: "Отметим, что добрая половина из приведенных Ст. Младеновым слов не зафиксирована в памятниках старославянской письменности"¹⁹. После этого замечания А.С. Львов дает новый и пополненный перечень тюркизмов: "В настоящее время к тюркизмам

к лексике так называемых классических памятников старославянской письменности относят: бнсьоръ, болгаринъ, болгарьскъ, бѣла, ваганиѣ, изваѣати, капъ, капиште, капиштѣнъ, капиштѣница, ковзугъ, ковзугъць, коумиръ, кумирскъ, книгы, книгъци, онмъ, онмскъ, онмство, оуште или оурште, пѣуать, пѣуатлѣти, запѣуатлѣти, самъуни, санъ, сановитъ, сокауни, соуѣ, въсоуѣ, насоуѣ, соуѣта, соуѣтѣнъ, тинъръ, тѣма, хоръгы, урътогъ, шаръ, шаръуни, шарописатель и другие. Возможно сюда же: врачъ, дохъторъ, конобѣ, кръуагъ, кръуажънъ, кръуымѣвати, кръныга, ѡша и некоторые другие"²⁰. А.С. Львов в дальнейшем дает подробную этимологию всех перечисленных им "тюркизов".

3. Мы не собираемся вмешиваться ни в вопросы этимологии, ни в точность приведенного А.С. Львовым перечня "тюркизов". Мы употребляем термин "праболгарский" вместо "тюркизов", сузив таким образом круг слов, а с другой стороны не занимаемся такими словами, которые являются спорными по происхождению, хотя А.С. Львов категорически считает их тюркизмами. Поэтому в нашем обзоре не будет слова книгы, о котором еще расходятся мнения, и урътогъ /БПС/. А.С. Львов в своей аргументации цитирует или классические памятники древнеболгарского /старославянского языка/, или вообще употребляет название "памятники церковнославянского языка", но из памятников русской редакции древнеболгарского языка не цитирует. Итак, мы убеждены в том, что наши данные представляют собой новый, и почти полностью не опубликованный материал по памятникам русской редакции древнеболгарского языка. /Наши примеры мы даем по алфавиту./

болгаринъ: 'боярин, вельможа, старший дружинник, советник, Edler, Magnat, Vornehmer'

Н /ли нѣси слышалъ запоуѣди црѣи стѣнхъ бо/ларъ ЖК 1 613-16, /ЖК 1 613-16/

заповѣди црѣ твоихъ и болгар/ възкорѣ сѣконъуи о ѡнѣ ЖК 1 в19-22

/Первый пример цитирует и Срезневский в своих Материалах, слово тоже богато демонстрируется словарями²¹./

капиште: 'идол, образ; место, где находятся капи, Götzenbild, Götzentempel'

славѣне/неуѣстивы хъ капишь гноушавъ са МД 4 а7-8-

Наш пример из МД обогащает уже известное значение слова. Корень слова капъ /'идол'/ праболгарского происхождения, при его аргументации — как это сделал и Селищев — цитируется и мнение венгерского лингвиста Зольтана Гомбоца, утверждающего непосредственную связь слова капъ с венгерским словом 'kép'. Это же мнение повторяется в недавно вышедшем Историко-Этимологическом Словаре /ИЭС/ венгерского языка²². Пример из МД не зарегистрирован в словарях.

коумиръ: 'идол, божество, Götze, Götzebild'

Хвалаштейса о ѡдолъ/хъ своѡхъ:

Иже глѡахъ се сѡтъ бѣи/ ваши. ѡ ти не бѡахъ/

бѣи. нѣ коумирѡи нѣ/ми: ЕПс 5 аз—8.

В БолПс на этом месте находим то же самое выражение: кумири нѣ/ми²³. Слово коумиръ единодушно считается словом праболгарского происхождения²⁴, но в цитате толкования Пс 96.7. для нас прежде всего интересна синтагма коумирѡи нѣми, потому что для этого понятия В.В. Виноградов цитирует из Жития Стефапа Пермского следующий синонимический ряд: "кумиры глухих, болваны безгласны, истуканы бессловесны"²⁵. И.И. Срезневский в Материалах цитирует выражение 'кумиря глухи' /*ἐιδῶλκ* / Аввак. II.18 посл. XV в. /В/²⁶. Наверно, наш пример из ЕПс еще более близок к древнеболгарскому оригиналу, составляя первое звено синонимического ряда этого понятия. Синтаксической единицы 'коумирѡи нѣми' нет в Словаре русского языка XI—XVII вв.²⁷ Слово коумиръ, по мнению В. Ягича, является синонимом слова ѡдолъ, и он замечает, что в Пс ѡдолъ остается²⁸. Это мнение В. Ягича подтверждается и данными ЕПс и БолПс, где только в толкование попало слово коумиръ, т.е. синоним слова ѡдолъ, с объясняющим понятие определением 'нѣми'. Слово 'кумир' находится и в словаре В. Даля²⁹, и в современных словарях часто при себе имеет замечание, что употребляется или в переносном значении, или в высоком, книжном стиле.

печать: 'знак, след, отпечаток, Siegel, Petschaft, Stempel'

Унста-на рьци нако доиши-накоже/ мти бысть двѣствѣнь ми пе-
уать/ми синаюшти МД 7 а15—16.

Слово печатъ не считается единоголасно словом праболгарского происхождения³⁰, хотя А.С. Львов считает его в памятниках старославянской письменности тюрко-болгаризмом³¹. Существующее объяснение этимологии слово печатъ от пек-, пекж. Словарь Садника и Айцетмюлера тоже не приводит печатък словам праболгарского происхождения, но предполагает возможность его происхождения по Микколе из тюрк.-монг. bit'ik 'Buchstabe, Schrift' /SA³³/, хотя она была категорически опровергнута Фасмером /З: 255/: "Абсолютно невероятно предложение о заимствовании из тюрк. bitik 'буква, письмо', вопреки Микколе". А.С. Львов в "Этимологических исследованиях по русскому языку" /вып. II. М., 1962, с. 93—103/ посвятил специальную статью именно слову печатъ-печатъ-лѣти, а в цитированной нами статье и докладе /Варшава, 1973 г./ еще раз обращается к возможности происхождения слова печатъ как тюрко-болгаризма, и этимологию слова не считает убедительно решенной. Мы можем сказать, что существование слова печатъ > 're-sset' в венгерском языке тоже не дает возможности причисления слова к праболгарским словам, потому что и по И. Книже, и по ИЭС оно считается славянским заимствованием /по всей вероятности, из древнехорватского языка/³⁴. По нашему мнению, наш пример из МД дает больше всего материала к раскрытию значения слова печатъ. И.И. Срезневский при значении 'знак' приводит следующие примеры: Кидарь възложи сѧ на главоу тѧ прѣче, печатымъ имоуши въз истинноу бжине сѣние. Мин.Празд. XII в. 10, и еще: дасть ѿъ печать вѣроующимъ из немочъ /бфрлх'бѣ/. Иппол.Антихр. 6.³⁵ В раскрытии значения слова печатъ помогают нам и греческие параллели этого места МД, опубликованные Е.Э. Гранстрем³⁶. По греческому теоктиону, слово печатъ сходится со словом 'бфрлх'бѣ', как и по примеру И.И. Срезневского: 'отпечаток, знак'. Можно предположить, что употребление в МД служит ранним примером переносного значения слова печатъ, существующего и сегодня в русском языке в высоком, книжном стиле /ср. печать гения, запретный знак че-

го-н./ /Наш лектор А. Холлош обратил наше внимание на словари древнетюркского /Ленинград, 1969/ и чувашского /В.Г. Егоров, Чебоксары, 1964/ языков, за что выражаем свое признание. Однако, мы не касаемся вопросов этимологии, а только заметим, что в древнетюркском языке анализируемое слово имеет и значения 'почерк', 'амулет против злого духа'./

сановитъ: 'сановитый, облеченный саном, mit Würden versehen, Würdenträger'

на въса во крсти/аны заповѣдъ црѣ /лежитъ любо оубога ѓ/ стъ.
любо богаты любо/ сановитъ любо радъ/никъ того не щадит/ сяди-
ще ЖК №5-11. Параллельное место из Супр.: любо сановитъ любо
сморзъ то ни того поштадитъ сжадъ /101. 23—24./

Как видно, ЖК воспроизводит тот же текст, но употребляет в противопоставлении слову сановитъ другое слово. Примеры Срезневского от других авторов утверждают живое существование этого противопоставления, например: Прѣжде трѣнѣвѣса нъ въскорѣ сановитъ. Гр.Наз. XI в.47; или: бликоже радникъ и бликоже сановитѣхъ. т.ж. 48.³⁷

санъ: 'звание, часть, чин, высокое положение, достоинство, Rang, Stand, Ehre'

родъ во мои н са/ нъ сѣ стъ.ими естѣ и/же въ свѣтлости сѣтъ/
ЖК 1 в23—25, в другом примере слово санъ стоит в род.п.: анѣ-
упатъ.../рече и немоу.чесо ра/ди сана своего и рода/ ни въ что-
же положитъ/ из соудѣнѣи вѣрѣ/ крсти-анъстѣ поиде ЖК 1 б2.

Параллельные места, повествующие Житие св. Кондрата, по Супр., имеют разночтения: первое место в Супр. звучит так: родъ мой и
достоинство сѣ стѣими ѣ/стѣ свѣтлѣство ѣмаштихъ /102. 1/,
т.е. вместо слова санъ употребляется оригинальное достоинство, а в другом месте в древнеболгарском тексте имеется другое синтаксическое построение: поу'то/ санъ свой и родъ оставивъ из
соудѣнѣи/и крсти-анъстѣ вѣрѣ пристапи /101. 9./

Слово санъ и производное слово сановитъ единодушно считаются исследователями праболгарскими происхождениями³⁸, и к этому нам хочется добавить, что в венгерском языке слово 'szám', по всей

вероятности, имеет общий этимон словом сань и считается 3. Гомбоцом болгаро-тюркским³⁹, а по ИЭС, слово 'szám' древнетюркского происхождения чувашского признака⁴⁰.

шарота: 'краска, крашение, подкрашивание, Farbe, Färberei, Schönfärberei'

Слово шарь и другие производные от него слова как шарити, шарописатель, шарьчии часто фигурируют в исторических и этимологических словарях, но существительное шарота находится только в Лексиконе Миклошича и в Материалах Срезневского. Наш единственный пример встречается в МД: Бже подобие варооломъ шаротами и дѣ/тельными прѣлжне написова МД 9 a13/см. Гранстрем⁴³/.

Срезневский дает два значения слова: 1/ краска: ш шаротъ /χρωματῶν/. Псалт.толк. Θεοδωριτ.пс.СХІІІ.12 /В./. Уисия различнѣх шаротъ и лицъ. Жит.Ниф.ХІІІ в.133.; 2/ крашение, подкрашивание: Не свѣтъни чѣмъ злата, не мѣдростию шаротъ, лѣжущимъ нестьвьна^х доврота. Гр.Наз.ХІ в.149. Последний пример Срезневского из гомилий Григория Назианского появляется уже у Миклошича: 'не мѣдростию шароты',⁴¹.

Наш пример из МД с помощью греческой параллели, публикуемой Э. Гранстрем, дает материал к более точному раскрытию значения этого редкого церковнославянского слова: χρετῶν ἐν χρῶματι / краска, цвет/. Слово шарота не зарегистрировано уже словарем В. Даля, хотя у него перечисляются такие гнездовые слова, как шар, шара, шародейство, шарило, шаровный⁴⁵. Слово шарота из МД, имеющее корень шарь, праболгарского происхождения, как видно, употребляется очень редко и, по всей вероятности, характерно для русской редакции древнеболгарского языка. Корень слова шарь как болгаро-тюркизм наблюдается и в венгерском языке в словах sár, sárga 'blatt/Gesicht, Haut/, strö/blond/ 'gelb' 'желть', желтый',⁴⁶.

4. Наши скромные данные из рукописей XI—XII вв. русской редакции древнеболгарского языка дают лексический материал к более точному раскрытию значений некоторых слов праболгарско-

го происхождения, дают возможность более точного определения прототипа некоторых памятников, а их лексическое и синтаксическое употребление показывает богатство выразительных средств древнерусского и древнеболгарского языков. Собранный нами материал способствует составлению полного словаря древнерусского и древнеболгарского языков.

Сокращения:

БолПс	Болонски Псалтир, български книжовен паметник от XIII век, фототипно издание с увод и бележки от Иван Дуйчев. София, Изд. на БАН, 1968.
БПс	Бычковская Псалтырь. Описание и издание текста И.Х. Тота. — В сб.: <i>Dissertationes Slavicae</i> , VIII. Szeged, 1972, с. 71—96, 1а—8б.
ЕПс	Евгениевская Псалтырь. Описание и издание текста В.В. Колесова. <i>Dissertationes Slavicae</i> , VIII. Szeged, 1972, с. 58—69, 1а—20б.
ЖК	Житие Кондрата. Описание и издание текста И.Х. Тота. <i>Studia Slavica. Hung.</i> XXI., 1975, с. 237—275, 1а—2б.
МД	Минеи Дубровского. ГПБ., Ф. п. I. 36. /с микрофильма/.
Супр.	Супрасълски или Ретков сборник. Йордан Заимов, Марио Капалдо. София, Изд. на БАН, 1982.
Виноградов	В.В. Виноградов. Основные проблемы изучения, образования и развития древнерусского литературного языка. — В сб.: <i>Исследования по славянскому языкознанию</i> . Изд. АН СССР. М., 1961.
Гранстрем	Е.Э. Гранстрем. Греческие параллели к гимнографическим текстам "Минеи Дубровского". — В сб.: <i>Русский язык. Источники для его изучения</i> . Изд. "Наука". М., 1971.
Даль	В. Даль. Толковый словарь. М., 1955.
Жуковская	Л.П. Жуковская. О некоторых проблемах истории русского литературного языка древнейшего периода. — ВЯ, № 5, 1972.
Мирчев	К. Мирчев. Историческа граматика на българския език. "Наука и изкуство". София, 1978.
Львов	А.С. Львов. Иноязычные влияния в лексике памятников старославянской письменности /тюркизмы/. — В сб.: <i>Славянское языкознание. VII Международный съезд славистов</i> , Варшава. Изд. "Наука". М., 1973.
Младенов	Ст. Младенов. Етимологически и правописен речник на българския книжовен език. София, 1941.
Младенов	Стефан Младенов. История на българския език. Предвод и редакция на проф. д-р Иван Дуриданов от немското издание през 1929 г., София, Изд. на БАН,

- Преобр. А.Г. Преображенский. Этимологический словарь русского языка. М., 1959.
- Селищев А.М. Селищев. Старославянский язык. ч. I. Учпедгиз РСФСР. М., 1951.
- Словарь русск. яз. Словарь русского языка XI--XVII вв. Вып. 8, Изд. "Наука". М., 1981.
- Срезн. И.И. Срезневский. Материалы для словаря древнерусского языка. т. I—3. СПб., 1893—1903.
- Фасмер М. Фасмер. Этимологический словарь русского языка. т. I—III. М., 1964—1971.
- Черных П.Я. Черных. Историческая грамматика русского языка. Учпедгиз, М., 1954.
- Якубинский Л.П. Якубинский. История древнерусского языка. Учпедгиз, М., 1954.
- Gombocz Gombocz. Zoltán. Nonfoglalás előtti török jövevényszavaink. Bp., 1908.
- Jagič V. Jagič. Entstehungsgeschichte der kirchenslavischen Sprache. Berlin, Weidmannsche Buchhandlung, 1913.
- Knieszsa Knieszsa István. A magyar nyelv szláv jövevényszavai. I. k. 2. kiadás, Akadémiai Kiadó. Bp., 1974.
- Mikl.Lex. Miklosich F. Lexikon Paleoslovenico-graeco-latinum. Emendatum Auctum. Vindebonnae. Vilelmus Braumueller, 1862—1865.
- Mikl.EtW. Miklosich F. Etymologisches Wörterbuch der slavischen Sprachen. Wien, Wilhelm Braunmüller, 1886.
- SA L. Sadnik und R. Aitzetmüller. Handwörterbuch zu den altkirchenslavischen Texten. Carl Winter-Universitätsverlag-Heidelberg in Verbindung mit Mouton S-Gravenhage, 1955.
- Slovník Slovník jazyka staroslověnského. Lexikon Linguae Paleoslovenicae, Nakladatelství CAV, Praha, 1958.
- ИЭС А Magyar Nyelv Történeti-Etimológiai Szótára. I—II—III. k. Bp., Akadémiai Kiadó, 1967, 1970, 1976.

Примечания

1. См. перечень 10 памятников в журнале: Dissertationes Slavicae, XV, Szeged, 1982, с. 117.
2. Младенов, ист. Ук. соч., с. 35.
3. Младенов, ист. Ук. соч., с. 206.
4. Мирчев, Ук. соч., с. 83—84.
5. Мирчев, Ук. соч., с. 85.

6. Селищев, Ук. соч., с. 33.
7. Селищев, там же.
8. SA
9. Якубинский, Ук. соч., с. 346—351.
10. Черных, Ук. соч., с. 307.
11. Черных, Ук. соч., с. 309, 322—323, 326.
12. Виноградов, Ук. соч., с. 34.
13. Виноградов, Ук. соч., с. 36.
14. Виноградов, Ук. соч., с. 38.
15. Виноградов, Ук. соч., с. 36.
16. Жуковская, Ук. соч., с. 68.
17. Slovník I.
18. Львов, Ук. соч., с. 211.
19. Львов, Ук. соч., с. 212.
20. Львов, там же.
21. Младенов, 40, Преобр. I:40, Срезн., I:150, Львов, Ук. соч., с. 214—215, Фасмер, I:114—155, Mikl.EtW. 17, Lex. 40, Slovník 1:136, SA 14, 217.
22. Gombocz 61, TESZ II:447—448.
23. Боллс Ук. соч., с. 315.
24. Младенов, 262, Фасмер, I:692, Преобр., I:412, Срезн., I:1362—1363, Mikl.Lex. 322, SA 48, 257.
25. Виноградов, Ук. соч., с. 85.
26. Срезн., I:1363.
27. Словарь русск. яз. Ук. соч., с. 118.
28. Jagič, 308.
29. Даль, II:217.
30. Младенов, 421, Фасмер, III:255, Преобр., II:54, Срезн., II:924—926, Mikl.EtW. 234, SA 85, 281.
31. Львов, Ук. соч., с. 221.
32. Львов, Ук. соч., с. 222.
33. SA 281.
34. Knieszsa, I:409, TESZ III:142.
35. Срезн., II:925.
36. Гранстрем, Ук. соч., с. 28.
37. Срезн., III:259.
38. Младенов, 569, Преобр., II:250, Львов, Ук. соч., с. 223,

Фасмер, III:555, Срезн., III:259—261, Mikl. EtW. 228, Lex. 822, SA 117, 297—298.

39. Gombocz, 78—79.

40. TESZ III:667.

41. Львов, Ук. соч., 224.

42. Младенов, 617, Фасмер, III:41, Mikl. EtW. 328, Lex. 906, SA 126, 312.

43. Гранстрем, Ук. соч., с. 33.

44. Срезн., III:1582, Mikl. Lex. 1131.

45. Даль, IV:622—623.

46. Gombocz, 74, TESZ III:489—490.

ОЧЕРК ПРОНИКНОВЕНИЯ И ПОСЛЕДУЮЩЕГО СИНТЕЗА
ИНОСТРАННЫХ СЛОВ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ В XVII—XVIII ВЕКАХ

Н.Х. Фокскрофт

По глубоко укоренившейся в истории традиции эпоха Петра Великого /1672—1725 гг./ считается началом западнического процесса в России. Надо отметить, что в это время отношения между Россией и другими великими европейскими державами быстро развивались во многих отраслях знаний — например, в науке, технологии, военных и военно-морских делах. В связи с этим проникновение нововведений в Россию способствовало тому, чтобы "в Европу прорубить окно".

Несомненно, развитие социально-философских понятий, вместе с новыми открытиями в области как исторических, так и естественных наук обусловило создание новых слов, наряду с применением старых терминов для выражения новых понятий и научных представлений. Нужно подчеркнуть, что обогащение русского языка при помощи проникновения в него иностранных слов в действительности началось не во время царствования Петра Великого, а намного раньше. Таким образом, можно утверждать, что деятельность царя ускорила темпы развития уже давно возникшего процесса заимствования и ассимиляции иностранных слов.

Герта Гютль-Уорт установила воздействие заимствованных слов из иранского и германского языков на общий славянский язык, как на основу разных ветвей славянских языков, включая восточнославянскую ветвь¹.

В самом деле, иранский язык являлся источником разных религиозных терминов, так же как и германский служил основой для заимствования разных слов, обозначающих предметы быта или военно-государственного устройства². Устное воздействие скандинавских, турецких и финно-угорских языков на лексику восточнославянского языка восходит к началу девятого века, когда возникла потребность в разнообразных морских и рыболовных терминах³.

Хорошо известно, что в язык Киевской Руси проникали грецизмы задолго до принятия восточного православия в 988 году нашей эры⁴. Указанное явление приводит к весьма значительному притоку религиозных и абстрактных терминов из греческого и, в меньшей степени, из латинского языка в старославянский, и через старославянский язык — в древнерусский. Далее, проникновение греческого языка в древнерусский язык снова усилилось во время так называемого "второго южнославянского влияния" в XV—XVI веках.

С другой стороны, в четвертом веке нашей эры во время вторжения гуннов дипломатические отношения были установлены между Русью и ее восточными соседями. Татарское вторжение в Киевскую Русь в 1223 году, вместе с последующим двухсотлетним господством монголов в России, привело к значительному возрастанию восточных заимствований в русском языке, связанных с административными, финансовыми, торговыми и транспортными делами⁵.

Большое влияние на русский литературный язык оказывали и полонизмы⁶. В связи с этим, Л.А. Булаховский приходит к следующему заключению: "Сближение русского литературного языка с европейскими начинается собственно с проникновения в него полонизмов"⁷.

Борьба русской торговой столицы с поляками за Ливонию — а также желание Ивана Грозного найти выход к Балтийскому морю и взять обратно территорию, захваченную Литовским великим княжеством и Ливонским орденом — привела в 60-ых годах XVI в. к более близким религиозным и культурным, политическим и экономическим, а также языковым контактам между Россией и будущим Польско-Литовским государством. Такие близкие исторические и культурные связи между Россией и Польшей привели к чрезвычайно большому влиянию польского языка на русский в XVI—XVII веках⁸.

Более того, по утверждениям Н.А. Смирнова, огромное количество иностранных слов, главным образом административные тер-

мины, вошло из немецкого в русский язык через польское посредство⁹. Поэтому следует принимать во внимание воздействие немецких заимствований на русский язык.

В связи с этим любопытно, что несколько иностранных слов, заимствованных из греческого языка через польское или немецкое посредство, утвердились в русском языке, вытеснив свои предыдущие родные русские эквиваленты: атеист / < афеист, 1740—50 гг. / < нем. Atheist < гр. atheon, "безбожник" — Fogarasi, с. 34/; геометрия, 1713—19 гг. / польск. geometria < лат. geometria гр. geōmetres, "землемерие" — Fogarasi, с. 411/; демократия, 1731 г. / димократия, 1718 г. < франц. démocratie, или нем. Demokratie < гр. demokratia, "народовласти" — Fogarasi, с. 110/; иерархия / < гр. hierarchia, "священноначалие" — Фасмер, II, с. 118/; метаморфоз / < гр. metamorphosis, "преображение"/; симпатия, 1788—92 гг. / < польск. sympatja, или нем. Sympathie < лат. sympathia < гр. sympatheia, "сострадание" — Fogarasi, с. 110/; теология / < гр. theologia, "богословие"/¹⁰.

Надо иметь в виду то, что большинство этих новых заимствований проникло в русский язык не в XVIII веке /как Н.А. Смирнов полагает/, а значительно раньше¹¹. Такое предположение поддерживает и И.И. Огиенко, который обнаруживает немецко-польские заимствования в разных источниках, относящихся к XVII веку — т.е. к допетровской эре¹².

Это положение подробно объясняет С. Гардинер, который утверждает, что — в отличие от латинских заимствований, входивших в русский язык полностью через польский язык — немецкие слова проникали в русский словарный фонд в XVI—XVII веках другим путем¹³.

Довольно много немецких слов было заимствовано русским языком благодаря устным контактам отчасти с лицами, говорящими по-немецки и проживающими в Ливонии, а частично — с иностранцами, переселившимися в Россию.

Однако нельзя упускать из виду то, что по разным истори-

ческим и географическим причинам основную роль в этом процессе играли польский и белорусский языки. В связи с этим С. Гардинер пишет: "The German words which were borrowed in 16th — and 17th — century Russian were not borrowed from Polish, but through Polish /and White Russian and Ukrainian/ form, because these were the only widely known foreign languages /the two latter not being considered as foreign languages at all/"¹⁴.

Это приводит нас к вопросу о том, какое назначение имели эти немецкие заимствования. Дело в том, что в это время русский язык был беден научной терминологией; следовательно, немецкие заимствования были полезными для выражения новых технических достижений без какого-нибудь столкновения заимствований с коренным русским языком.

Влияние немецкого языка на русский восходит к середине XV века, когда Иван Великий установил контакты с Западом в результате своей женитьбы в 1472 году на Софии Палеолог. Он пригласил иноземных техников в Московское государство, установил международные отношения с венгерским королем, Матвеем Корвином, и с Римом, Венецией и Миланом. Самые ранние немецкие заимствования в русском языке, например, слова пушка и мастер, были связаны с повседневной жизнью¹⁵.

Влияние немецкого языка на русский /через польское и белорусское посредство/ очевидно при изучении таких слов, как например, бархат, шида, имбирь, шафран и яхонт, которые появились до 1550 года в результате торговых связей со Львовом и с ганзейскими купцами¹⁶. В русской деловой или канцелярский язык входили некоторые иноязычные звания также вследствие дипломатических отношений между Россией и Священной Римской империей. Иван Грозный пытался развивать культурные отношения с западными странами и приглашал иностранных, в первую очередь английских, голландских и немецких купцов, в Москву. При этом, в 1584 году был основан новый порт, Архангельск. Сегрегация иностранцев, однако, ограничивала проникновение иноязычных элементов в рус-

скую речь.

Несмотря на это, Россия осталась изолированной от Запада, поскольку в Смутное время возникло широко распространенное народное противодействие иностранным влияниям. Таким образом, единственным пунктом соприкосновения между русским населением и иностранцами, говорящими главным образом на немецком языке, являлась именно Ливония. Польша-Литва /связанная личным союзом 1386 года и более тесной Люблинской унией 1569 года/ служила и географическим барьером и одновременно средством передачи иностранных слов¹⁷. Широко распространенное влияние немецкой культуры в Польше и Литве /где полонизация языка также имела место/ относится к Средним векам.

В XVII веке, после присоединения Украины к России и мира с Польшей /по Андрусовскому перемирию 1667 года/, царь Алексей стал правителем Великой, Малой и Белой России. В то время Польша считалась более слабым соседом и союзником против турок. Поэтому данное соединение служило началом эпохи деятельности украинских и белорусских ученых в России, продолжающейся с 1667 до 1690 года¹⁸.

С. Гардинер утверждает: "The Russians were cut off from the West geographically, historically, culturally, from the inside as well as from the outside, by ideological, spiritual, as well as physical barriers"¹⁹. Поэтому главным путем иноязычного /большей частью, немецкого/ воздействия служили такие посредники, как например, Польша, Белоруссия и Украина²⁰. Даже слова, заимствованные через польское посредство — вместе с той маленькой группой слов, которая была заимствована непосредственно из низкого немецкого языка в XVI—XVII веках — по происхождению не являются исключительно германскими. В немецкий же язык давно проникли иноязычные слова латинского и романского происхождения.

Надо признаться в том, что уже в XVII веке в русский язык вошло много административных, научных и военных терминов иностранного происхождения²¹. Последующее петровское "превраще-

ние" русского государства способствовало массовому стихийному заимствованию иноязычных слов, то есть по непосредственным, естественным причинам. Таким образом, можно предполагать, что на всем протяжении XVIII века главное направление состояло в постепенной европеизации и секуляризации русского языка и культуры под влиянием прямых источников. Поэтому, к концу XVIII века внутренняя форма языка оставалась русской и народной, но его внешний облик стал европейским и международным.

Во время петровской и послепетровской эпохи русский язык впитал массу технических и профессиональных терминов и разнообразную международную лексику. Такое положение наблюдает Г.О. Винокур, когда он пишет: "Новый деловой язык гораздо литературнее, в нем много книжных черт и западноевропейских заимствований. Деловая письменность также становится литературной"²² К тому же Петр Великий старался ввести в русскую жизнь практическое, научное знание и западноевропейский вид образования. Эти качества действительно не были характерными для предшествующего века. Это признает и Н.А. Смирнов, когда он говорит о сознании собственной несостоятельности в сравнении с жизнью западноевропейских государств²³.

Введение в Россию новых понятий, связанных, главным образом, с техническими, административными и военными делами, было намного ускорено так называемым Большим посольством 1697—98 гг., когда несколько европейских стран, включая Голландию, Англию, шведские балтийские области, а также Габсбургскую империю, посещал Петр Великий. Более 750 иностранных мастеров, европейцев всякой национальности, было приглашено на государственную службу в Россию, особенно в новую петербургскую столицу.

Этот западнический процесс в России — и массовое введение технических наук — сопровождался проникновением в русский язык множества иностранных слов. Интересно отметить, что в лексике русского языка не существовало терминов для выражения многих предметов и понятий, введенных в Россию только недавно²⁴. Несмотря на то, что церковнославянский язык имел богатый запас

абстрактных слов, он не являлся пригодным к передаче разных европейских представлений без значительных изменений. Переводчик Географии генеральной 1718 года, Ф. Поликарпов замечает, что "западноевропейские слова привлекали как мода... Они были средством отрыва от старых традиций церковнославянского языка и старозаветного бытового просторечия".

Можно сказать, что проникновение иноязычных слов в русский язык происходило стихийно, независимо от воли Петра. Более того, многие иностранные слова были заимствованы слишком поспешно и излишне. Существовало много проблем, связанных с освоением неологизмов в русском языке: Можно было бы или калькировать их, или приспособлять уже существующие русские слова к новым значениям.

Много иностранных слов и выражений употреблялось в эпоху Петра совсем короткое время. А.Н. Пыпин считает "нежизнеспособным то, что преувеличено... В конце концов это было временное брожение, крайности которого сгладились уже в произведениях первых даровитых писателей, порожденных реформой, как например, у Ломоносова"²⁵. Эта группа заимствований состоит, главным образом, из заимствований, не обогащающих значение уже существовавших русских слов. Л.А. Булаховский приводит следующие слова: виктория / < нем. Viktoria, или лат. victoria, "победа" — Фасмер, I, с. 314/; анштальт / < нем. Anstalt, "мера", "устройство"/; конкет / < фр. conquête, "завоевание"/; резольвовать / < ? польск. resolwować < лат. resolvere, "решать"/; реконтра / < фр. rencontre, "встреча", "схватка"/; фацилиста / < итал. facilita, или фр. facilité < лат. facilitas, "снисходительность"/; пест / < литов. piesta, или латыш. piesta < лат. pistillum, "мировая язва" — Фасмер, III, с. 250, Кир., 45, Преобр., II, 51, Шан., 336/; менаж, 1722--25 гг. / < фр. ménage, "бережливость" -- Fogarasi, с. 81/; трактамент, около 1703 г. / < нем. Traktament, или польск. traktament, лат. tractamentum, "пир", "угощение" — Фасмер, II, с. 93/²⁶.

Намного большая группа иностранных заимствований состоит из слов, относящихся к административной, военной, военно-морской и бытовой сфере²⁷. Хотя Смирнов ошибочно предполагал, что эти слова возникли в петровскую эпоху, Гюттль-Уорт доказала, что многие из них появились в русском языке раньше, в XVII веке. Все-таки, надо иметь в виду, что весьма трудно датировать возникновение иноязычных заимствований, потому что появление таких слов в письменных рукописях совсем не исключает возможности их более раннего употребления в живой русской речи. Многие из этих слов подвергались полному освоению, и они все еще существуют в современном русском языке.

В качестве примера приведем хотя бы следующие слова:

1. Административные термины: администратор, 1576—78 гг. / < ? польск. administrator, или нем. Administrator < лат. administratia — Фасмер, I, с. 62/; бухгалтер, 1710 г. / < нем. Buchhalter — Фасмер, I, с. 255/; инспектор, 1697—99 гг. / < польск. inspektor, или нем. Inspektor < лат. inspector — Fogarasi, с. 65, Фасмер, II, с. 135/; канцлер/ь/ 1503 г. /Кип., 101/, 1679 г. /Fogarasi, с. 46/ / < польск. kancler, или нем. Kanzler < лат. cancellarius — Преобр., I, 293/; министр XV в. /Фасмер, II, с. 624/ / < нем. Minister, или фр. ministre лат. minister — Кип., 155, Fogarasi, с. 59/; декрет, 1635 г. / < нем. Dekret < лат. décretum — Фасмер, , с. 495/; канцелярия, впервые канцеллярия, 1610 г. /Кип., 101/, 1633 г. /Фасмер, II, с. 182/ < польск. kancelaria < лат. cancellarii/; бюллетень, 1803 г. / < франц. bulletin < итал. bulletino ср. — лат. bulla — Кип., 147, Фасмер, I, с. 261/; штрафовать, 1711 г. / < нем. Strafen — Кип., 141, Фасмер, IV, с. 480/; акт / < польск. akt, или нем. Akt < лат. actus — Фасмер, I, с. 66/; ассигнация, 1704 г. / < польск. asygnacja, < лат. assignatio — Фасмер, I, с. 94/; ордер, XVII в. / < нем. Order, или голл. order, или фр. ordre < лат. ordo — Фасмер, III, с. 150/; рапорт, 1740 г. /Фасмер, III, с. 443/, 1782 г. /Кип., 160/ / < стар. репорт < польск. raport и англ. report, < фр. rapport/; проект / < проэкт, 1705 г. /Кип., 159/, 1710 /Фасмер,

III, с. 373/ / < нем. Projekt, или фр. projet < лат. proiectus, или proiectum/.

2. Терминология морского дела: гавань, стар. гавон, 1702 г., гавень / < нидерл., ниж.-нем. haven — Кip., 112, Фасмер, I, с. 379/; компас, стар. компас, 1659 г. /Кip., 102/, 1720 г. /Фасмер, II, с. 305/ / < нем. Kompass, или итал. compasso/; крейсер, впервые крьсер, 1704 г. /Фасмер, II, с. 369-70/ / голл. kruiser — Fogarasi, с. 184/; порт, 1702 г. / < англ. port, или нем. Port < фр. port < лат. portus — Фасмер, III, с. 334/; кабель / < нем. Kabel, или голл. Kabel < фр. câble < лат. capulum — Кip., 113, Фасмер, II, с. 150/; люк, 1720 г., впервые люйк / < голл. luik — Кip., 115, Фасмер, II, с. 545/; матрос, 1694 г. /Фасмер, II, с. 583/ / < голл. matroos < фр. matelot < ср.-нидерл. matten-noot/; рейс, 1806 г. /Кip., 136/ / < нидерл. reis, сред.-ниж.-нем. reise, нов.-верх.-нем. Reise, гот. urreisen — Фасмер, III, с. 463/; руль, стар. рур / < голл. roer — Кip., 116, Фасмер, III, с. 516/; флаг, 1699 /Фасмер, IV, с. 197/ / < голл. vlag/; флот 1696 г. /Фасмер, IV, с. 199/ / < голл. vloot — наверно не непосред. из фр. flotte, как утверждает Фасмер/; флюгер, впервые флюгель, 1720 г. /Фасмер, IV, с. 200/ / < нидерл. vleugel, сред.-ниж.-нем. vluger, vlugel/; фрегат, 1694 г. /Фасмер, IV, с. 207/ / < голл. fregat/; фрегата, 1713 г. / < нем. Fregatte/ /обе формы из фр. frégate/; скипер, стар. щипор, шхипор, шхипер / < нидерл. schipper, сред.-ниж.-нем. schippere, ср.-верх.-нем. schifherre — Фасмер, IV, с. 449, Кip., 118/; шторм 1696 г. /Фасмер, IV, с. 479/ / < нид. storm, ср.-ниж.-нем. storm/; штурман, стар. штюрман, 1720 г., стюрман, 1679 г. /Фасмер, IV, с. 481/ /нидерл. stuurman, ср.-ниж.-нем. sturman/; яхта, с середины XVII в. /Фасмер, IV, с. 570/ / < голл. jacht, или нов.-верх.-нем. Jacht/²⁸.

3. Военные термины: армия, 1705 г., армея, 1704 г. /Фасмер, I, с. 87/ / < фр. armée, или нем. Armee < лат. armare/; гусар, 1614 г. /Кip., 101/ / < польск. husarz < венг. huszár/; ветеран / < фр. vétéran < лат. veteranus — Фасмер, I, с. 306/;

барьер, раньше барьера, 1713 г. /Кип., 146/ /барьер < фр. *barrière*; барьера < польск. *barjera*, или нем. *Barriere* < фр. *barrière* — Фасмер, I, с. 129/; гвардия, 1667 г. /Кип., 101/ /через польск. *gwardja*, или прямо из итал. *guardia* — Фасмер, I, с. 398/; корпус, 1705 г. /Фасмер, II, с. 337/ / < польск. *korpus*, или нем. *Korpus* < лат. *corpus*/; болверк / < нем. *Bollwerk* — Фасмер, I, с. 187/; дивизия / < польск. *dywizja* < лат. *divisio* — Фасмер, I, с. 513/; цейхгаус, 1709 г. /Кип., 139/ / < нем. *Zeughaus*/; атаковать, 1703 г. /Фасмер, I, с. 95/ / < польск. *atakować* < фр. *attaquer*/; штурмовать, штурм, 1614 г. /Кип., 104/ / < польск. *szturmować*, *szturm* < нов.-внрх.-нем., ср.-верх.-нем. *sturm*, *stürmen* — Фасмер, IV, с. 481/.

4. Бытовая лексика: анчоус, раньше анчовес, 1724 г. /Фасмер, I, с. 80/ / < голл. *ansjovis*, или нем. *Anschowis* < фр. *anchois*/; апельсин / < голл. *appelsien* < фр. *pomme de Sine* — Фасмер, I, с. 80/; бисквит, 1734 г. /Кип., 146/ / < фр. *biscuit*, или нем. *Bisquit* < фр. происх. < лат. *biscoctum* — Фасмер, I, с. 168/; биштекс / < англ. *beefsteak* — Фасмер, I, с. 169/; картофель, 1731 г. /Кип., 133/ / < нем. *Kartoffel*/; кафе, 1864 г. /Кип., 152/ / < нем. *Kaffee*, или фр. *café* — Фасмер, II, с. 212/; мадера, XVIII в. /Шанский, 252/ / < фр./; шоколад, народн. чиоколад, стар. чоколад /шоколад < нем. *Schokolade*; чиоколад, чоколад < итал. *cioccolata*. Обе группы из исп. *chocolate* < яз. нахуатль /Мексика/ *chocolatl* — Фасмер, IV, с. 465/; галстук, галстух, впервые галздуки, 1705 г. /Фасмер, I, с. 389/ / < голл. *halsdoek*, а потом нем. *Halstuch*/; жилет, 1784 г. /Кип., 151/ / < фр. *gilet*/; зонтик, 1720 г. / < голл. *zondek* — Фасмер, II, с. 104/; сюртук, народн. также сертук, 1716 г. /Кип., 163/ / < фр. *surtout*/; манжета, впервые маншета, 1706 г. /Фасмер, III, с. 568/, 1720 г. /Кип., 154/ / < фр. *manchette*/; неглиже, уже у Б.И. Куракина /1676--1727 гг./ /Фасмер, III, с. 57/, 1754 г. /Кип., 156/ / < фр. *négligé*/; халат, 1847 г. /Кип., 71/ / < тур. *Xilat* < араб. *hil'at* — Фасмер, IV, с. 217/; аметист / < нем. *Amethyst*, или фр. *améthyste* < лат. *amethystus* < греч. *amethystos* — Фасмер, I, с. 76/; брильянт,

бриллиант, 1716 г. /Kip., 147/ / < нем. Brillant фр. brillant — Фасмер, I, с. 214/; кристалл / < нем. Kristall, или фр. cristal лат. crystallus < греч. — Фасмер, II, с. 378/; бронз/а/, 1907 г. /Kip., 147/ / < ? нем. Bronze < фр. bronze — Фасмер, I, с. 217/; атлас, ранее отлась /XV в., < татар. — Kip., 65/ или /1589 г. < польск. atlas, или нем. Atlas < араб. atlas — Фасмер, I, с. 96/; поташ, 1661 г. /Kip., 106/ / < голл. potasch, или нем. Pottasche — Фасмер, III, с. 343—44/; фасад, 1737 г. /Kip., 165/ / < фр. façade < итал. fasciata — Фасмер, I, с. 187/; портал, XVII в., стар. портел/портал < ? нем. Portal < фр. portal; портел < нем. Portel, или фр. portail — Фасмер, III, с. 334/; балюстрада, 1780 г. /Kip., 145/ / < нем. Balustrade, или фр. balustrade, < итал. balaustro — Фасмер, I, с. 119/; барельеф, 1734 г. /Kip., 146/ / < фр. bas-relief/; арка / < итал. arco < лат. arcus/; архитектор, 1627 г. /Фасмер, I, с. 91/, 1713--19 гг. /Fogarasi, с. 67/ / < нем или голл. позднелат. architector < греч. architektōn /²⁹.

Что касается морфологии русского языка, можно выделить разные слова польского происхождения, как например, приводимые ниже имена существительные с окончанием -я/ -ия, и в польском -ja/: ассигнация, 1704 г. /Фасмер, I, с. 94/ / < польск. asygnacja < лат. assignatio; конференция, впервые конференция, 1679 г. /Fogarasi, с. 125/ / < польск. konferencja < ср.-лат. conferencia/; нация, 1724 г. /Fogarasi, с. 118/ / < польск. nacja < лат. natio/; полиция, 1713--19 гг. /Fogarasi, с. 122/ / < польск. policja, или нем. Polizei < лат. politia < греч./; провинция, провинция, 1696 г. /Fogarasi, с. 122/ / < польск. provincja < лат. provincia /; церемония, 1687 г. /Fogarasi, с. 143/ / < польск. ceremonia < лат. caerimonia/.

Л.А. Булаховский утверждает, что польское посредство также доказывается глаголами, оканчивающимися на морфему -овать /в польском -ować/, как например: адресовать, апробировать, претендовать, трактовать, штрафовать. Однако, В.А. Богородицкий считает, что -овать указывает на влияние французского языка³⁰.

Подобным образом такие суффиксы, как -ист, -ер, -ант, -ик, -изм и -аж относятся к французскому /или немецкому/ языку³¹. Они встречаются в следующих примерах: артист, 1775 г. /Кир., 145/, 1784 г. /Fogarasi, с. 39/ / < фр. artiste, или нем. Artist < лат. ars, artis — Фасмер, I, с. 89/; журналист, 1847 г. /Fogarasi, с. 40/ / < фр. journaliste /; романист, 1847 г. /Fogarasi, с. 41/ / < фр. romaniste/; экономист /фр. économiste/; актер, 1710 г. /Кир., 145/, 1777—78 /Fogarasi, с. 67/ / < фр. acteur/; монтер / < фр. monteur/; педант, XVII в. / < нем. Pedant, или фр. pédant < итал. pedante < лат. paedagogus < греч. — Фасмер, III, с. 225/; секундант, 1720 г. /Фасмер, III, с. 594/ / < нем. Sekundant < лат. sekundans < secundare/; критик, с середины XVIII в. /Фасмер, II, с. 378/ / < нем. Kritikus < лат. criticus/; скептик / < фр. sceptique/; галлицизм, 1792—93 гг. /Кир., 148/ 1803 г. /Fogarasi, с. 89/ / < фр. gallicisme/; лаконизм, XVIII в. /Шанский, 232/, 1847 г. /Fogarasi, с. 89/ / < фр. laconisme < греч. lakonismos/; магнетизм, 1806 г. /Fogarasi, с. 93/ / < фр. magnétisme/; механизм, 1806 г. /Fogarasi, с. 93/ / < фр. mécanisme/; авантаж, 1703 г. /Кир., 144/ / < фр. avantage/; багаж, 1705 г. /Кир., 145/ / < фр. bagage, или нем. Bagage/; пассаж, 1709 г. /Fogarasi, с. 80—81/ / < фр. passage. Отметим, что многие из этих терминов раньше были заимствованы из классических языков, например, из латинского и греческого³². Что касается многих слов с суффиксом -ир, они входили в русский язык из французского через немецкое посредство. Богородицкий цитирует следующие примеры: аккомпанировать, аккомпанировать, 1803 г. /Fogarasi, с. 174/ / < нем. accompanieren < фр. accompagner/; конкурировать / < нем. konkurieren фр. concourir/³³.

Вступление на престол Елизаветы Петровны в 1741 году отметило начало периода народного движения против вредного влияния иностранных слов на русский язык. После пристрастия петровской эпохи к использованию иноязычных заимствований новые лексикографы, например, В.К. Тредьяковский, прибегали к церковносла-

вянскому языку для расширения русской абстрактной и научной лексики³⁴.

М.В. Ломоносов правильно признавал огромные выгоды церковнославянского языка как способа освобождения русского литературного языка от варваризмов. Несмотря на то, что значительное количество церковнославянизмов было первоначально заимствовано из древнегреческого языка, М.В. Ломоносов ясно видел, что эти выражения способствовали обогащению русского литературного языка, что они служили в качестве арсенала стилистических ресурсов для выражения величия и торжественности³⁵.

Царствование Екатерины Второй /1761--96/ ускоряло полный расцвет воздействия французской культуры на Россию³⁶. Влияние французской литературы и языка было сосредоточено при царском дворе в Петербурге; Екатерина Вторая гордо считала себя так называемым "просвещенным деспотом" и распространителем мыслей французских философов, с которыми она переписывалась. В результате этого распространилась галломания в России. Русское дворянство скорее увлекалось французской, а не русской речью.

С устарелым церковнославянским языком Ломоносова порвал один из самых выдающихся русских сентиментальных писателей XVIII века, Н.М. Карамзин /1766—1826/³⁷. Он же способствовал лексическому обогащению русского литературного языка и поощрял заимствование многих бытовых и практических терминов из европейских языков, особенно из французского. Л.А. Булаховский объясняет деятельность Н. Карамзина следующим образом: "Он заимствовал, оставляя без перевода, иностранные слова главным образом терминологического характера, и общеевропейские 'культурные' слова"³⁸.

Карамзин пытался очищать русский литературный язык от устарелых форм и придумывал новые слова, которые он считал необходимыми: "Он... интенсивно работал, если не находил соответствующих русских, в направлении создания новых калек с иностранных образцов"³⁹. В своих известных произведениях "Письма

русского путешественника", "Бедная Лиза" и др., Карамзин вводил в русский язык галлицизмы типа: влияние /"influence"/; трогательный /"touchant"/; убить время /"tuer le temps"/; делать впечатление /"faire une impression"/; взять терпение /"prendre patience"/; делать ваше знакомство /"faire votre connaissance"/; дает себе воздух /"se donner des airs"/⁴⁰.

В напрасной попытке ограничить поток иностранных слов в русский язык несколько писателей конца XVIII века, например, пурист, адмирал А.С. Шишков, придумывали русские эквиваленты для иностранных заимствований, издавна укоренившихся в русском литературном языке. Помимо этого, возникли разные семантические и стилистические варианты этих слов. Мы протицируем следующие примеры: словесность /"литература", XVI в., < нем. Literatur < лат. litterator — Фасмер, II, с. 502/; природа /"натура", XVI в., < ? польск. natura < лат. natura — Фасмер, III, с. 49/; предмет /XVIII в. < польск. przedmiot — Фасмер, III, с. 357/ /"объект" < лат. obiectum/; глазник /"окулист" < нем. Okulist, или фр. oculiste < лат. oculus — Фасмер, III, с. 131/; правописание /"орфография" < греч. — Фасмер, III, с. 154/⁴¹.

Далее, Шишков требовал полного отказа от европеизмов в русской речи и возвращения к использованию церковнославянизмов⁴². Он даже утверждал: "Древний славенский язык, повелитель многих народов, есть корень и начало российского языка, который сам собою всегда изобилен был и богат"⁴³. Известно, что Шишков питал глубокое отвращение к галлицизмам и изобретал "церковнославянские неологизмы" взамен целого ряда иностранных заимствований, как например: слушалище -- "аудитория"; краснослив -- "оратор" / < польск. orator, или нем. Orator < лат. orator — Фасмер, III, с. 148/; шарокат — "бильярд", "бильярд", 1720 г. /Кир., 146; Фасмер, I, с. 165/ / < итал. bigliardo, или фр. billiard — Шанский, 46/; мокроступы — "калоша", "галоша", XVIII в. / < фр. galosche, нем. Galosche, или итал. galoscia < лат. calopedia < греч. kalopodion -- Фасмер, II, с. 170; Шанский, 101/⁴⁴.

Однако от ошибочной теории и деятельности Шихкова отказа-

лись многие критики, например, П.И. Макаров, который в ходе анализа книги Шишкова "Рассуждение о старом и новом слоге русского языка" писал следующее: "Удержать язык в одном состоянии невозможно: такого чуда не бывало от начала света... Язык следует всегда за науками, за художествами, просвещением, за нравами, за обычаями... Все языки составились один из другого обменом взаимным... Некоторые чужестранные слова совершенно необходимы; лишь только не должно пестрить языка без крайней осторожности... Мы теперь совсем не тот народ, который составляли наши предки"⁴⁵.

В самом начале XIX века можно отметить довольно осторожное отношение к заимствованию слов западноевропейского происхождения. Например, А.Д. Галахов замечает, что Н.М. Карамзин очищает новые издания своих сочинений от ненужных иностранных слов⁴⁶. К тому же даже Шишков выражал полное удовлетворение языком самых последних томов его "Истории государства Российского" /1816—26/.

Языковые тенденции XVIII века достигли высшей степени развития в произведениях А.С. Пушкина, который объединил изящный, изысканный язык карамзинской традиции с чисторусской, народной речью бытовой жизни⁴⁷. К этому периоду долговременный процесс синтеза иностранных слов в русском языке в XVII—XVIII веках был завершенным.

Примечания

1. Gerta Hüttl-Worth. Die Bereicherung des russischen Wortschatzes im XVIII Jahrhundert. Vienna, 1956; Gerta Hüttl-Worth. Foreign Words in Russian. — A Historical Sketch: 1550—1800. University of California Press, Berkeley, Los Angeles, 1963.
2. Valentin Kiparsky. Russische Historische Grammatik, Band III: Entwicklung des Wortschatzes. Heidelberg, 1975, с. 59—61 /в дальнейшем: Kip./.
3. Там же, с. 61—71, 86—92, 94—98.
Н.К. Дмитриев. О тюркских элементах русского словаря.—В кн.: Лексикографический сб. Вып. III, М., 1958; Ф.П. Сороколетов. Иноязычные заимствования в русской военной лексике XV—XVII вв. — В его кн.: История военной лексики в русском языке: XI—XVII вв. М., 1970, с. 249—288 /с. 252/.
4. См. V. Kiparsky. Ук. соч., с. 74—86; В.А. Богородицкий. Общий курс русской грамматики. М.—Л., 1953, с. 325—330.
5. См. В.А. Богородицкий. Ук. соч., с. 351—354.
6. См. В.М. Тамань. Полонизмы в языке русских памятников XVI в. — Уч. зап. ЛГУ. № 267, Филолог. науки, вып. 52, 1960, с. 98—124; В.М. Тамань. О польском влиянии на литературный язык Московской Руси. — В кн.: ЛГУ. Межвузовская научно-теоретическая конференция. — Начальный этап формирования национального языка /На материале русского языка/. Тезисы докладов. Л., 1960, с. 41—43; В.В. Ильенко. Западные, юго-западные и южные слова в великорусских летописях XV—XVI вв. Днепропетровск, 1958.
7. Л.А. Булаховский. Исторический комментарий к русскому литературному языку. 5-ое изд., Киев, 1958, с. 33.
8. См. V. Kiparsky. Ук. соч., с. 98—105; Ф.П. Сороколетов. Ук. соч., с. 257—258.
9. Н.А. Смирнов. Западное влияние на русский язык в петровскую эпоху. Сб. ОРЯС. т. 88, вып. 2, 1910, с. 5 и 11. В.А. Богородицкий наблюдает, что в русский язык через польское посредство начинают входить не только немецкие слова, но также и латинские. Ук. соч., с. 331.
10. См. Miklós Fogarási. Beiträge zur Geschichte der internationalen Bildungssuffixe des Russischen. Budapest, 1965 /в дальнейшем: Fog./; М. Фасмер. Этимологический словарь русского языка. 4 тома. М., 1964 /в дальнейшем: Фас./; А.Г. Преображенский. Этимологический словарь русского языка. 2 тома. М., 1959; Н.М. Шанский и др. Краткий этимологичес-

- кий словарь русского языка. Изд. 2-ое, М., 1971; Словарь современного русского литературного языка. 12 томов. М., 1950—61; Словарь иностранных слов. Изд. 8-ое, М., 1981; M. Vasmer. Die griechischen Lehnwörter im Serbokroatischen. В кн.: Abhandlungen der Preussischen Akademie der Wissenschaften. Philosoph. — histor. Klasse. Berlin, 1944; М. Фасмер. Греко-славянские этюды. — В сб. ОРЯС. СПб., 1909. т. 86.
11. См. А.И. Соболевский. Русские заимствованные слова. Курс Литорграф. Изд. СПб., /6.г./; W. Christiani. Über des Eindringen von Fremdwörtern in die russische Schriftsprache des 17 und 18 Jhats. Diss. Berlin, 1906.
 12. И.И. Огиенко. К вопросу об иностранных словах, вошедших в русский язык при Петре Великом. — РФВ. т. XVI. № 3—4, 1911. И.И. Огиенко. Иноземные элементы в русском языке. Киев, 1915.
 13. S.C. Gardiner. German Loanwords in Russian: 1550—1690. Oxford, 1965, p. 313.
 14. Там же, с. 47.
 15. пушка, 1398 г. / < чеш. puška, польск. puszka < др.-верх.-нем. buhsa < народнолат. buxis < греч. — Фасмер, III, с. 415—416, Преображенский, II, с. 157—158/; мастер, 1229 г. / < ? польск. majster, нем. Meister < греч. — Fogarasi, с. 62, Kip., 106, Фас., II, 578—579, Преображ., 513/. См. S.C. Gardiner. Ук. соч., с. 31.
 16. бархат, 1486 г. / < польск. barchan < сред.-верх.-нем. barchāt < ср. лат. barracanus арабск. barrakan — , 106, Шанский, 37, Преображ., I, 18/; шида, 1389 г. / /древ.-верх.-нем. sīda, или сред.-верх.-нем. sīde, "шелк" ср. — лат. sēta/sērica/ — Фас.; IV, 437, Преобр., II, 983; имбирь, или инбирь, 1472 г. / < ? польск. imbir < нов.-верх.-нем. Imber, Ingwer < сред.-верх.-нем. ingewer, ingeber — Фас., II, 129 Преобр., I, 271/; шафран, 1488 г. / < ?польск. szafran < сред.-верх.-нем. saffrān, сред.-ниж.-нем. safferān итал. zafferano < арабск. za'farān — Фас., IV, 414, Преобр., II, 91/; яхонт, 1486 г. / < польск. сред.-верх.-нем. jachant < ср. лат. hyacinthus < греч. — Kip., 107, Фас., IV, 570, Преобр., II, 142/. См. V. Kiparsky. Ук. соч., с. 104, 106—107; В.А. Богородицкий. Ук. соч., с. 341—346; S.C. Gardiner. Ук. соч., с. 32.
 17. S.C. Gardiner. Ук. соч., с. 36.
 18. Там же, с. 40.
 19. Там же, с. 45.
 20. В.А. Богородицкий также указывает на польское посредство в проникновении немецких слов в русский язык /Ук. соч., с. 341/.

21. См. Ф.П. Сороколетов. Ук. соч.
22. Г.О. Винокур. Русский язык. Париж, 1947.
23. Н.А. Смирнов. Ук. соч.
24. Суть дела выражается в следующем замечании П.А. Вяземского: "У нас жалуются и жалуются по справедливости на водворение иностранных слов в русском языке. Но что же делать, когда наш ум, заимствовавший некоторые понятия и оттенки у чужих языков, не находит дома нужных слов для их выражения?" /Старая записная книжка. VIII, с. 38/.
25. См. А.Н. Пыпин. История русской литературы. Изд. 3-ье, т. III, 1907, с. 303—309.
26. Л.А. Булаховский. Ук. соч., с. 37.
27. По мнению В.А. Богородицкого, многие из таких слов заимствованы из немецкого и голландского языков /Ук. соч., с. 343—346/.
28. В.А. Богородицкий доказывает, что почти все приведенные морские термины по происхождению являются голландскими /Ук. соч., с. 348/.
29. См. Л.А. Булаховский. Ук. соч., с. 37—38; V. Kiparsky. Ук. соч. Кипарский констатирует, что большинство этих слов бытовой лексики французского происхождения возникло не в XVII веке, а только в XVIII. В соответствии с этим В.А. Богородицкий пишет следующее: "Что касается эпохи заимствования слов французского происхождения, то она начинается довольно поздно — лишь с XVIII века, то есть со времени Петра I" /Ук. соч., с. 334/.
30. См. Л.А. Булаховский. Ук. соч., с. 38; В.А. Богородицкий. Ук. соч., с. 337; и М. Fogarasi. Ук. соч., с. 156—57.
31. См. В.А. Богородицкий. Ук. соч., с. 333—341.
32. См. Словарь иностранных слов.
33. См. В.А. Богородицкий. Ук. соч., с. 334.
34. Самым великим лексическим новатором XVIII века считается В.К. Тредьяковский -- см. Gerta Hüttli-Worth. Thoughts on the Turning-Point in the History of Literary Russian: The Eighteenth Century. International Journal of Slavic Linguistics and Poetics. Vol. 13, 1970, pp. 125--35 /p. 131/. Суффиксы типа -ство и -ость — церковнославянского происхождения. Подробное исследование морфологии русского литературного языка XVIII века раскрывает постепенное вытеснение параллельных образований на -ство формами на -ость. /См. И.М. Мальцева. Из наблюдений над словообразованием в языке XVIII в. /На материале однокоренных параллелей -ость, -ство и -ие. В кн. Процессы формирования лексики

- русского литературного языка /от Кантемира до Карамзина/. М.—Л., 1966, с. 259—284; И.М. Мальцева и др. Лексические новообразования в русском языке XVIII в. Л., 1975, с. 10—145; В.В. Веселитский. Отвлеченная лексика в русском литературном языке XVIII—начала XIX в. М., 1972, с. 80—94; Дублетность иноязычных слов является характерной чертой русского литературного языка XVIII в. /См. И.А. Василевская. К вопросу о формальной дублетности иноязычной лексики в заимствующем языке /На материале русского языка XVIII в./ В кн. Процессы формирования лексики. Ук. соч., с. 285—310.
35. См. А.И. Ефимов. Значение Ломоносова в истории русского литературного языка. — В его кн. История русского литературного языка. М., 1954, с. 168—191.
 36. См. Е.Г. Ковалевская. Иноязычная лексика в произведениях Н.М. Карамзина. — В кн. Материалы и исследования по лексике русского языка XVIII века. М.—Л., 1965, с. 226—250 /с. 227/.
 37. См. А.И. Ефимов. История русского литературного языка. Ук. соч., с. 224—225.
 38. Л.А. Булаховский. Исторический комментарий..., с. 72; см. Я.К. Грот. Филологические разыскания, I. Далее, Е.Г. Ковалевская утверждает: "Почти все слова, введенные Карамзиным в литературный язык, и большинство слов, которые употреблял Карамзин в своих произведениях, сохранились в современном литературном языке" /Ук. соч., с. 250/.
 39. Л.А. Булаховский. Ук. соч., с. 72.
 40. См. А.С. Шишков. Рассуждение о старом и новом слоге российского языка. СПб., 1803; см. также Л.А. Булаховский. Русский литературный язык первой половины XIX века. Киев, 1957, с. 213—220. В конце концов Карамзин пытался прекратить галломанию — см. его статью, О любви к отечеству и народной гордости. — Вестник Европы. 1802, ч. I, с. 68.
 41. См. Л.А. Булаховский. Русский литературный язык... с. 239.
 42. Там же, с. 229—239.
 43. А.С. Шишков. Ук. соч.
 44. Для обсуждения функции неологизмов церковнославянского происхождения см. Герта Гюттль-Уорт. Роль церковнославянского языка в развитии русского литературного языка. American Contributions to the VI International Congress of Slavists, Prague, 7—13 August 1968, vol. I: Linguistic Contributions; В.В. Замкова. Славянизм как стилистическая категория в русском литературном языке XVIII в. Л., 1975. См. Л.А. Булаховский. Русский литературный язык... с. 239, 320—323.

45. Московский Меркурий. 1803 /декабрь/. См. Историко-литературная хрестоматия нового периода русской словесности А. Галахова. т. II, изд. 15, 1908, с. 127—131. См. также Геннади: "П.И. Макаров". — Современник. 1867, № 6, с. 80. Полезность иностранных слов выясняется в следующем замечании Н.И. Греча: "Если должно выразить понятие, для которого нет слова в языке, лучше всего взять слово иностранное, особенно из языка мертвого, классического: Оно поступает на службу нашего языка тем же чином, облекшись только в наши буквы" /Н.И. Греч. Чтения о русском языке. 1840, ч. I, с. 26/.
46. А.Д. Галахов. История русской словесности, древней и новой. Изд. 3-ье, т. II, 1894, с. 113—114. Интересно заметить, что в первоначальный печатный текст "Бедной Лизы" Карамзин вносит разные исправления, чтобы сократить число иноязычных заимствований /См. В.В. Виноградов. О стиле Карамзина и его развитии /исправления текста повестей/. — В кн. Процессы формирования лексики русского... с. 237—258.
47. О влиянии языка писателей XVIII века на стиль А.С. Пушкина см.: Nigel H. Foxcroft. The Principle of Conflict in Certain Historical and Lyrical Works of A.S. Pushkin: A Thematic and Linguistic Investigation. Unpublished M.Phil. thesis. University of Sheffield, England, 1985, 248 pp.

MONUMENTA LINGUAE RUSSICAE VETUSTAE

Redigunt V.V. Kolesov et E.H. Toth

ПАМЯТНИКИ ДРЕВНЕРУССКОГО ЯЗЫКА

Редакторы В.В. Колесов и И.Х. Тот

МИНЕЯ ДУБРОВСКОГО

Введение

И.Х. Тот

Минея Дубровского /в дальнейшем: МД/, хранящаяся в Отделе рукописей Государственной Публичной библиотеки им. М.Е. Салтыкова-Щедрина /г. Ленинград/ под сигнатурой Фн. I 36, представляет собой фрагменты служебных миней на 8-е, 11-е, 19-е и 24-е месяцы июня. Эти служебные минеи посвящаются памяти Феодора Страдальца, апостолов Варфоломея и Варнавы и Иуды и Иоанна Предтечи.

Рукопись состоит из 15 листов, списанных в один столбец по 22 строки, хотя имеются и листы с 21-ой строкой. Размер листов /по нашим наблюдениям/ 19,5 x 14,4 см. Рукопись находится в переплете, выполненном в начале XIX в. Однако листы сплетены неправильно: не соблюдается порядок следования листов.

МД была списана уставом. Уставное письмо МД имеет узкий характер. Текст был наведен чернилами. Инициалы и заголовки выполнены киноварью или киноварью и чернилами. В рукописи встречаются большие и малые инициалы. Пергамен пожелтевший, тонкий, местами довольно низкого качества. На тонком пергамене иногда просвечиваются контуры букв оборотного листа /напр., на л. 136/. Нет текста в верхней части л. 136 /8 строк/. На отдельных листах встречаются дырки или не хватает пергамена. Пергамен на л. 4 был закреплен нитью. Чернила выцвели, поэтому на отдельных листах текст был восстановлен, возобновлен более поздним писцом.

Рукопись принадлежала собранию известного русского коллекционера "манускриптов" П.П. Дубровского, как об этом свидетельствует VIII-ой бумажный вставной лист, на котором отмечено следующее: Минеи. Месяц июнь. Ex Museo Petr. Dubrowsky. К сожалению, мы не располагаем никакими сведениями от-

носителем того, каким образом и откуда попала интересующая нас рукопись в коллекцию П.П. Дубровского. В собрании П.П. Дубровского насчитывалось около 50 славянских рукописей, из которых, по всей вероятности, mineя, теперь носящая его имя, была самой древней. В свое время коллекция П.П. Дубровского славилась тем, что в ней хранились маленькая библиотека Анны Ярославны /жены Генриха I/ и древние рукописи времен княгини Ольги и князя Владимира. После того, как рукописи собрания П.П. Дубровского попали в Публичную Библиотеку, была составлена опись его коллекции. В этой описи — по устному сообщению Т.П. Вороной — под № 844 указываются Службы, т.е. служебные книги. Возможно, что среди этих рукописей была и интересующая нас рукопись, т.е. — МД. Это предположение подтверждается тем обстоятельством, что рукопись под № 844 была единственной пергаменной.

Не вызывает больших споров датировка МД, так как большинство ученых считает ее древним памятником русской письменности. И.И. Срезневский /И.И. Срезневский, 1863, с. 39/ относит рукопись к периоду до XII в. По мнению Н. Волкова /Н. Волков, 1897, с. 65, под № 228/ МД является памятником XI в. К XI в. относят ее Е.Э. Гранстрем /Е.Э. Гранстрем, 1953, с. 17/, В.М. Марков и М.Ф. Мурьянов /М.Ф. Мурьянов, 1981, с. 122/. Даже В.М. Марков заявляет, что "есть основания считать ее одним из древнейших письменных источников" /В.М. Марков, 1962, с. 422/.

Ранняя датировка МД подтверждается также палеографическими и языковыми данными. Хотя полного палеографического описания МД нет, в пользу ее древности можно привести некоторые особенности почерка писца МД. С палеографической точки зрения МД характеризуется следующими чертами:

1. Почерк ровный, старательный, который свидетельствует об опытном писце. Однако, почерк писца несимметричный и непропорциональный: МД была написана узким письмом. В этом отношении особо выделяется лист 7а. Однако, характер пись-

ма /узкое письмо/ само по себе не препятствует датировке этой рукописи XI веком.

2. Некоторые буквы имеют старинное, архаическое начертание. Из букв, имеющих датирующие признаки, прежде всего следует указать на буквы ѣ и ѡ. Буква ѣ в рукописи, по нашим наблюдениям, не встречается.

Буква ѣ пишется вся в строке. Мачта пишется с легким наклоном вправо, однако она не возвышается над строкой, а помещается в ней. Верхняя часть мачты утолщена сильным нажимом пера. Круглая петля пересекает мачту ниже ее середины. Коромысло, как правило, не касается петли. Оно становится немного выше петли, но ниже воображаемой верхней линии строки. Утолщение мачты сверху придает ей своеобразный "излом", что является характерным для начертания этой буквы в МД.

Середина буквы ѡ — как в древнейших рукописях — поднимается до верхнего уровня строки. Боковые линии буквы овальные. Верхние части боковых линий утолщены нажимом пера. К середине пера они сближены. Имеется и такой вариант, у которого левый овал буквы больше правого и нижняя часть ее немного опускается под строку. Правый овал всегда стоит на нижней строке, и его верхняя часть пишется дальше от середины, нежели верхняя часть левого овала.

Из особенностей начертания других букв выделим следующие:

Буква ж пишется в три приема. Верхняя и нижняя часть буквы почти одинаковые. Однако, имеется и вариант, у которого верхняя часть буквы меньше нижней. Боковые линии буквы расставлены, они пересекаются немного выше середины стержня. Жирный стержень буквы прямой, иногда он имеет легкий наклон вправо.

Поперечная линия буквы н касается правого стержня ниже ее середины, но немного выше нижнего уровня строки. Буква н — образная.

Перекладина буквы и, как и соединительная линия букв ге, го, га, пишется посередине.

Буква з пишется с длинной верхней горизонтальной чертой и овальным, длинным хвостом.

Рассмотренные особенности начертания букв, имеющих датирующие признаки, позволяют датировать МД концом XI в. или началом XII в.

Характерной чертой графической системы МД является частое, но небезысключительное, употребление букв шт /архаическая черта/ и постоянное употребление буквы ы, что кажется странным для памятников XI в., хотя эта буква встречается и в памятниках XI в.: в Реймском евангелии /однако ы пишется там с маленькой соединительной черточкой/.

Разыскивая библиографические данные о МД, мы убедились в том, что этому интересному и древнему памятнику не было уделено должного внимания со стороны специалистов-исследователей. МД не имеет ни полного описания, ни полного издания. Хотя эта рукопись была известна исследователям, с лингвистической точки зрения она осталась неизученной вплоть до последнего времени. Начало лингвистическому изучению МД положила работа В.М. Маркова /М.Ф. Мурьянов, 1981, с. 122/, вышедшая в серии публикаций "Вопросы теории и методики изучения русского языка". Вып. 2. /Чебоксары, 1962, с. 435--456/. Известный советский византинолог Е.Э. Гранстрем установила греческие параллели к службам Варфоломею и Варнаве и опубликовала их вместе с соответствующей частью МД. Е.Э. Гранстрем указала на то, что "для десяти слов греческий текст найти не удалось" /Е.Э. Гранстрем, 1971, с. 26/. Издание Е.Э. Гранстрем было критически оценено М.Ф. Мурьяновым, который нашел в Новгородских служебных минеях 1095--97 годов соответствующие греческие строфы, не обнаруженные Е.Э. Гранстрем. М.Ф. Мурьянов сделал ряд критических наблюдений по поводу издания, выполненного Е.Э. Гранстрем и дополнил лексическую характеристику МД новыми данными, указывая на некоторые

ошибки писца интересующей нас рукописи. Некоторые аспекты фонетики и фонологии речи писца МД были изучены В.М. Марковым /В.М. Марков, 1964, с. 26, 48, 92, 200--201/ и В.В. Колесовым /В.В. Колесов, 1980, с. 84/, однако, несмотря на свою важность, они не могут заменять полного, исчерпывающего описания рукописи.

Факсимильное издание рукописи, несомненно, облегчает изучение этого весьма интересного памятника древнерусской письменности.

В конце нашего введения к изданию МД мы считаем уместным дать краткие указания относительно содержания текста по отдельным службам и перечислить известную нам литературу об этой рукописи.

1. Содержание МД.

8-е июня служба Феодору Стратилату лл. 2-66

11-е июня служба апостолам Варфоломею и Варнаве лл. 66--126 и 1--16.

24-е июня служба Иоанну Предтече лл. 15--156.

/Содержание чтений дается по описанию Сводного Каталога славяно-русских рукописных книг, хранящихся в СССР. М., 1984/.

2. Важнейшая литература об МД.

Издания: Е.Э. Гранстрем. Греческие параллели к гимнографическим текстам "Минеи Дубровского". Русский язык. Источники для его изучения. Под ред. С.И. Коткова. М., 1971, с. 24--43.

М.Ф. Мурьянов. О Минее Дубровского. Вопросы языкознания, 1981, кн.1, с. 121--141.

Литература: И.И. Срезневский. Древние памятники русского письма и языка X--XIV вв. СПб., 1863, с. 39.

И.И. Срезневский. Древние памятники русского письма и языка X--XIV вв. Изд. 2-е. СПб., 1882, столбец 77.

Н.В. Волков. Статистические сведения о сохранившихся древнерусских книгах XI--XIV веков и их указатель. СПб., 1897, с. 65, под № 228.

Е.И. Голубинский. История русской церкви, т. I. Вторая половина тома. М., 1904, с. 528.

Н.К. Никольский. Материалы для повременного списка русских писателей и их сочинений /X--XI вв./. Корректированное издание. СПб., 1906, с. 493.

Е.Э. Гранстрем. Описание русских и славянских пергаменных рукописей. Под ред. Д.С. Лихачева. Л., 1953, с. 17.

Е.Э. Гранстрем. О подготовке сводного печатного каталога славянских рукописей. Славянская филология, т. II, IV Международного съезда славистов. М., 1958, с. 416.

В.М. Марков. Язык Минее из собрания Дубровского. Вопросы теории и методики изучения русского языка. Вып. 2. Чебоксары, 1962, с. 435--457.

В.М. Марков. К истории редуцированных гласных в русском языке. Казань, 1964, с. 26, 48, 92, 200--201.

Н.Б. Шеламанова. Предварительный список славяно-русских рукописей XI--XIV вв., хранящихся в СССР. Археографический Ежегодник за 1965 г. М., 1966, с. 189, под № 25.

И.Х. Тот. О сочетании редуцированных между согласными в древнерусских рукописях XI в. Вопросы языкознания, 1976, 4, с. 101--102.

В.В. Колесов. Историческая фонетика русского языка. М., 1980, с. 84.

М.Ф. Мурьянов. О Минее Дубровского. Вопросы языкознания, 1981, кн. 1, с. 121--141.

Сводный каталог славяно-русских рукописных книг, хранящихся в СССР /XI--XIII вв./. Под ред. С.О. Шмидта. М., 1984, с. 64--65. Под № 22.

Имре Тот. Русская редакция древнеболгарского языка в конце XI--начале XII вв. София, 1985, с. 43--46, 93--98, 159--163, 194--196, 234--242, 271--272, 292--295, 318 и пр.

Издавая МД, мы должны выразить свою глубокую благодарность всем, кто принимал участие в нашей работе над рукописью. Мы выражаем глубокую благодарность Г.П. Енину, заведующему Отделом рукописей Публичной библиотеки, который сделал все возможное для изучения МД в оригинале, старшему научному сотруднику Отдела рукописей Публичной библиотеки Т.В. Вороновой, за ценные сведения, которые она нам дала по истории рукописи, а также другим сотрудникам Отдела рукописей. Мы особенно выражаем глубокую признательность Д.П. Эрастову за тщательно выполненные снимки-клише в Лаборатории консервации и реставрации документов АН СССР /г. Ленинград/ и сотрудникам Лаборатории. Мы выражаем глубокую благодарность профессору Софийского университета им. Климента Охридского Румяне Павловой за помощь, оказанную ею при переписке текста МД специальным шрифтом. Выражаем свою признательность профессору В.В. Колесову за его ценные советы и указания и нашим коллегам Г. Балажу, А. Золтану и Э. Хорхоши, которые сверили копии с оригиналом. Мы выражаем надежду на то, что издание МД привлечет внимание специалистов и будет широко использовано в научном обороте.

МИНЕЯ ДУБРОВСКОГО

○ нна • стир • гла • д • по • дастъ зна

Первое бл҃гатию • естествоноу и пребжтвенноу
жизни рвѣноуа • моужь показа са бл҃гын ба
рнаво • саш҃г҃ствомъ и оутѣшителя смѣ • при
5 носимааго ради именоваши са • нравъ твои •
пребл҃гатию • и оумоу прѣчистость • вѣрныхъ
призывааъ еси • прѣбывати въ бл҃гати •

Органи въпоправленъ • бжтвеннымъ правле
ниемъ творениемъ дхвнымъ барнаво
10 бысть назыкомъ званнѣ ты оубри са • къ
разоумоу хѣх приоутнаемъ • словесы и дѣ
ланнѣ • и то просвѣтиаъ еси • исповѣдати и
стинно • нсѣхъ пребжтѣхъ спсѣхъ дшѣ нашихъ •

Принять а҃г҃ле на бѣсы непобѣдимуюо • обла
15 сть ти • и спсѣноую • въ нма хвое • наутѣкы
тымъ нхъ проганаа • и прошѣаъ еси землю
просвѣтаа ты тако же саш҃г҃е • и рима же сло
вош҃таго дошѣаъ • проповѣдааъ еси • спсѣноѣ
приш҃ствѣе а҃а ба нашего •

20 на стивнѣ • верѣ • гла • вѣ •

Основавъ землянаа послѣдовааъ еси хоу¹
знаменааъ са доуновеніемъ стааго дха •

¹ Левое поле листа повреждено.

В конце строки после буквы ОУ буква не поддается чтению.

посълаанъ бѣиѣзъ отъ него въ ꙗзыки погыбѣшаа
обращаѣа ѹбѣки • въ свѣтъ бѣгоразоумнѣа апле
и конѹавъ подвѣга • бжствѣныѣа ти страсти •
моукъ разанѹѣныѣихъ • ашх своего хх предаа ѣ
5 сн • того моан въсе блажене ааровати намъ ве
нѣо мнлостъ • на стѣвѣ • за • гла • ѹ •
Варнаво прехвалѣне • еанстаѹштнѣ са съсѣде
стааго аха • ꙗко снѣ оутѣшеннѣа • нже прехѣ
павѣла • семидесатъ оуѹенникомъ бѣиѣзъ върхъ •
10 н съ павѣлымъ пакы ѣѹанѣанѣ проповѣдавъ
странамъ • тѣмъ • и елѣхти слово • аѣлы нспѣ
лнѣиѣзъ • себе прнвѣа ѣсн • въсе прнпошеннѣе ѹн
сто оуѹнтелю своему хх моан са въ нпоу •
апле слабѣне • въ мнрѣ спсѣти аша
15 наша моанѣ са •
ѹ ѣ канѹнъ • гла • ѡ • пѣ • а • ѡ •
ѣ нрмѣ • въ глаубнѣ постѣла древле •
фараѹннѣтѣска въста воѹнѣ
ства • преорѣженоу снлоу въ
20 павѣтъ са слово же прѣспѣѹштѣе и грѣхъ по
требнѣа ѣсн преславныѣи гѣ ꙗко прославѣ са •

¹ Правое поле листа повреждено

СТРАСТОТЪРПЬУСЬКЫИ СЪСТАВНЪ ПОДЕННЪ • НА
 АБСТЬ ДОКЛЕВАЛЪ ЕСИ ФЕѦДОРЪ • ОГНѦ ВЪШТА
 НЫНѦШЕ СИ РАЗЫКЪ • ПОСРАМНАЪ ГѦСИ АН
 КИИИГѦВО БЕСУСЛОВЬУСТВО • ТЪМЪ Н СЪ АНГЛЫ
 АНКѦШИ БЛАЖЕНѦ • МОЛИ СЯ ХХ БОУ • РАКО ДА
 5 МИЛОСТНЪ БОУДЕТЪ НАМЪ ВЪ АНЪ СЪДЫНЪ.
 На стиховнѣ: • ЗАУТРА • ГЛА • Н • : •
 БЖИИХЪ ДАРОВЪ РАКО ТЪЗОИМЕННЪ • Н ТОГО НА
 СЪДЫННЪ БЖЕСТВА • ВЪСИ ПОХВАЛЕНЪ ВЪРНИ
 10 Н • Н ОУБЛАЖЕНЪ ДОСТОИНО • ФЕѦДОРА ДОБЛА
 ГО Н ВЪСЛАВНАГО ВЪНКА • ВЪСЕЛЕННА ПОКОРЬНІ
 КА • МОЛИТЪ БО СЯ ХХ БОУ ЗА ДША НАША: •
 ѦЕ КАНОН: • ГЛА • А • ПЪ • А • ѦЕ БО
 МОРА УЪРМЬНОУГО ПОУУИНОУ • НЕМОКРЫИИ
 15 СТОПАМН • ДРЕВЬНН ИШЕСТВОБАВЪ ИЗЪ • РАКО
 КРЪСТАОБРАЗНО МОСѦВЪМА РОУКАМА • АМА
 АНКОВОУ СЛЮУ ВЪ ПОУСТЫИИ ПОБѦДНАЪ ЕСТЬ: •
 МУНЪКЪ РАВЪ СВѦТЛОСТЫИ ОУДОБРАГѦМЪ • ПРЕ
 КРАСНОУ ПРЕСТОИИ ХХ • ОТЪ НЕГО ОУДОБРИ
 20 ВЪ • РАКО ДАРОВЪ ТЪЗЫНЪ • БОЖИИ МОУЧЕНИ
 УЕ ФЕѦДОРЕ: •

БЖННМЪ ЗАШГНГНВЪ СѦ ФЕѦДОРѦ • ОРАЖННМЪ
ВЪРЪ • ВРАГЪ ВЪСА ПОГОУЕН КРѦТЬКО • ДШЕГЪ
ЛННННННА ТЪЛПЪ • Н ПОБѦДНТЕЛЪ БЫВЪ • СЪ МЖ
УЕННКЪ ВЪНЪУАННКЪ¹ БЪНЪУАНЪ БЫСТЬ • ✓

5 СЪВЪТЛО СН ДШЕВНО ХРАБЪРСТВО • ГДЪ СЪТВО
РА • НЕУЪСТНВОМОУ ЧРТО ПРЕМОУДРЕ • ПРЕЖДО
СТНЮ СЛОВЕСЪ ТН • Н БАГАТА ТОО ПОСРАМН ФЕ
ѦДОРѦ • :

8 ОБРѦТЬ ТА УНСТѦШЖ ПРѦСТАНА ВСЕТА ТЪДРН •
10 Н ВЪСѦХЪ ДЖННТЕЛЪ Н БЪ • ВЪПЛЪТНН СѦ НЗВО
АН • НС ТЕБЕ УНСТА • УЛВУА РОДА ПРОМЫШЛАНА • :

12 ПЪ • Г • ВЕСЕЛНТЬ СѦ О ТЕБЕ • ЧРКЪ ТВО
НА ХЕ ЗОВОУШН • ТЫ МН КРѦПОСТЬ ГН • Н ПРИ
БѦЖШТЕ Н ОУТВЪРЖЕННТЕ • ✓

15 ТЪЛПЪ ТЫ НЕВѦРНЫ • ТАКО СНАЛНЪ ПОБѦДН •
ВОГѦВОДА • Н СТЪРЪГННВАДГО ДЖННА • ВЪСА
КЪЗНН МНЗЪЛОЖИЪ ЕСН • ✓

ТАКО РАДЪ ДШЕГО • РАЗОУМЪ БЛГОУЪСТНВЪ
МЪ СЛАВНН • НЕВѦРНЫ ПОГОУЕН • ТОУЖДЕ
20 ВАНННННХЪ УЪСТНН • ✓

ТВЪРДОГО МЫСЛНЮ • НАНОШЕННА ПРЕТЪРГЪ
ЛЮТЫННХЪ • ЖИВОТВОРАШН МОУДРОСТН • ПО

/обрывается текст/

¹ Слово вычеркнуто писцом.

- МУНИСЬ ТВОИ ГИ ВЪ СТРАДАНИИ СИ БЛНЧЬ ПРИНІАТЬ:.
Е СѢ ГЛА . А . СКОРІИ НА МОЛИТВОУ И
МНОГЪ НА СПІСЕНІЕ . СТРАСТОТЪРПІВЕ СЛАВНЫИ
ФЕОДОРЕ . ПОДОШТАИ ТЯ РАБЫ СВОИ СЪХРАНИ .
5 ТЯ БО ІМАЕШЬ ДАРЪ БЖІИ . ІАКО ТВЕРДА ВЪОРАЖЬ
НИКА И МУНКА
Б ННА . ГЛА . А ВЪЗНЕСЫ НС
ВОИНЫСТВОМЪ ІСТИНЫМЪ МУНУЕ . ПРЕМУНА
ГО ЧРА . ІСТИНЫЕ БОИТЕ . ПРЕКРАСНЕ ТЫ БЫСТЬ
10 ФЕОДОРЕ . ОРАЖІЕМЪ БО ВЪРЫ . ОДПЛУИ СЯ ПРЕМА
ДРЕ . И ПОБѢДИАШЬ ВСИ БѢСНЫИ ТЯЛПИ . И ПОТРЕБИ
ТЕА ЖЕ ІАКИ СЯ . ТИЕ ТЯ ВЪ ІНУУ ВЪРОЮ ОУКЛА
ЖИЕ ННО . ГЛА . И . ПО . ПРИДРОСТЬ
ВЫШЕ ЁСТЬСТВА ПОДВИГЪ ПРИНОСА . ВЫШЕ ВЕШЬ КЪ
15 СТРАСТЫМЪ . ОТЕ БА ДОСТОИНО ОУЛОУТИАШЬ ВСИ СТРА
СНОНОСЕ ИНОГОСТРАДІЕ . ІАКО НИКУСО ЖЕ НЕБРАТЪ .
БЕЗДОХНЫИХЪ ПОБЕЛѢНИИ . САМОГО КЪ МОУКА
МЪ . СЪ ВЕСЕЛІЕМЪ ПРЕДА СЯ . ТИЕ . ТЪРПІВЕ РА
САЖДІЕШЕ И КЛАШТАШЕ . КРЪСТЬ ЖЕ И СЫЕ
20 РТЬ . ХВ НСЪ ПРОСЛАВИ СЯ . ДОСТОИНО ФЕОДОРЕ . МО
ЛИ ХА БГА ГРѢХОВЪ ОСТАВЛЕНІЕ ПОДАТИ УТЮУИ
ІЕШЬ ЛЮБЕВЬЮ ПАМЯТЬ ТВОЮ:

- С КОН . . ГЛА . Б . ПО . ВЪШЕШНХЪ НѦ .
МОУЖЕСТВЫМЪ ДША . ВЪ ВѢРЖ ОБЪЛЪКАЪ СГА ЁСН . Н
БЖСТВЫНЪ КРЪСТЪ . ОУСПЫШНО ВЪСПРНЕМЪ .
ВРАГА ОУГЪЗНАЪ ЁСН . МУНКОМЪ БЕЛНКЫНЪ ФЕО
5 ДОРТЕ . СЪ АНГЛЫ ХА БА МОЛН . НЕПРЕСТАНО О ВЪ
СЕХЪ НАСЪ . ИКО . ПО . ОУГАСНИ МН .
ОУГАСНИ МН ГАЗЫКЪ БЕЛНКЫНЪ . МУНКОМЪ ХРА
БЪРЪ . Н ТЪРДЫНЪ СТРАДАЛЪЧЪ . Н ДАХЪ БЛАГО
ДѢТЪ ХБАЛШТОУ ТА . РАКО ДА НАВЕДОУ НА ТА .
10 ПЕСНЪ . Н ХБАЛОУ ПРНЕСА ЛЮБЪЗНОУ ОУМОУ .
ПРНЙМН Н МОГѢ . ОТЪ ЖЕЛАННІА СРЧА ПРННТЕ .
СЛАВА СТРНЕМЪ . ВОГЕВОДО ДОБАННЪ ФЕОДОРТЕ . ВЪ
СНГЪВЫНЪ МНРОВНЪ ГЛАДЕСЫ . Н ПОДА ГАНЪ ЧЕЛТЕ
МННЪ ТРЪБОУШННМЪ . ЛЮ . МОЛА НЕ ПР
15 СТИР . НА ГН ВЪЗВАХЪ . ГЛА . Д . ПО .
С РАКО ДОБАА ВЪ МЖУТЕНННМЪ .
СТРАСТОТЪРПЪЧЪ ДОБАННЪ . ВОИМЪ НЕПОВѢДНЫМЪ
Н . СТЪННМЪ ДХЪМЪ ГАНЪ СГ ЁСН . ННЗЪЛОЖН
ВЪ БОРЪЧА . МОУДРОСТНО СЛОВЕСЪ ТН . Н ДѢЛЪ
20 МЪ СН МХДРТЕ . СТРАСТОТЪРПЪЧЕ ГАНЪЛЕННМЪ .
ТМЪ ПРНГЪТЪ ВЪНЪЧЪ ПОВѢДННН . Н НА ВЪ
СПРЪ СЪ АНГЛЫ СЪУСТА СГ . БЕЛННЪ МННТЕ ФЕОДО
рте .

5

10

15

20

Внизу пергамен в двух местах поврежден.

ПРОСТАШТИИМЪ Н ВЪЕЛНІА МНОГОСТЬ:~
РАДОУИ СЯ СВѢТЕНАТА ГЛАВО • СТРѢИМЪ УСТЬНО
НѢ НАЧАЛОСЛОВИТѢ • КРАСОТА ЧРКЪНАТА • ПОТРЕ
БИТЕЛЮ ВРАЖНИ • ДАРОВАНИА БЖІА ТЪЗЪНТЕ •
5 СВѢТЛОСТИ ВСЕЛЕНОУЮ • ОЗАРІА УЖДЕСЫМ •
СТЪЛЪ БЕЛНКЪ • ПРЕБІВЪ НЕПОДЪХИМЪ • ПРИ
ЛОЖЕНІИМЪ МНОГІИХЪ МОУЖЪ • КОПЕИМЪ
КРѢПОСТИ ТВОЕІА • ОУЕИМЪ ЕСИ ЗИНА • ДОБЛЕ
БАВЪ БЕЛЫИ • БОИМЪ НЕПОБѢДИМЪ • ХА МОЛИ
10 ДАРОВАТИ ДШАМЪ НАШИМЪ:~
ОРОУЖИИМЪ ЖИВОНОСНАГО КРЪСТА • НДОЛЪ
СКОТѢ СЪКРОУШЕНОТЕ СЪДЛАВЪ • РАМЪ ПОДЪТА Н
15 СКОУШЕННІЕ • И НА ДРѢВѢ РАСТАЖЕНЪ • ТЪРЗА
НИЕ ПРЕБЛАЖЕНТЕ ПРЕТЪРПѢЛЪ ГѢСИ • ІІМН ЖЕ
СЪКРОУШАТЕМЪ И СВѢШТАМИ ПОПАЛАЕМЪ • НА
КРЪСТѢ ВЪЗНЕСЕ СЯ • Н ОУНЪЗЪТАТЕМЪ СТРЕЛА
МИ • И ОУИМА • ОТЕ НИХЪ ОСЛАБЛЕМЪ • ТѢ
20 МЪ ТА БЛАЖИМЪ ДОБРѢ ПОСТРАДАВЪША • Н
И НЕСЪНЪИХЪ БѢНЪЧЪ ПОЛОУУЪША ФЕОДОРѢ • ТѢ
МЪ ПОМОЛИ СЯ • ДШАМЪ НАШИМЪ ПОДАТИ БЖ
АНІО МНОГОСТЬ:~
Є НА ^ХСТИВЪНЪ • ^УВЕРЪ • ^СГЛА • ^ии

Внизу пергамен в двух местах поврежден.

ЖИТЕЛА СЯ: Законно страшоуши ти • бѣ
набавѣтъ ти ся • въ тьмѣнѣхъ ти затворенѣхъ
подвѣзана • ꙗко подвѣгоположеникъ на подвѣ
гѣ • на врагы преславыне борениѣхъ:—

5 Жрътвоу стоу • чистоу и священоу • ѿ непороуноу •
тебе ради волею сѣ • себе жрътвоу принесеноумѣхъ •
принесе ты самъ съ мѣнѣ Феѡдоре:—

ⲁ

ГЛА ГВРНЛА • дво непороуна • нынѣ възмыше
вышнѣмъ • радуй сѣ мѣхъ ѣдина благословле
10 наѣхъ • радуй сѣ двѣри правдыноѣ сѣмѣхъ ѿмоу
шнѣхъ:— Г҃ѣ • ѿ • въ пешти огньнѣхъ

аврамьскыѣхъ дѣти • перьсѣсти ѿ агоньнѣхъ па
че ли пламенѣмъ опалаемъ възвѣдоху • бла
гословленѣхъ еси въ чркѣхъ славы твоеѣ господѣ •

15 Въ пешти подвѣженнѣхъ сѣ мѣнѣ славыне • ве
шнѣство бешнѣстнѣхъ огнь • поплавеба¹ •
блговѣрнѣхъ поѣхъ бысть • блгѣхъ еси:—

ꙗко воѣвода ꙗко премоудрьникъ • и трезвъ
никъ • дѣломъ • чра безоумна ѿ нечѣстнѣхъ а
20 побѣднѣхъ еси ѿ наѣнѣхъ • некрѣпѣхъ того • оукрѣ
пнѣхъ сѣхъ силѣхъ дховьнохъ:—

Побѣжденѣхъ еси • законъ позвалѣхъ блгнѣмъ
ти •

¹ Пергамен поврежден.

- ТЫ БО СВѢДѢЛЪ БЫСНѢ БАНСТАВНѢ • СВѢДѢ
ФЕОДОРѢ ГѢ СН ПОА • БАГНѢ БѢ ОНѢ •
Б ПрѣвѣшшиѢ ТЫ НЕСНѢХѢ • БИЖІИ СНАЗ • ЁДИНА
ОТЪ БѢКА БЫСТѢ ВЪ НІСТИНѢ • ЗИЖИГОЛА БО НХѢ
5 ПОРОДН • НЕЕЗКАЗАНЬНО БЧЕ ПРѢСТАВІ ВЛУЧЕ
Е ПѢ • Н • РОУЧѢ РАСПРОСТѢРЪ ДАМНА •
ЛЪБОВА ЗИЖАННА ВЪ РОВѢ ЗАТЪУЕ • ОГНЬНОУЮ СМ
ЛОУ ОУГАСИША • ДОБРОУДОУТЕЛНѢ ПОТѢСАВШЕ СѢ •
НХЕ БАГОУБІТНѢ ЛЮБЕВЬНЫЧН • ОУТРОЧН ВЪЗЫ
10 БАГОШЕ • БАГСАВТЕ ВСѢ ДѢЛА ГНА ГѢ
НА ТА НАДѢВЪ СѢ ШЕНЕ РАДН • КРѢСТЬ Н СМЪ
РТѢ ПРЕСТРАДАВШОУМОУ • НА КРѢТѢ ПРИПЪОЖДЕ
НЪ ЕСМЪ ХЕ • Н БОДОМЪ ЕСМЪ СТРАДАМН • Н ЛЮТА
ХЪ ЖЕ МОУКАДѢ • ПРИУАСТН СѢ ГН • ВЪМНІА
15 (Ш)Е СТЕ • СТРАХА БГОМОУДРЕ ФЕОДОРѢ •
1 Принеслаъ ѡсн хърытъѢ жнвѢ себе къ тво
РЧІЮ СН • РАДѢ ФЕОДОРѢ • ВЪШЕВЪ ѡсн
СЛАВНѢ • ВЪ ЧРЕТВО НЕСЕНОЕ • СѢ МЖ
УСННКЫ СЕБНО ВЪПЫІА ВЕСЬГДА • БАГТЕ ВСѢ
20 ТАКО КРНІѢ Н ШНІѢ ОУМНѢ • ВОМАНН СТРА
СТНН ТН • БАГОУХАВШН НЫ • ГОНА БАГАТНѢ
ВЪ ННОУ • СІРАДѢ СТРАСТНІИ МАШЕЦѢ • ВЪЗДВН

¹ Пергамен поврежден.

гнѣи оу ѿ дѣръзновениѣ • ꙗко доули ѿ моудрѣ
мѣнкѣ • хвалашнѣмъ та агоуѣниѣ • сыръ
шениѣа ослабоуи/спроси • отъ страстнѣи же и
скърбнѣи • вса ны нзбавляи •

5 Плытиѣ припи възхотѣвъ • оукраснѣиѣи вса
словѣмъ • въ та възселнѣи са • единому прѣстѣ
нишю възсѣхъ оберѣтъ • и бѣго показавъ истинѣ
ниста дѣо мѣи •

10 ѿ мѣа • тоуѣ • въ • аи • днѣ • сѣо ѿ
ѿ ю • апостолю • марфоломѣа • и барнавы • тро
ѿ гла • г • агла стаѣа молеѣа милостнѣаго •
ѿ сѣ • гла • и • по • прмдрости

Оуднѣю словесъ твоиѣхъ • нзбавиѣвъ • нз гла
ѣныи неразюмѣныиѣа блгоуѣподобьно • ꙗ
15 зыкы приведе бѣ стоѣи въроѣ • ꙗко ѿстокы
водѣ дховѣныиѣхъ • възселеноуѣ възю напоѣ
блгодѣтиѣ • тѣмъ же спсѣми тобою бѣо гласе •
ꙗко же друуга та присна • и сѣа та блажи
мъ • барфоломѣѣ възниѣште ти • грѣховъ

20 ѣстабленнѣ подати •
ѿ нна • гла • а • по • аплѣстнѣи пѣрѣ

ПѢРВѢНЧѢ ВЪСѢХЪ БѢ • СЛОУЖЬСѢ СЯ БЖІИ • БГО
ЗРАУНА УНСТА НЗѢРА • Н ТА ПРИУСТААЪ • АН
ЧѢ СѢ БАРФОЛОМѢЮ ПРЕБААЕНЕ • АПѢСТЫМЪ
ПРОСВѢШЪ СРЧЕ ТИ БЛАГДѢНІЮ:—

5 АТЕЛНІ НА ВЫСОТОУ ВЪШЕАЪ • ГАЗЫКЪ ОГНЕАЪ
ХНОВЕНЪМЪ • ВЕДѢВЪ РАЗДѢЛЕНІЕ ОБОРАТИ СЯ Н
МЪ • ГАКО ХВЪ АПѢ • ПРИШЕСТВІЕМЪ ПАРАКАНГО
ВЪМЪ • ВЪСЕСЛАВЕНЕ • ВЕШЕСТВО БЕУЪСТИНА • Н ОУ
ДОБѢ¹... СТВО ПОПАЛЕВА:—

10 БГОНОСЪ ОУГЛА ОУМЕНЪ • БЖІНА ТЫ ДХА СНАГѢНІЕМЪ •
РАЖДЕЖЕНЪ БЫВЪ ГАВІ СЯ • АБСТЕНОШАТАНІЕ ПО
ПАЛАНА • БАРФОЛОМѢЮ НЗРАШѢНЕ • Н ПРОСВЕЩА
НА ЖЕ СРЧА • ВѢРОЮ ПОГОШѢНІЕМЪ ТА:—

Λ
Б

УНСТАГА РЪЧІ КАКО ДОШІН • КАКО ЖЕ

15 МТИ БЫСТЬ • ДВѢСТВЫНЫМЪ ПЕЧАТЬ
МІ СНАГДОШІН • НЕ ПЫТАНЪ БЕЗДѢЛЪ • НЕ НЕПРНѢ
ТЕНА ЁСТЬЕСТВЪМЪ • НСПЫТАНЪ ЕДИНЪ ВЪСѢ
ХЪ ГЪ ГЪ • НЖЕ ПЛѢТНО РОДНХЪ:—

⊕ ПѢ • Г • НРМОС:—

20 ПРОЧЕВАА ЁСТЬ ПОУСТЫІНІН ГАКО КРН
НЪ ГН • ГАЗЫУНА НЕПЛОДАШѢННА ЧРКЫ ПРИШЕ
СТВІЕМЪ ТИ • ВЪ НЕИЖЕ ОУТВѢРДИ СЯ МОѢ СРЧЕ:—²

¹ Пишется с небольшим расстоянием.

² В нижнем углу пергамен шит.

ѲАКО ДѢЛА НѢСЫНІИ • НІСѢХШѢ ПРІДРЕ • ВЪСЕЛЕ
НОУГО ТИ ВЪСТО • ВРЕДѢШЪ БЕЗБОЖНІА ЗЛА • НА
ПОѢВА СЛАВНЕ БГОВИДѢУЕ:

5 НСТОУНИКЪ НЗІДЕ • СПСНААГО ГИВА • ВАРФОЛО
ИѢ ПРЕМОУДРЕ • И РАСПЛОДѢНЪ ПЛОДЪ ПРИНЕСЕ
НАЗЫКЪ СПСЕННІО ДОСТОСЛАВНЕ:

СИЛОЮ БЛАГОДѢТНОЮ • ИДОЛЬСКОУГО СТАВН • СЪ
ГНОВЕНІЕ УСТЬЕНЕ • ПРЕСЛАВНЫИШЪ ВЪРІ СЛО
ВѢШЪ • СРЧА ОУСЛАДОВАНА УТОУШНИХЪ ТА:
10 Б ЕДИННОУ ДВЧНО ТѢА МГРЪ УБТЕМЪ • ѲАКО СПСЕННІО
ХОДАТАИЧНО • БЫВШѢ НАМЪ НЕПОРОУЕНАА •

И МІРЪ НЗБАВЛАЮШТИ МОЛБѢАМИ СІ.
≤ ПѢ • А • НРМО • ПРИШЕСТВОВА ОТЬ ДВЫ

НЕ ХОДАТАИ НН АНГЛЪ • НЪ ТЫ САМЪ
15 ГЪ • ВЪПЛАТИ СА И СПСЕ ВЪСЕРО МА УЕ
ЛОВѢКА • ТѢМЪ И БЫТИО ТИ • СЛАВА СНАѢ ТВОЕ:

МНЗЪЛОХИ • КРѢСТѢМЪ ГНѢМЪ ОГРА

ХДЪ СА • БѢСНА ШАТАННІА • ВАРФО

¹ ЛОМѢ СЛАВНЕ • ВЪСТО БО ОЗАРЕВА •

20 БГОРАЗОУШЕНЕМЪ ТВАРЬ ВЪСЕСЛАВНЕ:

СВѢТНАѢ МІРѢ • БЖІА СЛАВЫ ЗАРЕНІЕ • ХЪ

ТѢА НАВНАѢ ЁСТЬ • ВАРФОЛОМѢО БГОПРНІАТЬ

¹ Пергамен сшит ниткой.

- НЕ ВЪСЬ БО ТЫ ОЗАРН • БГОРАЗΟΥИМЪМЪ МНРЪ ДО
СТОСЛАВЬНЕ.~
- ВЪЗДЮУШТЕБА • ГАЗЫГЪНАТА МОРА АПЛЕ • ГАКО КО
МЪ НЗТАШГЪНЪ • СЛОВЕСН БЫВЪ ДРЖИГЪ • ВЪРОГО
БО ОСЛАДН • СЛАНАГО БЕЗБОЖНА НСГЪПНЕНИЕ
5
НЧТАЛАТА • ГЕУХИНО СТАРОЕ ПРЕСТОУПЛЕИГЪ • ВЪ
ТА НЕПОРОУБНОУ ПРСТАТА ВЪСЕЛН СА • ВЪСЕГО МА
УЛЪКА • ОБНОВН ПАДЪША ПРЕБЖЪСТВЪННЪ.~
10
ПЪ • В • ХОДАТАН БОУ • Н УЛЪКОМЪ БЫ
СТЪ ХЕ БЕ • ТОБОГО БО ВАКО КЪ СВЪТОУ НАУАЛЪНН
КОУ ОЧНО ТИ • ОДЪ НОШТИ НЕВЪДЪННАТА • ПРЪВЪ
ДЪННЕ ОБРЪГОХОМЪ.~
ГАКО РОСА БОЖНА • ХА МУНКОМЪ ПИНОСАШН • Н
ЧЪЛЕННЪ ВЪ ВЪСЕМЪ МНРЪ БЫСТЪ • Ѡ ВАРФОЛО
15
МЪГЪ ПРЕБЛАЖЕНЕ • Н ЗЕМЛА БЕШГЪСТЪТА • ПРОРО
УСКЪИ РАЗВРАЩЕБА.~
НЕЗЪДАНЪ СВЪТЪ • ЗЪДАНЪИ ВЪ ТВАРЬХЪ • ТА
ВЪШОУ СА ХЖ • ПРАВЪ СЪБЕСЪДОВА • СЪ МНЪ
ПРПДЕНО СНАТАТА АПЛЕ • Н СТАМН ЛОУУАМИ ЕГО
20
ПРОСЪШТАЕМЪ.~
- ПЪРВЪМЪ СВЪТЪ ПРИБЛИЖЪ СА БЫ • СВЪТЪ ВЪ
ТОРЫИ • ТАМН СНАННЪ • СВЪТОЛИТНН ЖЕ О (ЗА)

- рѣмъ • ꙗко вѣдѣчь словесѣ • варфоломѣ прѣ
славыне:~
- 5 ГЛАГОЛѢ ТВОЯ • ПОМѢНАШЕ ТѢА НЫНѢ БЛАЖИМЪ • ТО
БОГО НЕПОРОУЧНА • БЛАЖЕНСТВОУЕМЪ • И ЖИЗНЬ
ГО УСТЬБНОГО • ИСТИННОГО • ОБОГАЩЬШЕ СЯ:~
- 10 ПЪ • 2 • ПРМО • ВЪ БЕЗДНѢ ГРѢХОВЪ
НЕ ОДѢРЖИМЪ • НЕИСКАЖЕНОУ МИЛОСРДІЯ ТВО
ЕГО ПРИЗЫВАЮ БЕЗДНОУ • ОУТѢША БЖЕ МѢА И
ЗВЕДИ:~
- 15 УОУДЕСЬ ДАРОВАНИЕ ПРИИМЪ • ИЩЕЛЕНІЕ ДАРОВА
НЬНО ОБОГАЩЬ СЯ • ВАРФОЛОМѢ ПРЕМОУДРЕ •
НАЗЫУЕНА СТАДА ТЫ ОУЛОВН:~
- ОГНЕНЪ ТИ НАЗЫКЪ ИЗНАШЬНЕ • ВСЕ ЛЫШЕНЬЕ
НАКО СЪНО ПОПАЛН • ВѢРНЫХЪ ЖЕ ПРОСВѢТИ СРЦА •
15 БЖИМЪ ПОБѢДИМЪ:~
- ИСТОУНИКА ПРМДРОСТИ ОУЧЕНИА • ИМЫ СЛАВЬ
НЕ • СЛОВО СЪБЕЗНАЧАЛЬНО • МНРНОУ ОБОУЕВА •
МОУДРОСТЬ БЛАГІАТНО АПЛЕ:~
- 20 НЕСА РАСПРОСТѢРИИ ВОЛЕЮ • НЕО ЗЕМЬНО ДРОУГОЕ
ШРШЕ • ТѢА БГОМѢИ НАВН • ИС ТЕБЕ ВЪСНІАВЪ А
ВН СЯ:~ ПЪ • 3 • ПРМО:~
- БГОПРОТНВНО ВЕЛѢНІЕ • БЕЗАКОННОУГОША •

мѣла вѣсокѣ пламень възнесаѣ естъ . ѿ же
простреть бгѣстнѣамѣ дѣтѣмѣ . хладѣ дѣ
ховьныи . сѧ бл҃г҃сѧнѣ и прославленѣ .
Пребелниѣ тайноу . барфоломѣ бж҃г҃а была
5 штеннѣ . мироу та г҃бѣлаѣ естъ . вѣсѣмѣ не
(вѣ)мѣстнѣмоу . непостыжѣноу . единымѣ же
(вѣ)мѣстнѣмѣ . вѣрнымѣ несѣказанѣно . и вѣ
роуѣмоу же .
ѿако камень прѣстѣ . барфоломѣ прѣсто балаѣ
10 мѣ . оутѣврженнѣ льстѣноѣ . прилѣжѣно разо
ри . стѣи же чрк҃ви . крѣпко ѡсно(ваннѣ) быѣвѣ .
сѣхранѣши ѿ неподѣннѣмоу .
Бж҃е подобнѣ . барфоломѣ . шаротамѣ и дѣ
теламѣ . прѣбл҃жнѣ наг҃исова . тѣмѣ же ѿплѣ
15 стѣ сѣтворенѣ . вѣсѣмѣ проповѣда х҃во прише
ствѣѣ много . вѣспѣтыи оѣмѣ нашіхѣ .
Грѣзна сѣзѣрѣвшѣаго . не дѣлана чнста .
нже прозѣбѣ . на дрѣвѣ ѣгда оузѣрѣ внсѣма .
бынѣашѣ ѣадо сладѣкоѣ . мѣстѣмѣ и скапла
20 и . имѣ же льстѣ пылѣнства ѡгнѣметѣ сѣ .
сѣ . и . Пешѣ ѡгнѣна и нѣгда вѣ
бавнѣомѣ . дѣтелѣи раздѣлаше . бж҃г҃имѣ

ВЪСЛѢНІЕМЪ • ХАЛДѢМЪ ОПАЛАЮЩИ • ВЪРНЫМЪ ЖЕ
ПРОХЛАХАЮЩИ • И ПОЮЩИ • БЛ҃ГОВѢСТЬ ВСЯ ДѢЛА
ГОСПОДНА ГЛА:—

5 ВЕЛИКЪ И МАЛО • МНОГО ЖЕ И ОУМАРЕНО • СП҃СОВО И҆҃
АН҃ГЕЛІЕ • ПРЕМОУДРО МОУЩІАХЪ И҆҃СН • ВЕЛИКЪ И ПРЕ
СЛАВНА • ОУУАШЕ НЫ ГЛА • ВЪСТАѢ НАЗНАМЕ
НАВЪ • БАРОЛОМІЕ АП҃ЛЕ:—

10 ИАКО РЕКА И҆҃ СМѢНА И҆҃ШЬДѢША • ЧРКВЬНАМЪ СЪСТА
ВЛЕНІЕМЪ • ПОИШЕ ПРЕХВАЛЕНІЕ • ПОТОКЪ БО БЖІИ
И҆҃ШТА • ИСПОУСТИАХЪ ЕСИ СВѢТЛО ЗОВЫИ • БЛ҃ГОВѢ
ВСЯ ДѢЛА:—

БЖЕСТВЕННЫИХЪ ДАРОВЪ • ГЛА СВѢТЛЫИИ •
И ВЕЛИКИИИ ИАКО АП҃ЛЪ • БЖЕСТВЕНЪ ОУКРАСИ
СА • ПРЕХОДИТЕ ДОСТОЯНІЕ • БЛ҃ГОНАСЛАДНЕ ВСЕ
15 БЛАЖЕНЕ СЛ҃ШТЕСѢ ВЪ УЛ҃ВЧЕХЪ • ВИДИМОЮ БЛА
ГОДѢТНОЮ:—

ДА КЛ҃АТЪВНОЕ ПЕРВОЕ ПОТРЕБИШЕ • И СМ҃ЕРТН
ОСЖЕНІЕ • ДРЕВЬНАМЪ ПРАБАБЫ • ИЗ ДѢЧА МА
ТЕРЕ БЕЗМОУЖНЫ • СНЕ БЖІИ РОДИ СА • ВЪСТАѢ
20 ДАРОВАВЪ БЕССМ҃ЕРТІЕ НЕВЫБАЮЩЕ:—

Є ПѢ • Ф • БЕЗНАЧААЛНА РОДИТЕЛА • СНѢ
БЪ И ГЪ • ВЫПАШЕ СА ОТЬ ДѢЧЕ³ НАМЪ АБН

1 Так в рукописи.

2 Так в рукописи.

3 Так в рукописи.

ТАКО МОУЖЬ ОУБО СЫН БЛГЬ • Н ОУТЪШЕНИА СНЬ БЫВЪ •
ДША МОТЕА ЗЪЛОБОУ • Н ГРѢХОВНОЕ ЖЕ ДШЕГОУБѢ
ШЕ ОУНЫИИЕ ОУТЪШЕНИ • ДА БЕСЕЛИТА НСПЛАНЬ БЫ
ВЪ • ПОИА ВЪСХВАЮ ТА¹ :—

5 ПРИИМЪ СВѢТА УСТЬНААГО • БЛАЖЕНЕ КРЪШТЕНІЕ •
ОТЪ КОЛѢНА ІІАДОВА СЛАВІНЕ • ХА ВЪСѢМЪ ЧРѢА • О
ТЪ ПРЕСЛАВНААГО РОЖЕСТВА • СВЩЕНИА • Н ЗАКО
НА ПРОПОВѢДѢ ПРЕДЪЛОЖЕНІЕ :—

СВѢТАЛЫІН ТВОИ ПРЕМОУДРЕ ЖИВОТЬ • ПЕРВЫНА БЛА
10 ГОСТИ • Н ЁСТЬСТВНААГО ПРИУАСТІНА ПОКАЗА •
БЛААГО ТА ВЪТОРОЕ • ТАМО СЖИТНИМЪ ОУБЛАЖА
ЕМА БЛАГДѢМІ • СЛАВІНЕ ВАРНАВО • РОЖЕНІЕ БО
ЖЕСТВНААГО ОУТЪШЕНИА • :—

ОТРОКОВИЧЬ БЖЕСТВНЫІН АНКЪ • БЖЕСТВНѢ ВЪ
15 ЖЕНАХЪ ТА • ДОБРОУТО ПЪВАЮТЬ • БЧЕ ВЛАДЧІНЕ •
ДОБРОТАМІ ОУКРАШАЕМА БОЖЕСТВА • ДОБРОТВО
РАШТАГО БО • СЛОВО ПАУЕ СЛОВА РОДІЛА ЕСН :—
≤ ПѢ • Г • ПРОЧВѢЛА ЁСТЬ ПОУСТЫИИ :—

ОБЛАКЪ БОЛНААГО • НАМЪ ДѢЖДЬ НОСА • ІІЗ Н
20 СТОКЪ БЛАГОДѢТІ • ВНАДѢТЬ БѢСТЬ² •

ВАРНАВО СЛАВІНЕ • Н ПОТОКЪ ПІЩІ
НЫІН • РѢКОЮ ПОТОУА :—

¹ Так в рукописи.

² Так в рукописи.

- рѣкѣмъ раздѣлѣньемъ свѣтъмъ • снѣгѣмъ зѣ
рашѣмъ • всесвѣтъмъ ѿ дѣловъмъ • ѡбласть тайнъ
мѣ хвѣмъ • слоужителю ѡтълѣхъ та прехва^{ль} не^е
снѣгѣмъ бѣгѣмъ • крѣста твоѣго вѣдѣмъ • сла
5 вѣмъ дѣла • тебе рѣзѣмъ вѣрою приводитъ •
а вѣ
барнаба и павла бѣгомъ удѣмъ •
ѡмъ са чистотѣмъ • ѡко крѣмъ вѣдѣмъ • въ тѣмъ
вѣснѣмъ • свѣтъмъ дѣства твоѣго •
посредѣ бѣе всесвѣтъмъ^е
10 ^е гѣ • дѣ • пришествѣмъ ѡтъ дѣмъ^е
Послѣдѣмъ • вѣдѣмъ вѣдѣмъ дѣмъ • барна
ба прехва^{ль}не • нѣмъ раздѣмъ еси всес
ѣмъ • ѿ хѣмъ вѣмъ вѣмъ вѣмъ^е
Постѣмъ еси • добродѣтемъ ѿ свѣтъмъ ко
15 нѣмъ • ѿ павла ѡбѣмъ • бѣмъ дѣмъ дѣмъ^е • въ
сѣмъ вѣмъ еста • тайнства глѣмъ
нѣмъ^е
ѡко сѣмъ • прѣмъ мѣмъ конѣмъ • ва
рнаба прехва^{ль}не • лоуѣмъ снѣмъ
20 ѣмъ • павла привода • просвѣмъ словъ
о бѣ
мъ вѣмъ словъ¹ •
сѣмъ • бѣмъ кѣмъ разоръ са • тоѣмъ нѣ

¹ Слово вычеркнуто в рукописи.

пороуѣнаѣ • възвѣштена бо родила еси • слова
присно сѣшѣаго • бл҃гослѣвѣніемъ мѣра вѣнъ
уавѣшааго: ꙗко • еси • нр҃мо:
⌕ ХОДАТАИ БЖ • И УАВКОМЪ БЫ:

5 СТѢНА ЗАКОНА • прѣшѣдъ и дарыи сн҃дѣмъ • ꙗко
зѣмы оубо вѣса • бл҃говѣстоуѣа еси просвѣтила •
б҃гомудръ варнаво • хвотѣ проповѣднѣ:
Крѣпость тѣвѣдоу • старо д҃ха ап҃ле • ꙗвѣ облохн
вѣси • лоукавыи д҃хы нн҃зѣлохнѣ еси • отъ тѣ
10 хъ зѣлодѣѣства • мѣра нн҃зѣавѣвѣ:

бѣшѣааго гла • въ поустыинѣныхъ ꙗзычѣхъ
хъ бы мударе • бж҃ствѣнаго възвѣштѣнѣа •
паѣе постѣженѣа тайны • възвѣштѣа вѣсѣ
мъ • варнаво прѣвѣжѣне:

⌕ Се въ урѣвѣ • бч҃е • прѣстѣаѣ х҃а б҃га • паѣе слова при
15 ꙗла еси • ꙗко же ꙗсѣаѣ пронареѣе • паѣе вѣствѣа
же того • б҃городнѣтельнѣе родила еси:

⌕ Иѣ • ꙗко • въ вѣздыѣ грѣховныѣ одѣрѣ:
вѣснѣавъ мнроу ты х҃е бж҃е • правѣднѣе сѣнѣе •
20 вѣдо • ꙗкоже лоуѣа сѣнѣа • варнава и павѣ
ла же обѣнѣа:

Ис корене сѣкоушѣи бѣистъ сѣкыра • лѣто растѣ

ШГОУЮО ЛЬСТЬ ПОСѢКАЮШТИ • УЖДЕСЯ ПАЧЕ СЛО
БА • ВЕСЕЛАШТИ БАРНАВО СЛАВНЕ •

ЗАКОНИТЕЛЬ БЛАГДТИ • ИАКО ВЕТЪХААГО ЗАВѢТА О
БРАЗН • НА ИАВЛЕНІЕ ИСТИНЫ • ТЫ ПОТВѢРАИА • БА
РНАВО БГОПРНІАТЕНЕ •

5

А
Б

НБО ПРОТАГЫИ ВОЛЕЮ • НБО ЗЕМАЛЬНОЕ ДРОУГОЕ РАСПРО
СТРАНИ • ТА БГОМТИ УСТАИА • И ИС ТЕБЕ ВЪСНІАВЪ
ИАЕН СА: • ПѢ • З • БГОПРОТНВНО ВЕЛЕНЕ •

СТО СТРО ВЪ СТЫИХЪ • ПОУНВАЮШТАГО • БАРНАВА

10

ПРОПОВѢДАЛЪ ЕСИ • СНА ЖЕ СЪБЕЗНАУААЛНА • ОЧЮ
СЪПРЕСТОПОЛОНА ¹ • УАЕКА БЫВЪШААГО НАМЪ
СПСЕНІЕ ТВОРАШТААГО •

ЛОУТА ОБЛНСТАЮШТИ • БЖЕСТВЕННИИ СВѢТЪ

БАРНАВА ВЪСВѢСТЫИИ • И ПАВЛАЪ БОПРН

15

ИАТЕННИИ • ВЪ СВѢТЪ ИЗНДЕ • ПРОСВѢТАЮЩА •
СЛОВЫМЪ БЛАГДТЕННЫИМЪ ИАЗЫКЫ ВСЕ НАСЛЕ
ДЪЕ ХВА ПРОПОВѢДНИКА •

РАДОУЕТЬ СА ДНЬ • ВЪСНІАТАВЫИ ТА • БЛГООУ

ХАНЕНЪ ТЫМЪІАНЪ • ЧВЪТОУШЪ БЛГОДАТЕНЪ •

20

ХЕН ТА ВЪЗДРАСТНВЪ • БГОБЛАЖЕНЕ • ЕРО ЖЕ
ИЗНІАНА НЫНѢШНАГО • ПЛѢСЕННІА ЗБАВН ²
МОЛНТВАМИ СИ •

¹ Так в рукописи. Слог ЛО вычеркнут писцом.

² Так в рукописи.

Б

НАПРАВНЬШН ВЛАУЧЕ • МОЕ ЖИТИЕ • КЪ ТВОЕМЪ
ВЪСЕТНХОУМОУ • ПРИСТАНИШТОУ • НАСТАВН • БГА РО
ЖИШНА • БЛГРЬИХЪ НСТОУМНКА • ВЪСМЪ ПОДАЖ
ШТАДГО ВЪРНЬИМЪ • НЕТАЛФННЕ БЛГОСТЬНОЕ:

5

ПѢ • Н • ПЕШЪ ОГНЬНА НЪГДА:

МОРТЕ ЛЮТОЕ • ВЪЗМОУШТА ТИ КОНА СЯ • НАКО БЛГО
ДТЕЛЪ НАВЕДЕ • ВАРНАБОУ СЛАВНАДГО • Н ПАВЪ
ЛА НЪРАШГНАДГО • ЛЕСТЬ МНОГО БЖЕСТВНОУ
Ю • ОУУМННЪ ХЕ НСТННЬНЫМЪ ПРОГОНАШТА:

10

ПОЛОЖИ НАКО БЪ • ОУТЪШТЕЛЮ ДХЪ • ВСЕ ДТЕЛЪ
НЪ ВЪ ЧРКВН БЖНН • СВЪТНАѢ СНАГОШН • ТВО
Ю СНАОУ ПРОПОВѢДАГОШТА • СНА ЖЕ Н РОДИТЕЛА
ЗОВОУШТА • БЛГСЛВТЕ:

15

ОБАНСТАЛЪ ЕСИ СВЪТЛО • НАКО СЛНЧЕ ВЪ МИРѢ •
КЪ МЫСЛННОУМОУ ПРИЕАНХНЪ СНА ГЛВѢ • СЪ
ЛНЧНО БГОПРННТЪНЕ • ОУСТРОИВЪ ЖЕ СА СВЪТЪ
ЛОСТНЮ • СВЪТЪ ВЪТОРЬИ БЫСТЬ • ВЪСМЪ СЪКА

О

ЗАГА • ТАМНЬСТВА СНАОУ:

Б

20

ДА КЛАТБОУ ПЪРВОУГО ПОГООУНШН • Н СМЪРТНОЕ
ОСАЖЕННЕ • ДРЕВЬНАГА ПРАМГРЕ • СЛОВО БОЖЬЕ РО
ДИ СА • ВЪСМЪ ДАРОУА • БЕСМЪРТЬЕ НЕГЫЕНЖ
ШТЕ(Е)

- хнѣ брата ꙗбѣша са . ѿ быѣша аховноѣ прѣ
 ꙗѣша иже болю ꙗко . ѿгоже свѣтѣлостыи уѣ
 стьно рахыѣ са . оуѣлѣ выдѣлѣ быѣсть . прѣлѣ
 стѣ поплалиѣ . вѣрныѣ же всѣа просвѣтаѣ .
 5 унѣстѣи оуѣеи твоѣи снѣдѣи . тѣмѣ уѣте
 мѣ тѣ ꙗко незаходиоуѣ днѣи . ѿ сѣтѣ
 раѣмѣ пѣмѣтѣ твоѣо стоуѣ . вѣроѣ вынѣше
 ти . хѣи помолѣ са прѣдѣне . даровати всѣленѣ
 10 на стѣхо . вѣр . гла . ѿ . по . радоуѣ са .
 радоуѣ са ѡзареноѣ ѡко . унѣстѣа добродѣ
 телѣи ѿ ѡбѣтѣлѣ . свѣтѣльниѣ въсѣхѣ
 свѣтѣи . свѣтозарѣнаѣ мѣлѣи . уѣстѣ
 наѣо ѿ бѣхѣствѣнаѣо въ ѿстиноу аха . гла сѣ
 словѣсѣ прѣнѣстѣѣѣ проповѣдѣѣи . пѣштѣлѣ
 15 бѣхѣствѣнаѣ . поѣшѣтѣа неѣзареуѣнѣнаѣ . стѣ
 лѣ неподоѣжиѣи . чрѣкѣвноѣ ѡсновѣнѣѣ . ка
 мѣнѣ мноѣгѣнѣи . камѣуѣчѣ нерасѣкомѣ
 ѿ . аплѣмѣ слаѣа . бѣхѣнѣ ѿдо ѿ похѣла . хѣи
 поѣлатѣ ашѣмѣ наѣиѣмѣ полатѣ бѣлѣи ѿ
 20 лѣстѣ : на стѣнѣ . за . гла . ѿ . по . ѡ прѣславѣ :¹

¹ В середине листа имеется продолговатая дырка.

СЛОВА ВЪПЛАШЬШАГО СЯ • ОВРАТѢ Н ОУЧИТЕЛѢ • Н СЕ
ГО БРОВНАДЬЕ • СВѢТЛОСТНО РАХДЕГОМЪ • БЫСТЪ
СВѢТЪ ВЪТОРЫИ • СНАМНИ ПЕРВАГО • СЪОБРАЗОВА
СТА ВСЕУСТЬЕНЪ: ✓

5 ВѢРА ДА ПРОПОВѢДАЕТЪ СЯ РѢДНА • А НЕ ПОКАЗАНА
БЫШЕ ОУМА УДОМЪ • БЖИИ РОДИТЕЛЬНИЧЕ • ТВО
ИМЪ • НЕПОСТЫЖИМАГО БГА СЛОВА РОДНАА ЕСИ • О
БЛАКША СЯ ВЪ УЛБУСТВО: ✓

10 ПѢ • Г. ОУТВѢРЖИ НИ НА УЕМЪ ЖЕ ЗѢ
МАЮ ПОБЕЛѢНІЕМЪ СИ • Н РАСПРОСТРАНИ НЕОДѢР
ЖИМОУТО ТАГОТОУ • НА НЕДЕЖИМЫМЪ ЖЕ КАМЕ
НЕ • ЗАПОВѢДИ ТИ ЧРКВЪ СВОЮ ОУТВѢРДИ • ЕДИНЫ
Н БЛАЖЕ Н УЛБКОЛЮБЬЕ: ✓

15 ВЪЗА СЯ ОУЧЕНИКЪ ЖЕЪ • БЛАГОУЧИТА ПАЧЕ • ВЫСПРѢ
НАГО ВСЕГО БЛАГОВѢСТЕННА СЯ БО БЫША ЕМОУ ДРЖ
ЖИ ЖЕ Н СВОИ • Н СЫМЕМЕНЬНИЧИ • Н СЪОБЪШЪ
НИЧИ • Н ТАИНАМЪ РАВНТЕЛА: ✓

20 ПОУДО БРАТНІА ТВОІА ЛБАЛША ТА • БРАТА БЫВЪ
ША • Н МЫНМАГО РАВЛШОУМОУ СЯ ПЛѢТНО • СЛО
БОУ ПРѢВѢТНОУМОУ • ОТЬ ПРИСНО СВѢТАШТАА
ГО ВЪСНАВЪША • ОТЬ НЕРОЖЕНАГО РОДИТЕЛА •
УМЪРЪТЕНЪ НА ЗЕМЛИ ОУДА СВОА • ВЪСЕЛНАЪ СЯ

СНА БЖНІА • МИРОВН ПРОПОВѢДАЕТЬ СЯ:~
СѢ • ГЛА • А • ПО • СКОРОВАРН •~

ИсХОДИТЬ ДНЬ СЛОВО ГЛАСНО • Н ВЪЗЫНІА • ОУГОТО
БАГТЕ ПОУТЬ НІТОВЫІН ХХ БОУ НАШЕМОУ • ПРИЕЛН
5 ХН БО СНА ЧРСТВЕНЕ НЕСЫНОЕ • СЪТВОРИТЕ ПОКЛОНЕ
НИЕ • ИСТИННААГО ПЛОДА • ПОДВІГНУМЬ СЯ
ОУБО • ТЫТАШЕ СЯ ВЪ ВЪУВЫІН ЖИВОТЪ •
С ННА • ПО • ОУДЕН СЯ НОСНЬ:~

УОУДО СЪВЫШЕ СТРАШНО ПРИЕМЛЕТЬ НІЗЪ • ІАКО
10 ВЪНОУТРЬ ЧРКВЕ • ЗАХАРНІА БОУ СЛОУХА ТАЙНОУ
СЪВЪРШААШЕ • АНГЛАХ КЪ НЕМОУ ГЛАШАГОШТОУ
ГЛААШЕ • РОДНШН СНА ПАУЕ НАДЕЖДА СВОЕІА • МЪ
НОЖН ХЕ ВЪЗ(УРА)ДОУГОТЪ СЯ ОТРОУАТН • РАХДА
ГОШТОУ СЯ О ПРИШЬСТВЕНІ • САМЪ БО СНЧЕ НАСТА
15 БИТЬ АГОДН ГНА:~

ІАКО СЛНЧЕ СВѢТЛО • НШРЕВА¹ ГЕЛНСАВЕФІНА • ВЪ
СНГААЪ ЕСТЬ НАМЪ • ЗАХАРНІНЪ СМЪ • Н ОУЕ РА
ЗАРЪШАЕТЬ НЕГЛАШЕНИЕ • Н ВЪСЪМЪ АГОДЫМЪ
АБРЪЗНОВЕННЕМЪ МНОГЫМЪ • ОУПРАВНТЕ ВЪ
20 ГНА ГНА ПОУТН • НЕО ТЪ ПРИДЕТЬ
КЪ НЕОБРАТАШТИМЪ СЯ • ЕГО ХЕ ПРО
ПОВѢДА ІЮАНЕ • ПОМОЛН СЯ ДА СПСЕТЬ
НАСЪ:~

¹ Так в рукописи.

² Левое поле листа пергамена повреждено.

Ѹ ѿНА . ^АСѢ . ^СГЛА . ^В . ^АПО . СЪБЕЗНАУА:

1 НѢРЕБА ПРРКА . ПОКАЗАВША СѢ БЖІА . ОТЪ НЕ
ПЛОДЪБЕ СВѢТНОЛО ШІРОБИ ПРИШЕДЪШЕ . ГНЕСНЬ
МН ДА ПОХВАЛНМЪ . ХВЪ КРЪСТИТЕЛЪ Н ПОБѢДО
5 НОСНА СТРАСТЫНКА . ПРДТѸЖ ІѸАНА . МОАН
ТЪ БО СѢ ГВН ПОМНЛОВАТИ СѢ ДШАМЪ НАШЕМЪ:

Ѹ ѿНА . ^СГЛА . ^Н . ^АПО . ПОВЕЛѢНОЕ Т:

ЗАХАРІЕВЪ ПЛОДЪ . НЕПЛОДЪЕН ЧВѢТЬЧЬ РОДН СѢ
ДНЕСЬ НАМЪ . ОБЪШТАНИЕМЪ СТЫН ІѸАНЪ ПРѢ
10 ДѢТЕУА ГНЬ . НГРАТѢ ЖЕ ВЪ ЛОЖЕСНѢХЪ МТРЪНН
ХЪ . НАВЛАЕШЬ Н ПРЕЖЕ РОЖЕСТВА . ЗНХИТЕЛА
ВЪСМЪ ПОКАЗА . НЕИЗДРЕУЧИМО БХЪЕ . Н СПСЬ
НОЕ НАВЛЕНІЕ . СЕГО ВЪСН ПОУЧѢМЪ:

РАДОУІ СѢ ОУЕ Н МТН ВЕСЕЛН СѢ . ІАКО ПРРКА НА
15 ЗЕМАН РОДНСТА . ДНЬ НЗЪ ОБЪТОВАНИА НЕПЛО
ДЫ . МАДЕНЬЧЬ ДОИТЬ КРСТА . Н РАДОУЕТЬ
СѢ . РОЖЕСТВЪМЪ ТВОИМЪ НѢРЕН . ГЛА РАЗЫКЪ
МОН РАЗДРЪШН СѢ . ТВОИМЪ ПРИШЕСТВЕНІЕМЪ
НА ЗЕМАН . СВѢТНАѢ ВЕЛНКА СВѢТА . ОЛЕ УОУ

20 ДО ПРЕСЛАВНО:

Ѹ КОН . ^АГЛА . ^СГ . ^АПО . ДВА ДНЕСЬ .

НЕПЛОДЫ ДНЕСЬ . ХВѢ ПРДТѸОУ РАЖАЕТЬ ² .

¹ Так в рукописи.

² В правом углу листа пергамен поврежден.

[illegible]

ПОСТАВЛЕНА КЫ БЫТЪ НЕГО. КЫ БЫТЪ КЫТЪ ПЫКЪША
ОБРАШТАТА КЫ. КЫ БЫТЪ БЫТЪ РАЗОУДАНІА ПЫ
НКОМЪ ТАКЪ ПОДКНГА. БЖІТЪ БЫТЪ ПЫТЪ СТРАСТН
ПОУКЪ РАЗАНЪ МЫНЪ. ДШЖЕ БОУХЪ ПРДАЛЪ
СН. ТАГО ПОЛНЪ БЫТЪ ЖЕ НЕ. ДАРОБАТНА ДЪК
АНЮ ПНАСТІ. НАТЪ БЫТЪ. ЗА. РАА. 2.

В А ОНА БО ПРХВАЛЕНЕ. БАНСТАЮШІТН СЕБЪ ЖЕ
СТААТО ДЪ. БЫКО СНОУТЪ ШЕНІА. НЖЕ ПРЖЕ
ПАКЛА. СЕПАНДЕ СЪГБОУТЕНІА СЛАВЫ БЫТЪ БЫРХА.
НЖЕ ТАКЛА БЫТЪ СЛАВЫ БЫТЪ АНГАНЕ ПРОПОКЕДАДЪ
СТРАНА ДЪ. ТЫЦА. НЖЕ ТАДЪ СЛОВО. ДЪ БЫТЪ
АНІА. СЕБЕ ПРНЪ СЛАВЫ. БЫ ПРНЪ ШЕНІА
СТО. ОУТЕНІА СКО СЛАВЫ. ПОЛНЪ СЛАВНОУ.
А ПЛА СЛАВЫ. КЫ ДНРЪ СПЕДНАША
НАША ПЛА СЛАВЫ.

КАНОНЪ ГЛА В ПЪ А

В ПЛА СЛАВЫ. ПЛА СЛАВЫ. ПЛА СЛАВЫ.
ФЛА СЛАВЫ. ПЛА СЛАВЫ. ПЛА СЛАВЫ.
ПЛА СЛАВЫ. ПЛА СЛАВЫ. ПЛА СЛАВЫ.
ПЛА СЛАВЫ. ПЛА СЛАВЫ. ПЛА СЛАВЫ.

26
СТРАСТІ ТРІНАТЬСКІНІ ТАВНІ КЪ ПОДНІГІ НА
ЛІСТІ ДОБЛЕКААХСЯ ОНІ ОДОРІ. ОГНІ КЪ ШТА
НІНІНІЛІСІА ЗЪІКЪІЛІ. ПОСОЛІАНА КІСІАНА
КІНІНІ КОБЕ СТЕЛОВА ТЪІСТВО. ТЪІЛІНІ СІА НІЛІ
ЛІНІ КЪ ШІНІКААЖІНІ. ПЛІНІ СІА ХЪЖЕОУ. ІАКО ДА
ПЛІО СІНІ КЪ ОУДЕТНА ПЛІА БІДНІ СІА ДІНІНІ
СІА ТІНІ ХОВНІ. ЗАБІТІА ТІА. Н.

БЖІНІ ХЪДІАРОКЪІА КІОТІА ОНІ ПЛІНІТІ. НІТО ГІОА
СІА ДІНІНІ СІА КЪІА ТЪІА. БІСІНІ ОУКАЛІ ПЛІА ВЪРІНІ
Н. НОУКААЖІНІЛІА ДО СІО НІО. ОНІ ОДОРІ ДОБЛА
ТІО НІАНА КІАГОДІНІ СІА. КІСІА НІНІА ПІО ВОРІНІ
КА. ПІОАНА ТІО СІА ХЪЖЕОУ ПЛІА ШІАНАШІ.

КАНОН. ГЛА. Д. ПЪ. А. ПРІЛО.

ДОРАТІА РІАЛІНОУЮ СІУТІНІОУ. НІСІАЛО КІРІНІЛІА
СІО ПІАЛІА. ДРІВІНІНІНІШІ СІЕВІА БІХІНІА. ІАКО
КІСІА О КІА ЗІНІА СІО СІО ВІА ПІАРОУ КІАДІА. А ПІА
ЛІНІ О КІО СІА ОУКІА ПІО СІТІНІНІ ПІО КІА СІА ТІО СІА.

ПІНІ СІА ВІСІА СІЕТІА СІЕТІА ПІО ДОБІА ПІА. ПІА
КІА СІА ПІО ПІО СІО СІНІНІНІ. СІТІНІ СІО СІО ДОБІА
ПІА. ІАКО ДАРОВІТІА СІНІ, БОЖІНІ ОУТІНІ
ТІО ОДОРІ.

ЖИИДЪШОТННЬСА-О-ОДОРН · ОРЖИИЦА
БЪДЫ · БРАГЫБСА ПОГОУЕНИКЪ ПЪКО · ДИСТА
АЕ НЕМЪАТЪАНЫ · НПОБЕДЪТЪБЕЛЪКЪ · СЪДЪА
ТЕННИКЪБЪНЪАНИИЪБЕНЪАТЪБЕЛЪКЪ ·

СБЕТАЛОСНДШАВННХАКЪОБЪКЪ · ТАКЪСЪТЪКЪ
РА · МЪТЪСТНКОЛАДЪЦЮПРЕМОУАРЕ · ПЕРПАЖДО
СТНЮСАОВЕСЪТН · НЕКАТААТЪОГОПОСРЕДАН ·
ОДОРН ·

Б ОРЪТЪТАТНТЪННШЖПРЪСТАНАКЪСАТЪВАРН
НЪСАХЪЗНЖИТЕЛЬМЪ · КЪПАВТНТНСАХЪБ
АН · НСТЕВЪТНСТА · УАКЪАОВААПРОПЪШААА ·
СН · Т · ПРЪСАНТЪКАОВЕБЪ · ЦОКЪТЪКО
НАХЪЗОВЪШТН · ТЫПАНИКЪЕПОСТАГН · НПРЪ
БЪЖИШТЕНОВЪТЪРЖЕНН ·

ТЪАПАТЪННЪАВЪРЪНЪ · НАКОСНАНЪПОБЕДН
ВОСЕВЪА · НСТОПЪТНКААГОУМНА · БЪСА
КЪЗННННЪАДОЖИЛЪСН ·

ПАКОРАДЪАШЕЮ · РАКОУКЪПЪАКАГОТАСТНЪ
МЪСАКЪН · НЕКЪБЪНЪАПОГОВЕН · ТОУЖЕ
ВАНЪННХЪТАСТН ·

УВЪРАДОУМЪСАНО · НАНОШЕННЪАПРЕТЪРПЪ
АЮТННХЪ · ЖНЕОТКОРАШОТНМОУАРОСТН · ПО

ДЛ҃НІ КЪ ТВОИ ГНѢ СТРАДАНИИ СНѢЗЦІ ПРНІАТІ :
СѢ . ГЛА . Д . СКОРИНА ДОЛГОУ
ДЛ҃НОУ ГНАСІ СЕННІ . СТРАСТОТЪ РП҃У СЛАВЕНІИ
ФЕОДОРИ . ПОИШТАІА ТА РАБЫ СВОЕ ХРАНАН .
ТІАКО ИЛАЦА ДАРЪЕЖНІ . ТАКОТЪ РАДѢ СРЖЖІ
НІА И ДЛ҃НІКА . . .

СННА . ГЛА . Д . ПСО . КЛУНЕСІИ
РОННІ СТѢДЛІНІИ ГНѢ МІАТНІ . ПРѢКЪ ТНАА
ТОЦА . И ТНІИ ГНѢ ВОННІ . ПРѢКРАСНІ ТІЕ ІЕІЕ
ФЕОДОРИ . ОРЖЖНІА КОВЕРЫ . ОНІА ТНА ПРѢКЖ
ДРИ . И ПОКЪ ДНІА СЕННІ СЫНІА ТНА ПІ . И ПОТРОКІ
ТЕА ЖЕ ГНАНІА . ТКАЛІА ЖЕ ГННОУ . КЪ РОЮ ОУБЛА
ЖНІА : . ННО . ГЛА . Н . ПСО . ПРНІА РСТ .

РБІИ ЕСТЬ ТКА ПОД КИГЪ ПРНІОСА . КЫШЕ СТЬ КІ
СТРАСТІАМЪ . ОУБЛА ДОСТОИНО ОУБЛА ТНА КЕ . ІА
СТОНО СЕЛМОТО СТРАДІЕ . ТАКО И ТІА СЖЕНЕ БРѢ
БЕЗБОЖНЫИ ГНѢ ПОКРАЕНІИ . САМОГО КЪ МОУКА
НА . СЪКРЕСАНІИ ПРѢДАСА . ТѢЦА . ТЪРНІА ВЪ РА
САЖАНІИ И КЛАШТАНІИ . КОРСТЪ ЖЕ И КЛА
РЪ . ХЕНІА ПРОСЛАВНА . ДОСТОИНО ФЕОДОРЕ . ПЛО
АНІА КТА ТРЕКЪ КОСТАВЛЕНІЕ ПОЛАТНУ ТОНІИ
НІА ЛЮБЪ ВЪЮНА ЦАТЪ ТКОУ .

Е ЖОН ТЛА Б ПО КЫШЛНХН

Д ОУЖЫСТЫЦА ДША. КЪ БЪРЖОКЪ ЛЪ КЪ СЪ СЕИ Н
БЖЕТЫНЫН КРАСТЪ. ОУСТЫШЫНОВЪ СПОННЦЪ
БЛАГОУМЪ КЪ СЕИ. ЛЪТНКОПЪ БЪЛН КЪ СЕИ. ФЕО
ДОРЪ. СЪ АНГЛЪ ХАБАДОЛН. НЕПРСТАНЫН ОУЖ
СЪ ХЪ НАСТ. Н КЪ. ПО. ОУЖА СНИПН.

О УЖА СНИПН. ОУЖА СНИПН. ЛЪТНКОПЪ ХА
БЪРЪ. НТЪ БЪЛН СТРАДАЛЪ. НАДЖА БЛАГО
ДЪТЪ ХАЛАШТОУТА. НАКОДА НАВЕДОУНАТА.
ПЪСНЪ. Н ХАЛАШТОУНАТА. НАКОДА НАВЕДОУНАТА.
ПЪСНЪ. НАКОДА НАВЕДОУНАТА. НАКОДА НАВЕДОУНАТА.
СЛАКАСТЪ ПЪСНЪ. КОК КОДОДОХАНИ. ФЕОДОРЪ. КЪ
СНИАКЪН ПЪСНЪ. НАКОДА НАВЕДОУНАТА. НАКОДА НАВЕДОУНАТА.
НАКОДА НАВЕДОУНАТА. НАКОДА НАВЕДОУНАТА. НАКОДА НАВЕДОУНАТА.

С ТНЪ. НАТНЪ БЪ КЪ. ТЛА. Д. ПО. НАКОДО БЛА БЪЛН ЖЪННЦЪ.

Д ТРАДОТЪ ПЪСНЪ. НАКОДО БЛА БЪЛН ЖЪННЦЪ. НАКОДО БЛА БЪЛН ЖЪННЦЪ.
УН. СЪЛННЦЪ. НАКОДО БЛА БЪЛН ЖЪННЦЪ. НАКОДО БЛА БЪЛН ЖЪННЦЪ.
БЪ БЪРЖОКЪ. НАКОДО БЛА БЪЛН ЖЪННЦЪ. НАКОДО БЛА БЪЛН ЖЪННЦЪ.
НАКОДО БЛА БЪЛН ЖЪННЦЪ. НАКОДО БЛА БЪЛН ЖЪННЦЪ. НАКОДО БЛА БЪЛН ЖЪННЦЪ.
НАКОДО БЛА БЪЛН ЖЪННЦЪ. НАКОДО БЛА БЪЛН ЖЪННЦЪ. НАКОДО БЛА БЪЛН ЖЪННЦЪ.
НАКОДО БЛА БЪЛН ЖЪННЦЪ. НАКОДО БЛА БЪЛН ЖЪННЦЪ. НАКОДО БЛА БЪЛН ЖЪННЦЪ.

ПРОСЯШТНИЦА КИМАННАГОСТЬ:

ПАДОУНСЯ СКИННАГОТЛАКО СТОПЦЕЛЪТЪСТНО
ЕНАТАЛОСЛОВНІЕ КРАСОТА ПРСКІНАТА ПОТРЕ
БНТЕЛЮВРАЖНИ ДАРОКАННАКЖНІАТІЗЪНІ
СКЕТЪЛВСТІКЪСЕЛІЕМОЮ ОЗАРМАТЖДЪСЛН
СТЪЛПЪКЕЛНІС ПРСКІКЪНЕПОДВІЖНІА ПРН
ЛОЖЕННІЦІЛАНОУГІНХЪМОУКЪ ІСОПНІЦА
КРЕПОСТНТЪОКІА ОУБНЛЪСНУЛНІА ДОБЛЕ
КАКЪКЕЛІАН БОННЪНЕПОКЪАНІА ХАЛОАН
ДАРОКАТНАЩАЛЪНАШНЦА:

НОУЖНІЦА ДНЕБНОСНАТОКРЕСТА НДОЛЪ
СКОСЪКРОУШЕНЕНОЕСЪДАЛАВЪ РАНЪПОДЪАН
СКОУШЕННІЕ ННАДРЪКРАСТАЖЕНЪ ТЪРЪА
ННІЕПРЕКЛАЖНІЕПРЕТЪРІПЪЛЪСН НЛНЖІ
СІСКОУШАНЛЪНЪСВЪШТАЛНПОПАЛЪСЛЪ НА
КРЕСТЪБЪНЕССА НОУГЪКЪМІАТЪСТЪЛА
ЛН НОТНІА ОУАННХЪСОУЕЛЪСЛЪ ТЪ
ЛЪТЪБЛАЖНЦА ДОКРЕПОСТРАДАВІНА Н
ННІСНІХЪБЪНІЦЪПОЛОУТЪША СЪОДОРЪ ТЪ
ІЛЪПОМОАНСА ДШАПЪНАШНЦАПОДАТНІА
АНЮПНАГОСТЬ:

НАСТНІКЪНЪ

БЕРЪ

ГЛА

Н

ЖИТЕЛЕН: ЗАКОННОСТРАЖОУШТНТИ БЪ
ЯВЛАЕТИСЯ. КЪТЪМЪННІИ НТИ ЗАТВОРЕНЖ
ПОДЪНЗАЯ. ЯКО ПОДКНГО ПОЛОЖИ НКЪ НА ПОДКН
ГЪ. НАВРАГЪ ПРЭСЛАВЕНІ КОРЕННІА.

ЖБРАТВОУСТОУ. ТНСТОУНСКІЕНОУ. И НЕ ПОРЪТНОУ.
ТЕКЕ РАДНО БОЛЕЮСН. СЕЖЕЖЕ БРЪТВОУ ПРИНЕСЕНУ ДАЖ.
ПРИНЕСЕТИ САМЪ САМАТИТЕ. СЕДОРОЕ.

ГЛІГАВОНІА. ДКО НЕ ПОРЪТНА. НЫНЪ ВЪЗЪМЪШЕ
ВЪПННІА. РАДОУНСАМЪТН ЕДНА ВЛАГОСЛОБЛЕ
НАГА. РАДОУНСАДЪРН ПРАКЪДНО СЛНІЕНОУ
ШТН. ПЪ. З. РЪПЕШТНОУННЪ
АВРАМЪСКИ ДЕТН. ПЕРЪСЪТННА БЪЗКНІА. ПА
ТЕЛН ПЛАЦЕНЪ ПКОПАЛА ЕДНЪ ВЪЗЪКАХОУ. БЛА
ГОСЛОВАЕНЪ СЕНЪ ЦРКВН СЛАВІТКОЕ АГОСПОДІ.

БЪПЕШТН ПОДВІЖЕННІА СЛІТНТЕ СЛАВНІ. ВЪ
ШТЪСЪТКОЕ ШТЪСЪТНІА СЪТН. ПОПАЛЕКА.
БЛГОБЕРНІА ПОСЛАВІТЬ. БЛГНЪ СЕН.

ЯЗОВОНЕ БОДА ПРЭСЛОУДЪРННІКЪ. НТРЕЗВЪ
ННІКЪ. ДЪЛОМЪ. ЦРКВЕЗУМНАН НЕТЪ СЕН.
ПОБЪДНА ЗЕСННАНІА. НЕКРЕПЪКА ТГО. ОУПЕРЪ
ТН ВЪ СЛАСНОУ ДЪХОВНОУ.

ПОБЪЖДЕТЕСЬ. ЗАКОНЪ ПОЗКАЛІВАНТН ЕД
ТН.

ТЫ КСЪ БЪТЪЛЪ МЪ БЪСНЪ КЛНСТАННЦА . ПЛНТЕ
ФЕОДОРЕ . ГЖСНЦА . КАГНЪ БЪТОЦЪ .

ПРЪВЫШЦШНАТЫН БЪСНЦЪ . БЖННЦА . СДННА
ОТЪ БЪКА БЫСТЪ БЪНСТНЦА . УНЖНТЕЛЪ БОНЦЪ
ПОРОДН . НЕСЪ КАЗАНЪ НОКЦЕН ЦЪСТАЯ КЛАТЦЕ .

С ПЪ . Н . **П**РОУЦЕ РАСПРОСТЪРЪДАННАЦЪ .
ЛЪ БОКАУННАННА БЪРЪ БЪАТЪТЕ . ОГНЬНОУЮСН
ЛОУОУТАСНША . ДБРОУДАТЕЛНЮ ПОКАЗЪШЕСА .
НЖЕ БАГОУ БЪТННА ЛЮБЪ БЫННЦН . ОТРОЦН КЪЗЫ
КАЮШТЕ . БАГСАКТЕ КЪСАДЖАЛНАГА .

НАТАНАДЪ БЪСНЦА НЕРАДН . КРЪСТЪНСЦА
РЪПРЕСТРАДА БЪШОУЛОУ . НА КРЪСТЪ ПРНВЪЖДЕ
НЪ БЕСЛАХЪ . НЕДОМЪ БЕСЛА СТРАДААН . НЛЮТА
ХЪ ЖЕ ЛОУКАХЪ . ПРНТАСТНСАГН . БЫННАЯ
НЕСТЕ . СТРАЖА БЪТО ЛОУАРЕ ФЕОДОРЕ .

ПРННЕСА БЕСНЖРЪ БЪЖННЦА СЕКСЕЦЪТКО
ОБНЮСН . РАДЪ ФЕОДОРЕ . БЪШЛА БЕСН
СЛАБЫЕ . КЪРЪСТКО НЪСНОЕ . СЛАЖ
ТЕНН КЪСКЦН НОВЪННА БЪСАДА . БАГТЕ БЪСА

ПА КОТОРНЪНШН ПЪСЪ ОУКАНЪ . КОМАЦН СТРА
ЕТННТН . КАГЛОУ ХАБШННЦА . ГОМАКЛАТНЮ
БЪННОУ . СПРАДЪ СТРАСТНННАШНХЪ . БЪЗДАВН

ЖЕЛѢЗНЫМЪ КЛЮКОМЪ ДШЕГО КЛЮКА :
ЖЕЛѢЗНЫМЪ КЛЮКОМЪ ДШЕГО КЛЮКА :
ТАПРОЗДѢШИНЪ ВЪСЕЛМОГОУШТАГОУ. МЪН
ОКОУХАЮШТАГО. ПОДАЮШТАГО КЪСЪЛАСКОВ
ДЪХАННЪ. КЪПНЮШТНННЪ. ВЪСЪДЪДЪДЪСКО
ННТА :

КАМЕНЬ НЕЖКОСЪ ТИНАТОРЫ. ОТАННЪ КОМЪ
ІАТНАЦА. КРАНОУГЪАЛНЪ ОУБЪСЕТСА. ХЪЛОЖ.
БЪКОУПНЪ. РАСТОАШТИНСАЕТЪКЪ. ТЕМЪ
БЕСЛАШТЕСА. ТАВЦЕВАНІАЦІА

И НА СКАЖЕНЫХЪ СКОРЫ. И СЛАНІАЖЕ ПАК
ТЕННІСЪ. ЯКО ПРѢСВѢТЛЪ. СТРАСТННІСЪ КЪ
ДВА РАТАСА. И СЪ ВЕСЕЛАСЯ ВЪ НЬЦЪ НОСА. ПРИ
СТОИШЕ ВЪ ЛЕЦА ОУДОМ. СЪ СЕДОМЪ.

ПАНЕСАНОУ ПОВЕЛОУ ВЪЗНЪСЪ ОУМАМЪНЪХЪ
 ПЕРОДНЪХЪ И КТО ПОЛОУКОМЪЩЕШЪ СЪ ПЛОДЪ
 СЯГО КТО АТЕНЕ КТО КТО АТЕНЕ КТО АТЕНЕ
 ПОРТИ ПОУВЪЗЪ ПЕСАНО

ЕДИНОТА НЕВИДНИИ СТОКО · ПАТНІО СТРАДАЮ
ДВРЪЩА · ПАТНІК ВАСУДЪ НА РОВЕНЬ · БЕСПЕЧ
СТЕНЕ ТВОЮ ЛУТЕКА · БЕЖЕ СЫНІИ ХЪ КСЕЛА
СА · ВАСИИ ТВОЮ ТИБЕ СПЛОТИНА

И дѣи сѣбѣ гдѣ рече нѣмъ . ꙗко до бѣи нѣ оудѣ
ѣтъ нѣ . хвалѣ шѣи нѣ дѣ тѣ а нѣ бѣ нѣ . сѣ рѣ
шѣи нѣ о сѣ лѣ бѣ нѣ прѣ сѣ . о тѣ сѣ тѣ нѣ жѣи
сѣ кѣ рѣ нѣ . бѣ сѣ нѣ нѣ зѣ а кѣ лѣ нѣ .

П аѣ тѣ нѣ прѣ нѣ вѣ тѣ хѣ тѣ бѣ . оу кѣ рѣ сѣ нѣ кѣ нѣ сѣ
сѣ кѣ тѣ лѣ . бѣ тѣ а кѣ сѣ а нѣ кѣ s . бѣ нѣ нѣ оу прѣ тѣ tѣ
нѣ шѣ оу кѣ sѣ хѣ сѣ рѣ tѣ . нѣ кѣ nѣ оу кѣ a кѣ нѣ tѣ nѣ жѣ
тѣ s тѣ a дѣ o лѣ tѣ nѣ .

И Цѣ Тѣ Гѣ . Вѣ АІ Дѣ Нѣ Сѣ Тѣ

сѣ ю . а нѣ . о сѣ tѣ o лѣ . дѣ лѣ рѣ . о sѣ tѣ . нѣ kѣ rѣ nѣ a bѣ s . тѣ s

сѣ тѣ a . тѣ . а nѣ a s tѣ a nѣ o лѣ nѣ tѣ a kѣ nѣ a dѣ rѣ kѣ a gѣ :

сѣ sѣ . тѣ a . нѣ . nѣ o . nѣ nѣ a s tѣ nѣ

О у а nѣ cѣ sѣ o kѣ s tѣ kѣ o nѣ tѣ . нѣ zѣ a tѣ nѣ s . нѣ zѣ a kѣ
бѣ nѣ nѣ sѣ a zѣ oу nѣ nѣ sѣ nѣ a bѣ a gѣ sѣ nѣ o dѣ bѣ nѣ o . ꙗ
zѣ kѣ nѣ прѣ nѣ dѣ kѣ s tѣ oу kѣ rѣ oу . ꙗ kѣ o nѣ s tѣ o kѣ s
kѣ o dѣ zѣ a xѣ bѣ nѣ nѣ sѣ . бѣ sѣ a sѣ nѣ oу nѣ bѣ sѣ o nѣ a nѣ o nѣ
бѣ a gѣ o dѣ tѣ nѣ . тѣ kѣ sѣ sѣ sѣ nѣ nѣ tѣ o kѣ oу bѣ gѣ o tѣ a sѣ .
ꙗ kѣ o жѣ dѣ rѣ oу tѣ a tѣ a nѣ sѣ nѣ a . нѣ sѣ a tѣ a kѣ lѣ a жѣ nѣ
nѣ tѣ . bѣ a rѣ o sѣ o lѣ sѣ sѣ zѣ nѣ nѣ s tѣ tѣ nѣ . гѣ rѣ xѣ o bѣ
o s tѣ a kѣ sѣ nѣ nѣ o dѣ a tѣ nѣ .

сѣ nѣ a . тѣ a . a . nѣ o . a nѣ a s tѣ nѣ nѣ rѣ kѣ

ПРИБЕНЫШЬ КЪ СХЪ КЪ СЛОВУЖИ БЪ СНИЖИ . КТО
ЗНАЕТЪ НАШЕ ТАНУ КЪ РА . НТА ПОИТЕ ТАИ . АН
И ТЕТЪ КАР . ОЛОПЪ Ю ПО СХВАЛЕНЕ . А ПЛЪ СТЕЛ
ПРОСЪ ПИ ТЪ СРЕТНИ КЪ ТИ ТНЮ :

ДЕТИ ННА БЫ КОТОУ КЪ ШЕДЪ . БАЗЫ КЪ ПЛОТНЕ ДА
УНО БЕНЪ МЪ . БНА БЪ БРАДЪ А ЛЕННЕ БОГАТИ САН
КЪ . ЯКО ХЪ А ПЪ . ПОИШЕ ТЪ КЪ ПЪ ПАРАКАНТО
КЪ ПЪ . БЪ СЕСЛА БЪ . ВЪШЕ ТЪ СВОЕ ТЪ СТИА . НОУ
ДОНА . СТИО ПО ПЛА СКА :

БГОНО СЪ ОУ ТЪ ОУ ДЪ . БЖИ ТЪ ДЪ ХЪ СНА ННИА .
РАЖА ЖЕНА БЫ КЪ БНА СНА . А СЪ ТЪ МОША ТА ННЕО
ПАЛАЯ . КАР . ОЛОПЪ ЮНЪ АШЕ ТЪ . НПРОСКЕЩА
И ЖЕ СРЕЩА . КЕРОЮ ПОЮШЕ ТНИ ТЪ :

УИТА АРЪ ЦНИ КА СДО НАН . КАКО ЖЕ
ПЪ ТН БЫ СЪ . ДЪ СЪ ТЪ КЪ НЕМАН ПЕТАТЪ
ИНСА ЮШЕ ТН . НЕ ПЪ ТАН КЪ ЗАДЪ . С . НЕ НЕ ПРНА
ТЪ НА СЪ ТЪ СЪ КЪ МЪ . НЕ ПЪ ТАНЕ ДНЪ КЪ СЪ
ХЪ КЪ ХЪ . НЖЕ ПЪ ТНЮ РОДНЪ .

€ ПЪ . Г . ПОЛАС :

ПРОЦЪ ЛА СЪ ТЪ ПОУ СЪ ТННІА КОКРН
НЪ ТН . БАЗЫ ТНА НЕ ПЛОА ИШЕ ТНА ПРЪ КЪ ПОНШЕ
СЪ ТЪ СЛА ТН . БЪ НЕ НЖЕ ОУ ТЪ КЪ РА СЛА ПЛОЕ СРЕ :

АКОЕ ЖАКНУСННН . ИЕУТНЖПАДАРЕ . ЖАКО
НОУЮТНВАСЮ . КРЕДЕНБЕЗЕЖИНАУЛА . НА
ПОБАСЛАКНБГОИНАУТЕ .

ИСТОУТННКУННАЕ . СПСНААГОТНВЯ . ВАРФО
НАПРАСТАДОЕ . ИРАСПАДАНЬПАДПРИНСЕА
ИАЗУНСЬСПСЕННЮДОСТОСЛАВНБ .

СНТОГОБАТСАЕТЬНОЮ . ИДОЛСКОУСТАИИ . СЛ
УЖНОЕННЕТЬСТНБ . ПРОСЛАВНННАДПЕРЫСЛА
ВНА . СЦАЛОУСААДБАКАУТЮУЩИННХТА .

ЕДННОУДЖИУТААЛТОУТЬТЕИЛ . ИАКОСПСЕННЮ
ХОДАТАНЦЮ . БЫКБШЖНАИТАННОРОУТНАА
НЛИНРЪНЗБАВААЮШТИЦАОЛБЕАДННАРЕ .

СПЕ . Д . ИРЛО . ИИШЕСТЕОБАСИТАДЖИ
НЕХОДАТАНННАИТА . НЬТЫСАИЛ
ТА . БЫПАУТНСАИСПБЫСГОДАУТА

АДБЫСА . ТЕДЛНБЫПНЮТН . СЛАВАСНАЕТКЕ .

ИИЗЪЛОЖИ . КРЕСТЪКЛТННАЛОТРА
ЖАБСА . БЕСНАШАТАННН . ВАРФО
ЛОМБЕСАКНБ . ВЕСНЕОУАДЖИ .

БГОРАЗУУЩАНБДЛТВАРБЫСААКНБ .

СБЕТНАБДНРЖ . БЖННАСААКНБДРЕННБ . ХТ
ТИАВНЛБЕСТА . ВАРФОЛОКАЮКТОПРИА

№ КСББТЮХАН БТРАЖ ОУДИН: ПЛАННУРА
СТОСЛАВНЕ :-

ВЪЗДРОУШТЕКА. ТАЗЫТНААЛЛОРААЙЛЕ. ТАТКО
НЪЗЫШТЪНЪ. СЛОВЕСИ БЫВЪОЖНИ. ВЪРОЮ
БООСЛАДН. СЛАНАГОБЕЗЪОЖНИАНСПЗАМЕННИ.

И сѣла дѣла · и нужности · а · ро · е · престоупленіе · въ
 ꙗ · не · поро · ты · но · у · пр · ста · в · се · а · н · с · а · · въ · сто · ла ·
 та · ка · · о · б · но · в · н · па · ду · ша · пр · е · ж · ѣ · ст · в · а · н · н · ѣ ·

СПЕ. 5. **Ж**ОДАТАНБОУ. НІЛІКОЦАЪКИ
СТІХЕБІ. ТОКОУ. **К**ОВАКОКЪСВЯТОУНАТАЛНН
КОУОЦІТН. СТІНОШТИНЕСЪДІННІА. ПРІВІ
ДІННЕСОБРЕТОХОУЛЪ.

181 коросабожнѣа · хаштѣакоуапоносаштѣ · н
целѣннѣвѣтѣсѣмѣанрѣбѣстѣ · ѿблрѣо
лѣнѣпрѣбаажѣнѣ · нѣмѣлѣжѣштѣстѣ · проро
тѣсѣсѣрѣхѣвращѣа ·

ИЗЪДАНІЕ БѢТѢ · ИЗЪДАНІЕ КЪ ТВАРЬХЪ · ІА
ВЪШОУСАХЪ · ПРАКЪЗВЕСЕДОУ · СЪННІА
ПРІДЪНОСИТАА ПІА · НІСТАДАНЛОУТАА НЕГО
ПРОСЪШТА ЕДЛА ·

ПРѢКЛАДЪ ТЪ ПРНДАНЖЬСАМЫ. СВѢТЪ БЪ
ТОРЫН. ТЪДЛСНАННН. СВѢТОАНТИНЖЕО.

ВНІМЛІ ІАКОЖЕ ДІСЛОВЕСИ КАР-О-ЛОЖЕ ПРІС-
ЛАВІНІ-

ПЛІТВОЮ ПОДЛНАШТІАНЫІ БЕЛАЖИЛІ ТО
БОЮ НЕ ПОРОТІА БЛЖЕНІСТКОУ ЕЛІА НЖИЗНІ
ЮТІСТЬМОЮ НСТИНОЮ ОБОТАШІТЬШЕСА

С П Ъ . 2 . ПОЛО . **К**АВЕЗДІА НТРЕХОВІ **Н**
НЕ ОДЛРЖИЛІА МЕНІ СЛІДНОУ ЧІАНО СЛІДІА ТКО
СТО ПРНІЗЫКАЮ КЕЗДНОУ ОУТІАЛА БІЖЕЦІА Н
ЗВЕДІА

У ОУДІСЛАДРОЖА НІ ПРНІЛІА НЦІА ЕН НЕ ДАРОКА
НІМО ОБОТАШІТЬСА КАР-О-ЛОЖЕ ПРІСЛОУДІА
ІАЗЫТІА СГІАДАТІА ОУЛОЖІА

О ГНІА НТІА ЗЫКІ НУДІШІТЬСЯ КІСІА ШІТЕНІА
ІАКО СІАНО ПОІАЛІА КІРНОУХІ ЖЕ ПРОСКІТІСІА
БЖІНІА ПОВІДА НІЦІА

И СТОУНІКА ПРІАДОСТНОУ ЧІНІА НІЦІА СЛАКІ
НЕ СЛОВО СІКІЗНАТАЛІА ІАНОУ ОБОУЕКА
ЦА ОУДОСТІА БІАТІА ІА ПІА

И БІАДІА ПРІОСТІА ІНКОЛІА НКОЖЕ ДІАНО ДРОУГО
ІНОШЕ ТІА БІОПІАТІА КІА НІСТЕ КІА СІА КІА
КІА СІА П Ъ . 3 . ПОЛО

БГО ПРНІКІАНО КЕЛІА НІА БЕЗАКОНІАНОУ ЧІНІА

ДАТЛАЖЫСОКЪ ПЛАДА. НЫКЪЗ НЕСЛЪСТЬ. ХЪЖЕ
ПРОСТРЕГЪ КГОТЬ СТИКАЦА ДЕТЬ ПЛЪ. ХЛАДЪ ДА
ХОВЫНЪ. САНБЛЪ САНЪН ПРСОСЛАВЛЕНЪ.

II РЕБЕАНЮТАННОУ. БАРФОЛОМЪЕВЪЖНІАКЪ ПЛЪ
ШТЕННІА. ДАНРОУТАІАКНЛЪСТЬ. БЫСЦЛАНЕ
ЛЪПЪ СТИЦАУ. НЕМОСТЫЖЕНОУ. ЕДНЪ ПЛЪЖЕ
БЫЦЛЪ СТИЦА. БЕРНЫЦЛЪ НЕСЪ САЗАНЬНО. НКЪ
РОУЦЕЛОУЖЕ.

III ИСОСАЦЕНЪ ПРСТЪ. БАРФОЛОМЪЕВЪ ПРТОТОВАЛАЕ
ПЛЪ. ОУТЪКЪРЖЕНЕЛЪСТАНО. ПРІАЖЕЖЕНОУ
РН. СЪЕНЪЖЕ ЦРІКН. ІСРЪПКО ОСНОУАГНІКН. КЪ
СЪХРАНАЕШНІНІ НЕ ПОДЪКНЖИЦАУ.

IV ЖЕНОДОБНІЕ. БАРФОЛОМЪЕ. ШАРОТАПНІ ДА
ТЕАЦАН. ПРКАЖЕНЕА ПНСОКА. ТЪЦЛЪЖЕА ПЛЪ
СТЪ СЪТЪКОРНЪ. БЫСЦЛЪ ПРПОКЪ ДАХЪ КОПРНІШ
СТЪ БЫЛНОГО. БЫСЦЛЪ ТЫНОЦНАШНЪ.

V РЪЗНАСЪЗЪРЪБЫШААГО. НЕДЕЛАНАТИСТА.
НЖЕПРОУТАКЕ. НАДРЪБЕТАОУЗЪРЪКНІНІА.
БЪПНІАШЕТАДОСЛАДЪКОЕ. ПЛЪСТЬЦАНІСКАІАА
Н. НІЛЪЖЕЛЪСТЬЦАНЪ СЪТКАОУТЪНІМЕТЪСА.

ЕПЪ. Н. **III** ПШТЪОУНЪНАННЪТААКЪ
КАВНАС. НК. ДЕТІА ПРАЗДАШЕ. БЖНІНІА

БЛАГЕННЫМЪ ХЛАДЪ ИСОУЛАЮШТИ · ВЕРНЫМЪ ЖЕ
ПРОХЛАЖАЮШТИ · И ЛЮШТИ · БЛАГОВЪ БЫСАДЕЛА
ГОСПОДНАТА ·

БЕЛНЕННАЛО · ПАНОГОЖНОУЛААНО · СПСОБОУ
АНГАНЕ · ПРИПЛОУДРОМАУТНАЗЕСИ · БЕЛНЕНПРЕ
СЛАБНА · ОУТАШТЕНЫТА · БЫСЛАТНАУНАКЕ
НАБЪ · ВАР · ОЛОПЕТАН ·

ИКОРЕКАНСИОНАНШДЪША · ЦРКВНАИАСЪСТА
БЛЕННА · ПОИШПРЕХЛАЛН · ПОТОИСЪБЕЖНА
ПИШТА · ИСПОУСТНАЗЕСИ · БЪТЪЛОЗОБЛИ · БЛГБТИ
БЫСАДЕЛА ·

БЖЕСТВЕННЫХЪ ДАРОВЪ · ИЖЕБЪТЪЛИНЛИ ·
ИВЕЛНКИНЛИ · ИКОПАЕ · БЖЕСТВЕННОУКРАСИ
СА · ПРИХОДНТЪ ДОСТОЯНИЕ · БЛГО НАСЛЕДНИКЕ ·
БЛАЖЕНЕСЖИТЕ · БЪТЪЛЦЕХЪ · ВНАДЛОУБАА
ГОДЪТНЮ ·

ДАКЛАТЪЛНОУПРОВОЮПОТРЕБИШ · ИСЛАЛОТИ
ОСЖЕНН · ДРЕВНАИПРАВАЕ · ИУДЦАЛА
ТВОРЕЗЛОУЖНЫ · СНЕЖНИРОДСА · БЫСЛАТ
ДАРОКАХЪ · БЫСЛАЛОТИ · НЕБЫКАЮШТЕ ·

СПЪ · **Ф** · **Б**ЕЗНАТАЛНАРОДИТА · СНЪ
БЪННЪ · БЫЛАШТЪ · СМОТЪ · ДБЕЦЕ · И · АЛТА · И ·

СА · ОМРАТЕНАІА ПРОСКВѢТНѢ · ИСАБРАТНА
СТОУЕНАІА · ТЕМЬБЫСЕХВАЛЫЖЕИОБАНТАСЛА
СЛОВИСЛОУЖИТЕЛЬБЫСТЕНСАМОКНИЦА · ИПРО
БЕДАТЕА · СЛОБОКІНЪНДЕЖЕСТА · ОУЧЕНИКЪВО
БНДЫЦ · ТЫКОВЪИСТННУЖИТНСТНОДОБИСА · ІА
КОСАКАТОБЪИТА · НЕАУЖЕНОПРЕКАТИН

ІА · КОНЫНЪПРОСТА · ПРЕСТОЛОУБАКЫСКОГО · ИОНЖ
ДНАНАЛОУТАНАКЪСНІАКЛА · СОБА · РАДОКА
ИПРОДОДРЕ · ПЕБЪЦА · СКОУХЪПОСЕТН · ИЗБА
БНОТЪСТАСТН · НЕАДЪРАЗАТЪНЫНЪ ·

С · НЪБЕРОЮБЫТН · СЪПОДОБІЕНЪЖНИ · ОТАСКИ
БНШТА · НАСЛЕДІНІКЪБЫСТА · ОБСАКОДАРАНА
ДЛАНА · СОЛЕДРОК · НЫНЪПРОНДОУШТА · ХА
ПРОСАКАШАГОТА · КТОЖИДЪПОКАЖЕНІЕ ·

ІА · КОУТРАМАОКРЕТСАРАНАКЪНО · ИЖИТННЦА
И · ДЫБЪТАКОЛОУТАНА · ОБ · НЕТАКЪШНТАКА
СТОКЪСАУТЫН · ОУКАМЫПРАВДІНЫН ·

ВЪТЪДНЬКАВЪЛА · ВЪ

С · ПЪ · А · НОЛ · КЪТАУТНН · И · ТА · А · Р ·
С · И · Ж · Е · Н · Л · О · Г · И · В · С · Н · П · С · А · Н · В · П · Е · Р · К · Е · Л · Л · С · А · Н ·

Акоплужоу босын катъ · ноутъ шенна снъ кыкъ ·
аша пласъ азыл коу · нгъ хокыно жд шгъ уба
шгъ оуны нгъ оутъ жени · да бс елнган сцъ лнъ бы
бъ · поакъ с хкамта ·

Приндъ сь етатъ сь на агъ · блажен крштеннъ ·
отъ кслъ нан ж док аслакыне · хакъ кдъ цфа · о
ткъ преслакынаа горожестка · скшченна · нзакъ ·
на проповѣдъ предъ ложени ·

Свѣтъ лынъ кн прѣлоу држнъ котъ · пркына бля
торгъ · нсѣ сть внааго прнъ а стнъ на по кау ·
блгъ ааго та кь торо · та лосжштн цъ оу блжа
і та ба гатъ цлн · слакыне ба рнако · роженъ ко
жсткынааго утешенна ·

Утрокы нцъ жсткыны ланкъ · бжсткы нъ къ
жена хъ та · док оу юнъ каютъ · бжсладъ цн ·
док рота лн оу с · аша алако жстка · док ротко
ла штатого · словъ па тесло вародна есн ·

Пѣ · Г · Прокъ ла естъ поустыни ·

Влакъ воль · нааго · нацъ дъ жалноса · нун
сто · къ блгдъ тн · бндъ нъ кь стъ ·
ка · ба рнако слакыне · нпото · кшпнцъ
нын · рѣко · юпотога ·

Рѣсатцн разантънылан съѣтцнла . снѣмннцѣ
рашн . въсннлн на хокына . областѣ на нн
лѣхъ баца . слоужнтѣмъ оутѣхъ нта црѣхъ бѣ
Снѣмннцѣ бацѣнн . крѣстѣмъ оутѣхъ бѣ . снѣ
къ на нѣмн . текѣмъ цѣмъ крѣмъ оутѣхъ бѣ .
барна банѣмъ крѣмъ оутѣхъ бѣ .

Дѣмъ снѣмннцѣ . ѣко крѣмъ оутѣхъ бѣ . крѣмъ оутѣхъ бѣ .
къ снѣмннцѣ . съѣтѣмъ оутѣхъ бѣ . съѣтѣмъ оутѣхъ бѣ .
посредѣмъ крѣмъ оутѣхъ бѣ .

Спѣ . д . Прншьсѣмъ оутѣхъ бѣ .

Послѣмъ оутѣхъ бѣ . крѣмъ оутѣхъ бѣ . крѣмъ оутѣхъ бѣ .
кнѣмъ оутѣхъ бѣ . кнѣмъ оутѣхъ бѣ . кнѣмъ оутѣхъ бѣ .
кнѣмъ оутѣхъ бѣ . кнѣмъ оутѣхъ бѣ . кнѣмъ оутѣхъ бѣ .

Постннцѣмъ оутѣхъ бѣ . добродѣмъ оутѣхъ бѣ . добродѣмъ оутѣхъ бѣ .
нѣмъ оутѣхъ бѣ . нѣмъ оутѣхъ бѣ . нѣмъ оутѣхъ бѣ .
сѣмъ оутѣхъ бѣ . сѣмъ оутѣхъ бѣ . сѣмъ оутѣхъ бѣ .
нѣмъ оутѣхъ бѣ . нѣмъ оутѣхъ бѣ . нѣмъ оутѣхъ бѣ .

Дѣмъ оутѣхъ бѣ . прѣмъ оутѣхъ бѣ . прѣмъ оутѣхъ бѣ .
лѣмъ оутѣхъ бѣ . лѣмъ оутѣхъ бѣ . лѣмъ оутѣхъ бѣ .
лѣмъ оутѣхъ бѣ . лѣмъ оутѣхъ бѣ . лѣмъ оутѣхъ бѣ .
лѣмъ оутѣхъ бѣ . лѣмъ оутѣхъ бѣ . лѣмъ оутѣхъ бѣ .

Сѣмъ оутѣхъ бѣ . крѣмъ оутѣхъ бѣ . крѣмъ оутѣхъ бѣ .

ТАВ'ШААГО:-- ИЕ . Е . НОБЛ:--

Є ХОДАТАНБЖ НУЛЪКОМЪБЫ:—

БГОСЛАУДЪ КЛАНАКО. ХВОЮПРОСЛАВНЮ:

ХЪЗЪЛОДЕНСТВА. ПАНРАНЪБАВНЪ:-

ПАТТЕРНЖЕННАТАННЫ БҰЗБЕШТАЙЫҒА
ҚАҒ. БАҒНАҚ. ПӘБЕЛЖЕНЕ.

ЖИТОГО · БГОДИТЕЛНИЦЕРОДНАДАН ·

СПЕ. 2. КЪКЪЗДАНЕГО ВЪСВЪНТОДА

ЛАЖИОБАНСТА:-

И скорѣе въкоуште листы кыра . а вътораста

шѣи мѣстѣ нѣстѣ кѣи шѣи тѣждѣи тѣсѣ
 ва. вѣсѣлѣи тѣсѣ кѣи шѣи тѣсѣ
Законѣи тѣсѣ кѣи шѣи тѣсѣ
 кѣи шѣи тѣсѣ кѣи шѣи тѣсѣ
 рѣи шѣи тѣсѣ кѣи шѣи тѣсѣ
Нѣи шѣи тѣсѣ кѣи шѣи тѣсѣ
 рѣи шѣи тѣсѣ кѣи шѣи тѣсѣ
 тѣсѣ кѣи шѣи тѣсѣ кѣи шѣи тѣсѣ
Сѣи шѣи тѣсѣ кѣи шѣи тѣсѣ
 рѣи шѣи тѣсѣ кѣи шѣи тѣсѣ
 тѣсѣ кѣи шѣи тѣсѣ кѣи шѣи тѣсѣ
Дѣи шѣи тѣсѣ кѣи шѣи тѣсѣ
 рѣи шѣи тѣсѣ кѣи шѣи тѣсѣ
 тѣсѣ кѣи шѣи тѣсѣ кѣи шѣи тѣсѣ
Рѣи шѣи тѣсѣ кѣи шѣи тѣсѣ
 тѣсѣ кѣи шѣи тѣсѣ кѣи шѣи тѣсѣ
 тѣсѣ кѣи шѣи тѣсѣ кѣи шѣи тѣсѣ

жниа кратаиа вавшася · нгыкышаа · х · окыно еп ·
 иа · гнлнште · г · олжн · н · о · е · то · ж · е · с · к · е · т · к · л · о · с · т · я · ц · а · н · т ·
 с · т · н · о · р · а · ж · а · т · с · я · о · у · т · а · б · н · д · е · н · т · к · ы · с · т ·ь · п · р · е · л ·
 с · т ·ь · п · о · п · а · л · а · я · к · е · р · н · ы · а · ж · е · к · ы · с · п · р · о · с · к · ы · ш · т · а · я ·
 т · н · с · т · ы · л · а · н · о · у · т · е · н · н · т · в · о · н · л · а · н · с · н · а · н · н · т · е · л · а · т · ы · т · е ·
 л · а · т · ы · а · i · а · к · о · н · e · з · а · х · о · д · н · л · о · у · ю · д · н · л · н · н · ц · ю · н · e · т · ы · к · а ·
 л · а · e · л · ы · п · а · к · а · н · а · т · ы · т · к · о · ю · с · т · о · у · ю · к · е · р · о · ю · к · в · н · ю · ц · e ·
 т · н · х · ы · н · п · o · л · o · a · n · c · a · п · p · a · d · o · u · s · a · d · o · v · o · d · e ·
 с · н · а · с · т · н · х · o · к · e · r · o · г · л · a · e · n · o · p · a · d · o · u · s · a ·
 p · a · d · o · u · s · a · d · o · v · o · d · e · i · c · o · t · n · c · t · a · t · a · d · o · v · o · d · e ·
 т · e · л · н · o · б · и · т · e · л · c · k · e · t · i · л · e · n · n · k · ы · c · e · x ·
 c · k · e · t · a · n · c · k · e · t · o · z · a · r · n · a · я · л · a · l · a · n · n · t · ы · c · i ·
 н · a · t · o · n · e · ж · e · c · t · ы · n · a · r · i · b · n · e · t · n · n · a · y · d · a · г · л · a · c ·
 c · л · o · b · e · c · t · p · i · n · ы · c · t · k · e · p · o · t · a · b · e · d · a · k · ы · n · t · n · c · t · a · t · a ·
 б · ы · c · t · ы · n · a · я · п · o · y · ш · t · a · i · a · n · e · n · z · d · e · y · e · n · n · a · я · c · t ·
 л · ы · n · e · p · o · d · b · i · ж · n · t · ы · n · p · o · k · ы · n · o · e · c · n · o · k · a · n · n · c · a ·
 л · e · n · z · a · n · o · t · ы · e · n · n · ы · n · k · a · l · ы · t · ы · c · n · e · c · t · k · o · l · a ·
 n · a · p · l · o · a · z · c · л · a · k ·a · б · a · ж · n · e · n · z · d · o · n · p · o · x · a · a · х · ы · n ·
 п · o · c · ы · л · a · t · n · d · i · a · l · a · n · a · c · n · n · c · a · t · ы · n · o · d · a · t · n · e · c · a · n · ю · a · n ·
 л · o · c · t ·ь · n · a · c · t · n · e · n · z · g · a · г · l · a · n · o · o · n · e · c · л · a ·k ·

КА ГЛА Е

ПЪ А ЕРМО

КОНАНЬСАДЬНИК
ИЗЛУШАМНЕРА
ДЪНСТРАДЬСЬ
ДЖЕНВЛОУШТА

ДЫКЪЛАРЕТЬРАДНОЕ СЪ
ННДЫШЦЕЮВЪСКОЮ
НУДЪЖЕИСЕПОБЪДНОЮ

УАНВАННИКАНБСНЬНХЪ НОДОПРЕМОУДРЕ ОУ
ТЕННТЕЩОБЪ НОБШТЪННТЕННТЪННАТОЖН
ДКОТА НАУКЪЛМПОДКНГНННЛОКОНСПРАКН
НАПЪННТЕКОПРЕБЛАЖЕНЕ:

ПРННКАЪСПЕКОКОЛОДЪИЛЪ НЕРАЗНЕРАСЪКАЯ О
БНАВЛАТАВЛАДЪНЮ НОПЛАВЪЛАТАНАДНО
ГОПЛОДНОПРННЕСЕ ПРНУДКАЮШГОУДОУПРЕ
БЛАЖЕНЕ:

СЛОВЕЦКАШТЫШАГОСА · ОКОУТНОУТТЕЛЖ · НСЕ
ГОЕТОКНАДЪ · СЕУТЪЛОУТНОУТТЕЛЖ · БЫУТЪ
СЕУТЪКЪТОРЫН · СЕУТЪНННННННННН · СЕУТЪКЪТОРЫН
СТАВЪСЪУТЪСЪУТЪ

Върадѣ прошехъ да не тѣсѣ дѣнна. а не показанѣ
быше оу бѣлахъ домѣхъ. бжнѣ родителнхъ тѣхъ
нхъ. не постыжнѣ даго бѣсѣ слока роднаа еси. о
блѣкѣшасѣ бѣла бѣство.

спѣ. г. Оутѣрженихъ нѣтъ же ху
млю побѣдъ нѣтъ же. И распротраненіе одѣ
жи оу ютаго тоу. И на еднѣхъ нѣтъ же ка
мѣ. И на побѣдѣхъ нѣтъ же какою оутѣржѣн. Еднѣ
нѣтъ же тако какою.

БѢЗАСОУТЕННІКЪ БѢГОЛѢНІАТЕ. ВЪСНѢ
НАГОВѢСОВАНУСТВІА. СНЕБОУША ПЛОУДОЖ
УЖЕНСКОЕ. НСОУПЛАМЕННИЦ. НСОУБЫШЕ
НИЦ. ИТАННАМЪАВНТЕА.

И ѿ доброты твоихъ кааншага · бо таковы
ша · и тѣмъ нѣматого · а къшюу · а оу · а шѣтнѣ · сло
коу · прѣ · въ · тѣ · ноу · а · оу · · отъ · нѣ · не · мо · съ · та · цѣ · та ·
го · въ · снѣ · а · къ · ша · · отъ · нѣ · ро · же · нѣ · а · го · ро · дѣ · та · а ·
у · а · въ · тѣ · нѣ · въ · нѣ · а · зѣ · а · а · ноу · а · дѣ · съ · оу · · въ · снѣ · а · въ · а ·

ЕЩЕ КЪ ЖИВОТОУ БЫ СЪХЪ БИ ПРЕЖДЕ . И ЖИВОНОС
НА ЛОЖНОТО . БЫ СЕБЕ СЕЛЕН . И ПРОПОВѢДАТЕЛ
БЫТЬ . ГЛАЖНОТОУ И АН ПОУШТА .

СТЫ БЫ СЪХЪ МАТЕИСТА . ОКЛАТИ СЯ ПРОБЪЗНАКИ
СЪХЪ . И АН СЯ ПРОБЫШИ . И СЕБЕ СЪХЪ ЖЕ СЯ Б
СНА . И АН ЖЕ СЯ БЫШИ .

СИ . **А** . **Б** ЖЕ НЕ ТРАЗОУ ПЛАКЪ СЪ ПЛОТРЕ
НИ . ДН БАСА ДН КАКОУ ПЛАХЪ . ТРЕПЕТНОУ П
ИШЕ . И СЕБЕ СЯ БЫШИ . СЛЕТНИ КЪ ТЫ . И
И ПРШЛА СЯ .

Б САНКЪ И СЯ ПЛА . И АН СЯ ПЛА . И АН СЯ ПЛА . И
ДОКНА . КЪ АН СЯ ПЛА . И АН СЯ ПЛА . И АН СЯ ПЛА . И
ТЛА СЯ . И АН СЯ ПЛА . И АН СЯ ПЛА . И АН СЯ ПЛА . И

Б АТЪ И СЯ ПЛА . И АН СЯ ПЛА . И АН СЯ ПЛА . И АН СЯ ПЛА . И
И СЯ ПЛА . И АН СЯ ПЛА . И АН СЯ ПЛА . И АН СЯ ПЛА . И
И СЯ ПЛА . И АН СЯ ПЛА . И АН СЯ ПЛА . И АН СЯ ПЛА . И

С И СЯ ПЛА . И АН СЯ ПЛА . И АН СЯ ПЛА . И АН СЯ ПЛА . И
И СЯ ПЛА . И АН СЯ ПЛА . И АН СЯ ПЛА . И АН СЯ ПЛА . И
И СЯ ПЛА . И АН СЯ ПЛА . И АН СЯ ПЛА . И АН СЯ ПЛА . И

И СЯ ПЛА . И АН СЯ ПЛА . И АН СЯ ПЛА . И АН СЯ ПЛА . И
И СЯ ПЛА . И АН СЯ ПЛА . И АН СЯ ПЛА . И АН СЯ ПЛА . И
И СЯ ПЛА . И АН СЯ ПЛА . И АН СЯ ПЛА . И АН СЯ ПЛА . И

15
СНАКЖНІА · ЛНРОБМІ · ПОКЕДАТЬСА ·
С СѢ · ГЛА · Д · ПО · СКОРОКАРН ·
И СХОДНТЬ ДНЬ СЛОВО ГЛА СНО · НЕБЪЗПНІА · ОУГОТО
БАНТЕ ПОУТЬ НСТВО КІН ХЖБОУ НАШЕДОУ · ПОНКАН
ЖНКОСА · ДРСТВЕНЕ НЕСЬНОЕ · СЪТБОРНТЕ ПОКЛОНО
ННН · НСТННІА НАГО ПЛОДА · ПОДВНГНЕМЪ С
ОУКО · ТЪЗНІА НТЕСА ЖЕБЪТННІА ЖНКОТЪ
СННА · ПО · ОУДНКСА НОСНФЪ ·

У ОУДОСЪКЫШЕСТРАШЬНО ПНЕЦАЕТЪ НІА · ЯКО
КЪНОУТРОЦКЕ · ЗАХАРІА · КОУСКОУЖАТАННОУ
СЪВЪРШАШЕ · АНІАЖКЪНЕЛОУГЛАШАЮШТОУ
ГЛАШЕ · РОДНШНСНАПАТЕНАДЕЖДА СКОСА · ДЛ
НОУНЖЕБЪЗ · ДОУЮТЪ СМОТРОУТН · РАЖДА
ЮШТОУ СМОПНШЕСТВНН · САЛЪКОСНІА НАСТА
КНІА ЛЮДННА ·

И КОСЛНЦСЪКЪТЪЛО · НІЦРЕКАНАНСАБЕ · ФННА · ВЪ
СНАЛЪЕСТАНАЛА · ЗАХАРІННІА СНА · НОТЕРА
ЗАРЪШАЕТЪ НЕГЛАШЕМНІ · НВЪБЛА · ЛЮДАЛА
Д · КОЖЕННІА ЛАНОГАЛА · СУПРАЖНТЕКЪ
ПНІА ГНА ПОУТН · НКОТЪ ПРНДЕТЪ
КЪНОСКОРАШТНІА СНА · ЕГОЖНОО
ПОБЪДАНСОЛН · ПОЛОЛНСАДА СІЕТЪ
НАСІ

СННА. ^АСА. ^АГЛА. ^АЕ. ^АПО. СЪКЪЗНАТА:

ИЗЪКАНІА ПОКАЗУЮЩА СЯ КЪМЪ ОУТНІ
ПЛОДЪ БЕСЪТНАГО КЛЮБНО ПОНШДЪШЕ ПІСНЬ
МНДА ПУКАЛНІА. ХЪ КРЪСТІ ТРАПН ПОБЕДО
НОСНА СТРАСТІННІСА. ПІДЪТЪЖІАНА ПІОАН
ТЪ БОСАТЪН ПОПНА БОАТНІСА ДІША МЪН АШНІА:

СННА. ^АГЛА. ^АН. ^АПО. ПОКЕЛНОЕ Т:

ЗАХАРІЕВЪ ПЛОДЪ. НЕ ПЛОДЪ КНЦЪ ТЪЦЕ РОДНІСА
ДНІСНА ДАЪ. ОБЕШТАН ВІНІ МЪСТА НІОА НЪ ПРЕ
ДЪТЪТАТНІ. НУРА ЛАЖЕВЪ ЛОЖІСНЪ ХЪ ТІТРОНІ
ХЪ. НАКЛАДЕНІ ПРЕЖЕ РОЖЕСТВА. УНЖИТЕЛА
БЫ. ПІОА ПОКАЗА. НЕ НЪЗАРЕТЕН ПОБЖЕ. НІСНЪ
НОЕМА КЛЕННІ. СЕГО ВЪСН ПОТЪТАТЪ:

РАДОУНІСА ОУТНІА ТН КЕЛНІСА. НАКО ПРІКАНА
УКАЛНІОА НІСТА. ДНІНЪЗЪ БОЖЕ ТОВА НІА НЕ ПЛО
ДЪ. ПІА ДЕНІА ПІОА ОНІ КРЪСТА. НАДОУТЕ
СА. РОЖЕСТВЪ ДІТВО НІА НІОА. ГЛА ІАУ БІСА
КЛОМЪЗАРЪШНІСА. ТВО НІА ПІОА ШЕСТВІНІА
НАЗІКАЛІА. СВЪТНА ЛЪКІА НІА СЪБЪТА. РАДІА
ДО ПЕСЛАКЪНО:

СКОМ. ^АГЛА. ^АЕ. ^АПО. ДБАДНІА

ИЗЪКАЛІА ДНІА ХЪКАНІА ТЪ ОУРАЖАТІ

*Въ сѣхъ книгахъ пророковъ сего свѣдѣнія о рожденіи
Христовомъ и о рожденіи ономъ. Написано въ Синодальномъ
Православномъ Училищѣ. М. 1870 г.*

*Въ сѣхъ книгахъ пророковъ сего свѣдѣнія о рожденіи
Христовомъ и о рожденіи ономъ. Написано въ Синодальномъ
Православномъ Училищѣ. М. 1870 г.*

ЧАСТЬ II

О СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ С МОДИФИКАЦИОННЫМ ЗНАЧЕНИЕМ ЖЕНСКОСТИ
В БОЛГАРСКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ

Е. Василева, И. Чобанов

В русском и болгарском языках различия в роде существительных со значением лица выражаются несколькими способами. Типичным, но не очень распространенным, является лексический способ, например, в болг. языке: баба — дядо, леля — чичо, брат — сестра; в русском языке: бабушка — дедушка, дядя — тетя и др. Следует отметить, что этот тип лексических корреляций охватывает небольшое количество слов, причем ограничивается в рамках семантического поля родственных отношений. Чрезвычайно большой и все еще развивающийся и пополняющийся новыми словами является группа словообразовательных корреляций, напр.: болг. учител — учителка, студент — студентка, адвокат — адвокатка, агроном — агрономка и др.; русск. ученик — ученица, отличник — отличница, колхозник — колхозница и др. Как в русском, так и в болгарском языках существует несколько родовых корреляций, образованных путем прибавления флексии женского рода -а: супруг — супруга /супруг — супруга/, кум — кума. В этих именах существительных носителем деривационного значения "жена лица, названного мотивирующим словом" является не словообразовательный суффикс, а флексия. В эту группу можем включить и болгарские слова дебелин — дебелина, готован — готована, мързелан — мързелана, а также русскую пару слов раб — раба. Вместе с тем мы должны оговорить, что эти слова не обладают модификационным значением женскости.

По словам И.П. Мучника, в русском языке "словообразовательные родовые корреляции в зависимости от лексических значений существительных могут быть объединены в три группы: 1/ родовые корреляции существительных со значением лица, характеризующегося по национальной принадлежности или по месту жительства: немец — немка, англичанин — англичанка, москвич — моск-

вичка; 2/ родовые корреляции существительных со значением лица, характеризующего по тем или иным психологическим или физическим признакам: озорник — озорница, красавец — красавица и т.п.; 3/ родовые корреляции существительных со значением лица, характеризующего по профессии, специальности, тому или иному виду деятельности: ткач — ткачиха, летчик — летчица и т.п." ¹ Подобные же группы выделяются и в болгарском языке.

Объектом нашего внимания являются существительные со значением лица третьей группы.

Все названия лиц женского пола образованы от соответствующих существительных мужского пола. Модификационное значение женскости передается с помощью суффиксов /революционер — революционерка, мастер — мастерица и т.п./. В зависимости от способа образования женских суффиксальных коррелятов можно обособить следующие три группы: а/ Суффикс с модификационным значением женскости прибавляется к бессуффиксному существительному мужского рода: болг. атлет — атлетка, слуга — слугиня, даскал — даскалица и др.; русск. граф — графиня, счетовод — счетоводка и др. б/ Суффикс с модификационным значением женскости прибавляется к имени существительному мужского рода, образованному с помощью суффикса: болг. кравар — краварка, оператор — операторка, продавач — продавачка, служител — служителка, физик — физичка и др.; русск. учитель — учительница, артист — артистка, студент — студентка, теннисист — теннисистка и др. в/ Суффикс с модификационным значением женскости прибавляется к мотивирующей основе существительного мужского рода. Родовые корреляции являются равномотивированными, например: вдов — ^{вд-ц}_{-иц-а}; болг. хитрец — хитруша, хубавец — хубавица, старец — старица, элосторник — элосторница и т.п.; русск. болгарин — болгарка, закупщик — закупщица, закройщик — закройщица, певец — певица и т.п.

Но вместе с упомянутыми именами существительными сущест-

вует ряд существительных мужского рода, не имеющих словообразовательных параллелей женского рода. В этих случаях форма мужского рода употребляется в одинаковой степени и по отношению к мужчине, и по отношению к женщине.

Как отмечает В.В. Виноградов, "хотя в названиях лиц различие грамматического рода чаще всего основано на различиях в поле /т.е. на реальной отнесенности форм слова к свойствам существа/, однако здесь наблюдаются своеобразные оттенки родовых различий, отражающие грамматический строй и социальное мировоззрение предшествующих эпох. Целый ряд слов, которыми обозначаются лица по званию, должности, профессии, сохраняют форму мужского рода и в тех случаях, когда соответствующие обозначения применяются к женщинам"².

Явление маскулинизации в наименованиях женского пола по профессии, занимаемой должности, общественному положению имеет место как в русском, так и в болгарском языках, хотя и не в одинаковой степени. В словообразовательных корреляциях форма мужского рода является немаркированным компонентом, который отличается своей нейтральностью. И.П. Мучник пишет, что "немаркированная форма представляет собой отвлеченное название лица по профессии, полностью абстрагированное от конкретной индивидуальности конкретного лица"³. Неспособность некоторых существительных со значением лица мужского пола вступать в словообразовательные корреляции объясняется семантическими, морфонологическими, стилистическими причинами. В таких случаях в русском языке, "поскольку же потребности коммуникации настойчиво диктовали необходимость параллельных обозначений лиц разного пола, речевая практика прибегла к средствам другого яруса языковой системы, к синтаксису"⁴.

Характерной особенностью русского языка современной эпохи является способ аналитического выражения рода у многих существительных. По словам Л.К. Граудиной, "в строгом стиле письменной речи, в деловых документах, публицистике, научной прозе, отчасти и в разговорной речи развивается тенденция к использо-

ванию существительных мужского рода для названия женщин"⁵.

Для болгарской речевой практики, в отличие от русского языка, характерно широкое употребление соответствующих слово-образовательных корреляций женского рода для названия женщин по профессии, роду деятельности, занимаемой должности, общественному положению. Общеизвестным является утверждение, что в болгарском языке существует реальная возможность образовать с помощью суффикса -ка или какого-нибудь другого суффикса соответствующие имена для названия лиц-женщин почти от всех существительных имен для названия лиц-мужчин⁶.

Ввиду немаркированности мужского рода, существительные нарицательные мужского рода вполне нормально используются и для названия женщин, хотя в духе народного языка и согласно указаниям нормативной грамматики надо предпочитать специально образованные имена существительные женского рода⁷.

Явление маскулинизации, наблюдающееся в публицистическом и профессионально-деловом стиле, осуждается болгарскими лингвистами, которые единодушно утверждают, что следует сохранить установившуюся традицию в болгарском языке использовать имена существительные женского рода⁸.

По словам Л. Андрейчина, "женщину надо уважать как таковую во всех случаях — и на производстве, и в культурной жизни, и в быту, и в языковой практике, созданной давно нашим народом"⁹.

Ввиду того, что в болгарском языке рекомендуется форма женского рода для названия женщин по роду деятельности, профессии, общественному положению и т.п., а в русском языке в аналогичных случаях нормативная грамматика требует употребления соответствующих мужских коррелятов, в речи болгар, изучающих русский язык, наблюдается интерференция родного языка. Эта интерференция сказывается в стремлении сохранить синтетический способ передачи модификационного значения женскости. Вот почему на практических занятиях русского языка со студентами-ру-

системами следует уделять особое внимание словам типа: врач, директор, филолог и т.п.

Свои наблюдения мы проводим на материале анкет, проведенных на III курсе отделения русского языка и литературы Пловдивского университета имени Паисия Хилендарского в группах в 25 человек. Студентам было предложено перевести с болгарского языка на русский предложения, в которых встречаются слова, называющие лиц женского пола по профессии, занимаемой должности и т.п. Список слов был составлен путем сопоставления перечня имен существительных, употребляемых в нормативной речи только в мужском роде, данного в пособии "Грамматическая правильность русской речи"¹⁰ и соответствующих слов в болгарском языке. В словарях болгарского языка¹¹ наряду со словами, называющими лиц мужского пола, приводятся и их женские словообразовательные корреляции. Ниже дается выборочный список из 80 слов в болгарском языке: абитуриентка, авиаторка, агрономка, авторка, администраторка, археоложка, аспирантка, балетмайсторка, библиографка, библиотекарка, биоложка, брьснарка, декламаторка, деловодителька, декораторка, диабетичка, диетичка, директорка, докторка, доцентка, электротехничка, экзаминаторка, экскурзоводка, животновъдка, зоотехничка, играчка, инициаторка, инкасаторка, инструкторка, инспекторка, информаторка, кондукторка, композиторка, коментаторка, кооператорка, кореспондентка, критичка, лаборантка, лауреатка, литературка, лекторка, милиционерка, моделиерка, операторка, ораторка, организаторка, орденоноска, ординаторка, офицерка, педагожка, пешеходка, полевъдка, пилотка, пролетарка, продавачка, проектантка, прозаичка, рационализаторка, ревизорка, регистраторка, редакторка, рецензентка, романтичка, сангвиничка, секретарка, суфльорка, фармаколожка, фелдшерка, физичка, фотография, химичка, шлосерка, юбильарка, юристка.

Обращает на себя внимание тот факт, что в большей части случаев /42/ анкетируемые нами студенты в переводе на русский язык соблюдают регламентируемую в русских нормативных пособиях и справочниках маскулинизацию в наименованиях /52,5 %/. Из

всех восьмидесяти слов в тринадцати примерах использован только мужской род /библиограф, биолог, диктатор, доцент, зоотехник, игрок, инкассатор, инструктор, оператор, классик, комиссар, экзаменатор, электротехник/. Например:

Вера е <u>биоложка</u> по образование.	-- Вера <u>биолог</u> по образованию.
За храната питайте <u>зоотехниката</u> .	-- О корме спросите <u>зоотехника</u> .
<u>Инструкторката</u> ни събра за първо занятие.	-- <u>Инструктор</u> собрала нас для первого занятия.
К къщи Тания е страшна <u>диктаторка</u> .	-- Дома Тания страшный <u>диктатор</u> .
За учудване на всички тя стана <u>електротехника</u> на заводе.	-- К всеобщему удивлению, она стала <u>электротехником</u> на заводе.

В остальных тридцати восьми анкетах этой же группы лишь в одном-двух случаях встречаются женские словообразовательные корреляции /авиатор — ⁺авиаторка, летчица; автор — ⁺авторка; археолог — ⁺археоложка; балетмейстер — ⁺балетмейстерша; директор — директорша; врач — врачаха; инспектор — инспекторша и др.; /знаком ⁺ обозначаются незафиксированные в словарях современного русского литературного языка слова/.

В восемнадцати анкетах /22,5 %/ наблюдается колебание в выборе соответствующего русского слова. Одна половина анкетруемых отдает предпочтение мужским соответствиям болгарских слов, а другая половина употребляет какое-нибудь женское соответствие: агроном /10/ — ⁺агрономка /10/ -- агрономша /5/; информатор /12/ — ⁺информаторка /12/ — женщина-информатор /1/; секретарь /11/ — секретарша /13/ — ⁺секретарка /1/; критик /11/ — ⁺критичка /13/ — женщина-критик /1/; экскурсовод /13/ — экскурсоводка /12/. Например:

Ние бяхме на гости на нашата <u>агрономка</u> .	-- Мы были в гостях у нашего <u>агронома</u> .

Мы были в гостях у нашей агрономки.

Мы были в гостях у нашей агрономши.

<u>Экскурзоводката</u> умело водеше <u>беседата</u> .	-- <u>Экскурсовод</u> умело вела беседу.

Экскурсоводка умело вела беседу.

Дайте молбата на секретарката. -- Отдайте заявление секретарше.
 Отдайте заявление секретарю.
 Отдайте заявление секретарке.
Орденоноската изпълни пред- -- Орденоносец изпълнила досроч-
 срочно насрещния план. но встречный план.
Орденоноска изпълнила досроч-
 но встречный план.

При переводе двадцати слов /25 %/ студенты используют жен-
 ские соответствия болгарских лексем: библиотекарша /21/ — би-
 блиотекаръ /3/ — +библиотекарка /1/; кассирша /23/ — кассир
 /2/; кондукторша /25/; продавщица /25/; регистраторша /25/;
 кореспондентка /20/ — +кореспондентша /2/ — кореспондент
 /3/; модельер /2/ — +модельерша /10/ — женщина-модельер /3/;
 +проектантка /20/ — женщина-проектант /2/ — проектант /3/.
 Например:

В това ателие работи талантлив -- В этом ателье работает та-
 ва моделиерка. лантливая модельерка.

В этом ателье работает та-
 лантливая модельерша.

В этом ателье работает та-
 лантливая женщина-модельер.

В этом ателье работает та-
 лантливая модельер.

Касиерката оформи командиров- -- Кассирша оформила командиро-
 ката. вочное.

Кассир оформила командировоч-
 ное.

Библиотекарката ни показа но- -- Библиотекарша показала нам
 вите книги. новые книги.

Библиотекаръ показала нам
 новые книги.

Библиотекарка показала нам
 новые книги.

Среди женских словообразовательных коррелятов, использо-
 ванных студентами в переводе на русский язык, значительная
 часть /38/ не зафиксирована словарями современного русского
 литературного языка¹². Эти корреляты употреблены окказиально,

т.е. носители болгарского языка под влиянием родного языка хотели подчеркнуть пол. Они образованы по трем словообразовательным моделям, типичным для русского словопроизводства:

а/ Слова, образованные с помощью -к-: авторка, авиаторка, администраторка, археоложка, декораторка, диабетичка, инициаторка, критичка, литераторка, моделиерка, организаторка, офицерка, лауреатка, педагожка, пешеходка, проектантка, прозаичка, рационализаторка, ревизорка, секретарка, суфльорка, фармаколожка, фелдшерка, фотографка, юристка.

Большая частотность употребления слова на -ка- в речи студентов-русистов объясняется широким распространением слов с этим же суффиксом в болгарском языке. Ошибочное употребление свидетельствует о том, что студентам не известно, в каких случаях допустимо образование существительных женского рода с суффиксом -к- в русском языке в отличие от болгарского.

б/ Слова, образованные с помощью суффикса -ш-: балетмейстерша, деклараторша, информаторша, фельдшерша, корреспондентша, пролетарша, агрономша, суфлерша, ревизорша.

в/ Слова, образованные с помощью суффикса -иц-: делопроизводительница, деловодчица, шлосерница, фельдшерница.

В последних двух группах замечается в некоторых случаях не только неправильное употребление суффиксов -ш- и -иц-, но и незнание соответствующих слов мужского рода /деловодительница, шлосерница/.

В тридцати шести случаях отдается предпочтение словам, употребляемым преимущественно в разговорно-бытовой речи. Как утверждает А.А. Дементьев, "будучи менее стеснена рамками литературных норм, разговорно-бытовая речь почти всегда находит ту или иную форму для женского соответствия"¹³. Все эти 36 слов зафиксированы словарями современного русского литературного языка: директорша /БУОМ/, докторша /БУОМ/, врачиха /М/, животноводка /БМ/, инициаторша /БУОМ/, инспекторша /БУ/, касирша /БУОМ/, командирша /БУОМ/, кондукторша /БУ/, композитор-

ша /БУ/, комментаторша /О/, лаборантка /БУОМ/, лекторша /БУМ/, литераторша /БУМ/, милиционерка /У/, милиционерша /БМ/, модельерша /БМ/, ораторша /БУ/, организаторша /У/, орденоноска /БУМ/, офицерша /БУ/, парикмахерша /БУОМ/, пролетарка /БУОМ/, продавщица /БУОМ/, регистраторша /БУМ/, редакторша /Б/, полеводка /Б/, романтичка /Б/, сангвиничка /БУОМ/, секретарша /БУОМ/, слесарша /БУ/, физичка /БУ/, химичка /БУ/, экскурсоводка /Б/, юбилярка /У/, пилотка /БУОМ/.

Двадцать одно из этих слов образовано с помощью суффикса -ш- /58,3 %/, тринадцать с помощью суффикса -к- /36,1 %/, одно с помощью суффикса -иц- /2,8 %/. Как видно, наиболее распространенными являются слова, образованные с помощью суффикса -ш-, имеющего два деривационных значения: 1/ модификационное значение лица женского пола и 2/ значение "жена лица"¹⁴. Многозначность суффикса -ш- привела к неправильному употреблению слов офицерша — 'жена офицера' и командирша — '1. Жена командира; 2. Женщина, любящая распоряжаться, приказывать /разг./' /0/ при переводе болгарских слов офицерка и командирка.

Кроме образований с вышеупомянутыми суффиксами удачно использованы составные наименования типа: женщина-суфлер, женщина-фотограф, женщина-лектор и др. Преимущество этих наименований в том, что соединение слов осуществляется свободно.

Проведенное исследование показывает, что словам с деривационным значением лица женского пола надо уделять специальное внимание в обучении будущих специалистов русскому языку. Во избежание ошибочного употребления или неправильного образования слов с модификационным значением женскости в русском литературном языке необходимо отрабатывать значение суффиксов -к-, -ш-, -иц-, -их- на большом лексическом материале. Особое внимание нужно обращать на слова женского рода, которые по форме напоминают слова с модификационным значением женскости, например: пилотка — 'летний форменный головной убор у военных, первонач. у пилотов' /0/.

Имея в виду близость болгарского и русского языков в области словообразования, следует в первую очередь учить студентов нормированной русской речи и лишь потом давать им разговорно-бытовые варианты.

Примечания

1. И.П. Мучник. Грамматические категории глагола и имени в современном русском литературном языке. М., 1971, с. 213.
2. В.В. Виноградов. Русский язык. М., 1972, с. 62.
3. И.П. Мучник. Ук. соч., с. 220.
4. И.П. Мучник. Ук. соч., с. 222.
5. Л.К. Граудина, В.А. Ицкович, Л.П. Катлинская. Грамматическая правильность русской речи. Опыт частотно-стилистического словаря вариантов. М., 1975, с. 103.
6. Р. Русинов. Традиция, съвременно състояние и мода при назоваване или титулуване на жените в българския език. — В кн.: Проблеми на българската книжовна реч. С., 1974, с. 64.
7. П. Пашов. Морфологичната категория род в българския книжовен език. — В сб.: Българстични изследвания. Първи българо-скандинавски симпозиум. С., 1981, с. 102.
8. Л. Андрейчин. Защо продължаваме да назоваваме и титулуваме жените с форма за мъжки род? — БЕ, 1974, № 5, с. 440-441; Р. Русинов. Ук. соч., с. 77; Кювлиева В. Клоун — клоунеса. — БЕ, 1974, № 1, с. 68-69; Д. Чизмаров. Стилистични особености на съществителното име в българския книжовен език. С., 1978, с. 32-37.
9. Л. Андрейчин. Ук. соч., с. 441.
10. Л.К. Граудина, В.А. Ицкович, Л.П. Катлинская. Ук. соч.
11. Речник на съвременния български книжовен език. С., 1955—1959, т. I — III; Български тълковен речник. С., 1955; Ст. Младенов. Етимологичен и правописен речник на българския книжовен език. С., 1941.
12. Словарь современного русского литературного языка АН СССР в 17 томах. М.—Л., 1948—1964 /Б/; Толковый словарь русского языка под ред. проф. Д.Н. Ушакова в 4 томах. М., 1935—1940 /У/; Словарь русского языка АН СССР в 4 томах. М., 1957—1961 /М/; С.И. Ожегов. Словарь русского языка. М., 1960 /О/.
13. А.А. Дементьев. О женских соответствиях к мужским в наименованиях действующих лиц. — РЯШ, № 6, с. 12.
14. Грамматика современного русского литературного языка. М., 1970, с. 123.

КУЛЬТУРА ВОПРОСОВ НА УРОКАХ РУССКОГО ЯЗЫКА В
В ВОСЬМИЛЕТКЕ В ВЕНГРИИ

М. Варро

С третьей четверти XIX века и до наших дней вопрос является предметом научных исследований.

Здесь мы не будем касаться истории вопроса и результатов исследований западных, немецких и советских психологических школ. При изучении культуры вопроса мы пользовались работами Ф. Ленарда¹ и Ф. Надя², которые с разных точек зрения пытались осветить проблематику теории вопроса.

Вопрос как явление тесно связан с повседневной жизнью и сопровождает нас с детства: достаточно вспомнить о детях -- и особенно их разных жизненных периодах, когда они постоянными вопросами мучают взрослых -- напр., на каждом шагу задают "почему?" и у нас не хватает знаний и сил удовлетворить их любопытство. /Любопытство, между прочим, в школьном возрасте постепенно исчезает у детей./ Спрашиваем и мы, взрослые: задаем себе вопросы разного характера, спрашиваем друг друга -- или из любопытства, или с целью получения информации. Как известно, работают государственные справочные бюро, бюро информации в разных местах, где можно получить ответы на наши вопросы. По телевизору, по радио часто организуются разные викторины по разным темам и вопросам под названием "Кто что знает?", "Кто сегодня выиграет?", а в Советском Союзе "Где? Что? Когда?". Вопросы играют важную роль в разных профессиях, напр., в работе криминалистов, врачей, психологов, но писателей тоже волнуют некоторые вопросы, на которые они пытаются ответить в своих произведениях. Вопрос стимулирует и развитие разных наук.

Вопрос и постановка вопроса касается и теории и практики педагогики /это альфа и омега педагогики/. На уроках, в школе тоже естественны вопросы, хотя положение другое, чем в жизни. Почему? В жизни спрашивает тот, кто чего-то не знает, а в школе преподаватель спрашивает того, кто не всегда знает. Эта ситуа-

ция скрывает в себе интересные моменты вопроса, на которые попытаемся ответить.

Вопрос, следовательно, неразрывно связан с процессом обучения и воспитания, и нельзя было бы в отрыве от обучения изучать его проблематику. Но мы должны в основном познакомиться с точной характеристикой вопроса, чтобы больше понять их типы, функции и место на уроке. Вопросы дают нам ценную информацию об учебном материале, о приобретении знаний и навыков учащихся, об отношении учителя -- ученика, об учениках и т.д. Перед нами стоит задача собрать больше практического материала для изучения проблематики вопроса.

В научных исследованиях эта тема связана в большинстве случаев с естественно-научными предметами, и только в последнее время появились публикации, где подчеркивается значение вопроса и в гуманитарных дисциплинах. Общехарактерно, что в специальной литературе больше внимания уделяется изучению культуры вопроса у учителей, чем у учеников. Что касается вопросов на уроках русского языка, в изученной нами методической литературе мы почти не нашли подходящего материала для этой статьи. Науки -- дидактика и педагогика -- занимаются вопросом как методом говорения, и установлено, что вопрос безусловно полезен для процесса обучения и играет большую роль в развитии личности школьников.

В методике, конечно, вопрос понимается и изучается шире, чем в вышеупомянутых науках. Вопросы, которые ставятся на уроке русского языка, определяются разными факторами, напр.: особенностями самого предмета, типом урока, возрастом учеников, их знаниями, подготовленностью преподавателя, поэтому бывают разные вопросы и связанные с ними методы.

Почему мы выбрали восьмилетку для исследования вопроса как явления? В восьмилетке ученики впервые встречаются с русским языком, здесь формируется основа для накопления дальнейших знаний. Очень важно, чтобы эта основа была прочной: поэтому в восьмилетке учитель должен с самого начала целеустремленно приучать учеников к вопросам, учить их понимать и задавать вопросы. В

учебной программе по русскому языку находятся разные указания относительно требований, предъявляемых учителю³. В 4-ом классе: ученик должен понимать короткий устный вопрос, поставленный ему в связи с пройденным материалом. В 5-ом классе: ученик должен понимать простые устные вопросы, которые связаны с темами учебной программы. В 6-ом классе: ученик должен задавать вопросы к картинкам, связанным с темами учебной программы и отвечать на них. В 7-ом классе: то же самое, но добавляется одно: ученик должен вести разговор об изучаемых темах и говорить о себе. В 8-ом классе: ученик должен уметь задавать вопросы к текстам учебника и в двух-трех предложениях отвечать на них, ученик должен вести беседу и принимать в ней участие. Конечно, подробный анализ учебной программы не включается в нашу задачу, но здесь хотелось бы подчеркнуть важность вопроса, который тесно связан с коммуникацией.

В обучении иностранному языку задача учителей прежде всего состоит в том, чтобы развивать коммуникативные способности учащихся. Умение говорить и на начальных этапах означает, что ученик попадает в состояние готовности заговорить на иностранном языке, что он уже владеет достаточными языковыми средствами, с помощью которых готов к коммуникации. Этот процесс у учеников с разными способностями происходит и совершенствуется по-разному. Разумеется, для того, чтобы заговорить и потом разговаривать на русском языке, учащийся должен понимать вопросы, заданные ему. В восьмилетке осуществляется первая степень понимания, которую мы наблюдали на практике: услышав вопрос, ученики сначала переводят его на родной язык про себя, а потом пытаются "перевести" мысли на русский язык и только потом могут ответить. Таким образом замедляется темп речи и характерным остается венгерский склад мышления.

Из вышесказанного вытекает, что наш предмет -- обучение иностранному языку -- имеет такую специфику: 1/ обучение идет не на родном языке; 2/ кроме воспитательных и культурных целей наш предмет имеет и цель прививать навыки коммуникации. Итак, вопросы учителя могут преследовать несколько целей:

1. учитель может задавать вопросы с коммуникативной целью, и он стремится развивать навыки понимания и навыки говорения; 2. учитель задает вопросы с целью развития логического и самостоятельного мышления учащихся; 3. вопросами с целью активизации учащихся учитель стремится возбудить интерес к теме; 4. с целью развития критического мышления учеников учитель стремится ставить вопросы до некоторой степени "провокационные"; 5. вопросы играют большую роль и при осуществлении цели, связанной с проверкой знаний учащихся /это зависит от индивидуального или коллективного опроса/.

В этой статье мы занимаемся устными вопросами. Наш предмет -- русский язык -- по сравнению с другими отличается и тем, что вопросы, заданные в начале урока, так называемые вопросы тренировочной речевой зарядки /"Кого нет?", "Почему он отсутствует?", "Кто болен?"/, имеют не только организационный, информативный характер, но и предполагают ответы на русском языке, а это значит, что ученики здесь базируются на автоматизированных навыках. Следовательно, эти вопросы не формальные, а способствуют приятной атмосфере урока, помогают детям переключить артикуляционную базу на русский язык. Вопросы преподавателя должны быть простыми, ясными, короткими и понятными и для плохо успевающих. Рекомендуется ставить вопросы однократно и не "нападать" на учеников с несколькими вопросами: надо однозначно формулировать вопросы и не стоит перестраивать их 2--3 раза. Следует принимать во внимание правильный темп речи, который должен быть естественным: чрезмерно замедлять темп речи не рекомендуется -- ведь таким образом мы внушаем ученикам внутренний перевод на родной язык. Хотя неправильно, но на практике часто бывает, что преподаватель последовательно 2--3 раза повторяет те же самые вопросы. Такое повторение не имеет никакого отношения к коммуникации, является весьма искусственным: "ведь в жизни им никто не будет повторять вопроса несколько раз"⁴. В качестве недостатка можно отметить и такую практику в работе учителей: вопросы часто звучат на родном и на русском языках. Конечно, при объяснении нового материала, особенно грамматического, при уточнении

того или другого языкового явления необходимо обращаться к родному языку. Но когда задаются вопросы, которые всем хорошо известны, ни в коем случае не стоит переводить их на венгерский язык. Бывают и лишние, пустые вопросы -- также на венгерском языке: "Hogy szoktuk ezt csinálni? Megtanultad a leckét? Mást nem tudsz mondani?".

В нашей статье не рассматривается проблема параллельного присутствия родного языка на уроке русского, иностранного языка, но мы придерживаемся того мнения, что необходимо стремиться ставить вопросы по-русски. Есть еще недостаток: часто звучит вопрос после объяснения нового материала: "понятно?", "Вы поняли меня?"

Методисты считают, что в этом случае лучше, если вместо таких общих вопросов мы проверяем на практике /в ситуации, в упражнениях, с помощью содержательных вопросов../, в самом деле поняли ли ученики преподавателя. Преподаватель в связи с текстами учебников должен уметь читать между строчками, умело выбрать, уловить те действия, тех героев, те обстоятельства, которые близки ученикам, которые их интересуют, и в результате задавать актуальные, персональные вопросы.

Тексты не обеспечивают той нормальной напряженности, которая обычно возникает между говорящими. По тексту учебника все факты всем знакомы и поэтому никого не интересует вопрос такого типа: "Мы читаем об Ире. Она ходит в школу. Она отличница.." и в связи с этим вопросы: "О ком мы читаем?" "Куда ходит Ира?"..⁵ Конечно, вопросы репродуктивного характера нужны при закреплении материала, при повторении, при разучивании вопросительных слов, но надо искать возможность для постановки более сложных вопросов проблемного характера: "почему?", "как вы думаете?", "это правда?", "а по-твоему?". Таким путем говорение учеников становится более продуктивнее, самостоятельнее.

Для коммуникации важную роль играет диалог: здесь связываются вопросы, возникающие между учениками. Коммуникация не

осуществляется без диалога, а успех его зависит от того, умеет ли ученик спрашивать. Обучение учеников относящимся к диалогу речевым средствам, авербальным знакам /жестам, мимике/, понимание их -- одна из трудных задач.

Как ни стремимся мы к жизненности диалогов, на уроках мы создаем учебные ситуации. "... и для того, чтобы построить фразу на русском языке, учащийся должен прежде всего ориентироваться в ситуации, оценить то, что он хочет сказать, с позиции человека, язык которого он изучает. В этом смысле учитель должен быть неутомимым в поисках путей вовлечения учащегося в настоящее коммуникативное взаимодействие, изобретателем в приемах, как заставить их "разговориться"⁶. В этой работе -- а именно в обучении учеников умению спрашивать -- большую помощь оказывают нам микродиалоги: напр. -- Вы не скажете, сколько стоит билет?

-- Не знаю. Заметим, однако, что диалоги полезны только в том случае, если мы научим детей речевым клише: к сожалению, не знаю
конечно, знаю.

Микродиалоги служат и образцами для усвоения и закрепления грамматических явлений: напр.: -- У кого есть часы? -- Кому 2 года?
-- У меня. -- Сестре.

С помощью микродиалогов создается возможность активизировать все больше учеников, заодно обеспечивая то, чтобы ученики задавали вопросы друг другу при быстром темпе речи. Нужно обратить внимание на расспрос, который является средством улучшения культуры диалога учащегося, поскольку учит его не останавливаться на одной реплике. Надо учеников научить обмениваться ролями: напр.:

-- Где ты был вчера?
-- Я был в кино? А ты?
-- Я в театре.

В диалогах, как нам представляется, очень важна роль преподавателя: берет ли он на себя роль одного или другого собеседника, задает ли он неожиданные вопросы, вмешивается ли он в разговор,

является ли он партнером ученика: все это стимулирует учеников к активности. Недостаточно исчерпаны огромные возможности текстов учебника и на самом уроке, в плане вопросов со стороны ученика к учителю. Надо организовать такие ситуации, где ученики могли бы обратиться к учителю и таким образом упражнялись бы в обращении на "Вы".

Согласно наблюдению Ф. Надя⁷, ученики меньше спрашивают, чем это допускает их знание. Хорошо было бы осуществить более трезвое распределение работ на уроках, чтобы наши ученики больше спрашивали. Вопросы учащихся имеют симптоматический характер, они показывают недостатки в работе учителя, личность спрашивающего ученика, отношение его к предмету. Ученики ясно знают свои проблемы, знают, в чем их недостатки, но по разным причинам не смеют или не хотят спрашивать /причины разные: их неподготовленность, равнодушие, скованная атмосфера урока.../.

Не типизируя вопросы учеников, сделаем общие выводы: в младших классах больше вопросов, чем в старших, и лучшие ученики больше и содержательнее спрашивают, чем малоуспевающие. Большинство вопросов связано с изучаемым текстом, учеников интересуют новые слова, их точное значение, как говорят то или иное по-русски. Многие вопросы относятся к организационной части урока: "На какой странице урок?", "Сколько предложений писать?", "Какую отметку я получила?" Эти вопросы звучат в основном на венгерском языке, нужно обратить больше внимания на то, чтобы ученики привыкали выражать свои мысли по-русски.

Преподаватели стремятся научить учеников спрашивать и в этой работе, пользуются разными техническими и наглядными средствами. И тематические картинки и слайды, и вопросы к ним активизируют мышление учеников, побуждают их самостоятельно конструировать вопросы. Надо дать возможность для живой фантазии детей и творческого мышления. Учитель должен быть открытым перед ученическими вопросами, но разумно отделять те вопросы, которые в самом деле проблемные, от вопросов, которые задаются ради выступления.

Вопрос и мышление тесно связаны: все предметы должны преследовать цель развития мышления учащихся. Если глубже познакомиться с учебной программой, то там нет никакой ссылки на эту задачу учителя. Одним из эффективных, проверенных на практике средств активизации работы мысли учеников, являются вопросы проблемного характера. Неоднократно наблюдалось, что вопросы, относящиеся к текстам учебника, иногда довольно упрощены, напр.: "что делает отец?", "что делает мать?", "а потом?", "кто накрыл на стол?", "кто еще накрыл на стол?", "что мы видим на картинке?" Мы рекомендуем задавать такие вопросы: "нравится тебе наш герой, почему?", "почему симпатичная девочка Света?", "представь себя на месте Иры, что ты будешь делать на ее месте?".

В процессе наблюдения мы неоднократно замечали, что более или менее сложные вопросы учителя вызывали у учащихся затруднения.

Однако, эти затруднения заставляли их максимально напрягать память и активизировать работу мысли. Вопросы, направленные на самостоятельное мышление, могут вызвать согласие, несогласие, даже споры. Мысли сопровождаются эмоциями: приятная атмосфера урока высвобождает мысли и фантазию ученика, смело выдвигающего свои проблемы -- вопросы. Это закаляет их волю, они стараются больше заниматься языком, чтобы свои мысли высказать учителю и товарищам по классу.

Несколько слов о роли вопроса при проверке знаний учеников. При этом правильнее акцент ставить на автоматические знания, усвоенные прочно. Здесь также уместно задавать вспомогательные, дополнительные и неожиданные вопросы. Они могут ставиться и учениками, и преподавателями. Вопросы играют большую роль при оценке учеников, это можно делать сначала под руководством учителя, потом ученики, усвоив этот метод, самостоятельно могут оценивать друг друга, и таким образом развивается их критическое чутье. Напр.: "какую отметку ставить ей?", "как она ответила?" "как ты думаешь, можно ли ей поставить 5?"

Преподаватели на уроках русского языка часто варьируют вопросительные предложения разных типов: с вопросительным словом

и без него, неполные вопросительные предложения. Рекомендуем чаще осуществлять на практике интонационные упражнения для улучшения произношения учеников.

В связи с вопросительными предложениями наиболее характерные ошибки у учеников бывают в большинстве случаев в технике постановки вопроса: это вытекает из недостаточного знания учащимся вопросительных слов и интонации вопросительных предложений.

По работе Ф. Нады⁹, учителя относятся к разным типам, судя по вопросам, которые они ставят на уроках. По его наблюдению, число вопросов преподавателей не зависит от разного учебного материала предметов. На уроке по любому предмету может быть и среднее количество вопросов и большое количество вопросов. Что касается преподавателей русского языка, этот вопрос еще не исследован и материал полностью не изучен.

Итак, учителя подразделяются на тех:

которые задают минимальное количество вопросов, т.е. от 14 до 53 вопросов;

которые задают незначительное количество вопросов, т.е. от 54 до 64 вопросов;

которые задают среднее количество вопросов, т.е. от 69 до 83 вопросов;

которые задают большое количество вопросов, т.е. от 84 до 110 вопросов;

которые задают максимальное количество вопросов, т.е. от 110 до 177 вопросов.

Конечно, от количества вопросов не зависит эффективность обучения: чрезмерно много вопросов разделяет урок на части /урок становится атомистическим/ и активизация учащихся будет поверхностной, а небольшое количество вопросов приведет к скучным урокам и равнодушным ученикам. Учителям необходимо планомерно готовиться к вопросам, планировать их и хорошо уметь задавать их. Здесь уместно припомнить изречение /Де Гармо/: "Хорошо задавать вопросы -- это то же самое, что хорошо преподавать".

Примечания

1. Lénárd F., Barabás K. A tanárok kérdései. -- Pedagógiai Szemle. 1957, № 2; Lénárd F. A tanulók kérdései egy olvasmánnyal kapcsolatban. -- Pedagógiai Szemle, 1957, № 4; Lénárd F. A gondolkodás hétköznapijai. Bp., 1982.
2. Nagy F. A tanárok kérdéskulturája. Bp., 1976; Г.В. Рогова. Вопросы организации обучения иностранным языкам в старших классах. -- ИЯШ, 1965, № 5.
3. Lénárd F., Molnár Edit. A tanári kérdések vizsgálata a gondolkodás fejlesztése szempontjából. -- Magyar Pedagógia, 1962, № 1; Mirnné Kittler J. A tanulók kérdéseinek szerepe a tanítási órákon. -- Pedagógiai Szemle, 1983, № 12; Zsolnai J. A tanulói kérdések tipizálása és vizsgálatuk egy lehetséges módja. -- Pedagógiai Szemle, 1975, № 6; Lénárd F. A megértés problémája a tanulók kérdései alapján. Tanulmányok a megértés lélektanából. Bp., 1959.
4. Г.В. Рогова. Вопросы организации обучения иностранным языкам в старших классах. -- ИЯШ, 1965, № 5.
5. Lieber Pálné. A kommunikáció--központu orosznyelv--oktatás néhány kérdése. Tankönyvkiadó, Bp., 1983.
6. В.Г. Костомаров, О.Д. Митрофанова. Методическое руководство для преподавателей русского языка иностранцам. -- Русский язык, 1976.
7. См. Ф. Надь. Ук. соч.

СЕМАНТИКО-СТИЛИСТИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА ОБРАЗНОСТИ
/на материале рубрики "Окно в природу" газеты
"Комсомольская правда"/

И.А. Гончар

В методике обучения иностранных учащихся утвердилась ориентация на функционально-стилевую дифференциацию русского языка, на актуальные для учащихся коммуникативные сферы общения, на профессиональные интересы обучающихся. Из этих посылок следует, во-первых, практическая необходимость лингвистического описания вовлекаемых в обучение функциональных стилей, установления их характерных черт, выявления их лексико-грамматического состава, во-вторых, необходимость обучения иностранцев проникновению в глубину текста, осознание текстовых категорий, образной системы произведений данной функциональной разновидности.

Поскольку для будущих филологов значимой функционально-речевой областью применения русского языка и в процессе обучения, и в дальнейшей профессиональной деятельности является общественно-политическая сфера общения, постольку обслуживающий ее публицистический стиль оказывается важным материалом обучения. Обращение к экологической тематике диктуется тем обстоятельством, что проблема охраны окружающей среды является важнейшей проблемой современности, и стремительное вторжение в публицистику темы природы красноречиво подтверждается цифровыми данными: так, в "Правде" за 1980 год появилось около 900 природоохранных публикаций, "Труд" за шесть месяцев 1982 года выступил на эти темы более 300 раз, в летописи газетных статей за ноябрь-декабрь 1984 года экологические публикации разного рода встречаются 100 раз.

Ведущим советским публицистом, разрабатывающим эту тематику, несомненно, является В. Песков, знаток природы и неутомимый путешественник, который наряду с разнообразной журна-

листной деятельностью ведет рубрику "Окно в природу" в газете "Комсомольская правда".

В одном из газетных выступлений В. Песков, давая высокую оценку работе своего коллеги, называет "главное кредо" рассказчика: "Я это видел". Всем своим творчеством В. Песков постулирует этот тезис: его экологические зарисовки покоряюще просты и ясны, читатель верит автору именно потому, что все описано очевидцем прямо с места событий. Автор находится в том же пространственно-временном мире, что и персонажи его произведения. Из этой пространственно-временной общности вытекают основные семантические особенности текста: /"Я сам это видел", "Это произошло со мной"/; субъективность /мир изображен участником событий, т.е. лицом заинтересованным, небеспристрастным/; неполнота /изображенный мир ограничен опытом и кругозором повествователя/. И собственно, почти все языковое своеобразие прозы В. Пескова можно рассматривать как следствие "авторского присутствия".

Количество "чистых" форм для обозначения присутствия автора ограничено и всем известно: это личное местоимение "Я" и притяжательное местоимение "МОЙ" во всех предложно-падежных формах, а также односоставные определенно-личные предложения с главным членом в форме 1-го лица. Цитаты из текстов подтверждают сказанное: "На днях ученые дали МНЕ заглянуть в микроскоп"; "В Караганду в зоопарк полетели запросы. Я тоже туда написал"; "Гляди на снимок, Я вспомнил..."; "Дело было под вечер. Я шел по опушке..."; "Игра -- думал Я, разглядывая еще мокрую фотографию"; "МОЙ друг ученый-биолог Валентин Пажитнов..."; "Мы с хонориком большие друзья. Он исследовал содержимое МОЕЙ сумки..."; "В коллекции памятных безделушек есть у МЕНЯ женские часики марки "Заря". Авторское "Я" встречается даже в заголовках: "Я помню", "Речка моего детства" и т.п.

Как уже было сказано выше, количество форм для обозначения присутствия автора ограничено, и именно они дают возмож-

ность установить прямую связь с читателем, вести рассказ, минуя все промежуточные звенья. Оппозиция "Я -- ТЫ/ВЫ" позволяет обратиться к диалогическим формам, чаще всего -- побудительным предложениям. Автор "втягивает" читателя в разговор, предлагает поразмышлять вместе. Приведем пример.

"Сила всякого существа умножается сознанием своей правоты, справедливости. В нередких спорах из-за территории, как правило, побеждает не тот, кто сильнее, а тот, чье дело правое, кто защищает свою дуплянку, свой охотничий участок. Добытый трудами праведными кусок тоже без боя не отдается. Попробуйте отнять у кошки мышку, и вы узнаете силу ее когтей и зубов. Не пытайтесь взять у собаки чашку во время еды. Этого не потерпит даже самый покладистый пес. И посмотрите на снимок, так защищает добычу свою пингвин.

Самоотверженно защищает всякая мать своих малышей, материнство своим удваивает. Возьмитесь ловить цыпленка, и вы узнаете материнский характер обычно трусливой и взбалмошной курицы" /"Постоять за себя", 30/01--83/.

Но для того, чтобы читатель мог наравне с публицистом участвовать в беседе, картины, предлагаемые читателю, должны быть представимы для него так же, как и для автора, который является участником описываемых событий. От степени этой читательской представимости зависит многое, автор это понимает и старается вызвать у читателя либо 1/ конкретно-чувственное восприятие ситуации, давая выразительные описания, либо 2/ пробудить ассоциативное мышление, опирающееся, в основном, на воспоминания, фантазию. Отбор и организация языковых средств будет зависеть от того, каким из двух указанных путей идет автор. В данной статье анализируются, прежде всего, лишь те языковые средства, которые используются при создании конкретно-чувственных картин действительности.

Прежде всего, это предметная лексика. В произведениях В. Пескова это огромный тематический пласт -- флора и фауна. 1/ многочисленные названия животных и птиц, причем часто с фольклорным повтором: волк -- серый разбойник; корова -- буренка; лисица -- рыжая; кот -- завзятый мышелов; лев -- царь зверей и т.д.

Приведем еще один пример.

"В белорусской деревне Низовцы в декабре минувшего года корова по кличке Домна взяла в оборот волка, проникшего в хлев. И дело для серого кончилось очень плачевно -- буренка рогами спихнула его в выгребную яму, где утром разбойник был обнаружен людьми, вначале принявшими его за собаку" /"Постоять за себя", 30/01--83/.

Ясно, что фольклорные параллели увеличивают страноведческий потенциал публикаций. Однако это обстоятельство порождает и ряд сложностей при подаче материала в иностранной аудитории, так как эта лексика часто опирается на реалии чисто русской жизни.

2/ слова, обозначающие части тела животных и человека: нос, голова, морда, крылья, рога, когти, зубы, шерсть, волосы, спина и т.д.

3/ лексика, с помощью которой описывается ландшафт: поле, река, лес, опушка, полянка, дуплянка, охотничий участок, саванна -- и которая хорошо поддается систематизации в аудитории;

4/ топонимы: Африка, Кавказ, Крым, Гагры, Северный Донец, деревенька Низовцы, поселок Добринка Липецкой области и т.д. -- придающие рассказу особую достоверность, документальность, точно указывают адрес происходящего.

Предметная лексика активно участвует в создании изобразительности, при этом она дополняется глаголами, обозначающими физические действия и процессы. Для того, чтобы увидеть предмет или событие в динамике, используются глаголы, обозначающие движение и жест. И конкретизируются возникающие при этом представления с помощью определений и обстоятельств. В произведениях В. Пескова -- поскольку он довольно часто дает зарисовки какой-то острой ситуации из "звериной" жизни -- это

5/ глаголы, обозначающие защиту, нападение, позу: атаковать смело и решительно; образовывать каре, обернувшись рогами; ложиться/опрокидываться/ на спину; подымать шерсть; выгибать спину; взъерошиться; ринуться и т.д.

Проиллюстрируем сказанное фрагментами из текстов: "Многие из животных, столкнувшись с опасностью носом к носу, пытаются утешать: ерошат перья, поднимают шерсть на загривке, выгибают спину горбом /вспомним и наше -- "волосы встали дыбом" /и таким образом иногда заставляют противника отступить /"Постоять за себя"/; "Что сорока -- воровка, известно давно.... Столь же воровата ворона. /Не оттого ли и название птицы: вор-она/. Приходилось видеть, как воруют вороны яйца в гнездах бакланов. Одна начинает празнить, задирает сидящую на гнезде птицу, и, как только та приподнимается постоять за себя, другая ворона хватает яйцо" /"Зачем сороке часы с браслетом?"/

Как видно, глаголы даются часто в сочетании с эпитетами, и легко выделяется группа глаголов "утрашения". При семантизации эта лексика выстраивается в антонимичные пары: нападать -- защищаться; разбегаться -- сбиваться в круг и т.д.

Следуя за большинством лингвистов, считающих, что именно образность речи способна вызвать у читателя конкретно-чувственные представления, и признавая изобразительность речи ведущим началом, базой образности, рассмотрим теперь те специальные образные средства, которые, наряду с конкретной лексикой, широко используются автором анализируемых произведений.

Например, при использовании 6/ эпитетов, характерных для описания поведения человека, применительно к животным, "вспыхивают" очень интересные метафоры, формирующие и наше отношение к участникам описываемой ситуации: пес -- покладистый; курица -- трусливая, взбалмошная, с материнским характером; мать-воробейха -- неистовая в своей решительности; свинья -- не понимающая намерений...; кот-завзятый мышелов -- оприметчиво заинтересовавшийся...; вожак-шимпанзе -- смелый, умелый, силен, повелитель; вода -- бежит сломя голову; вулканы -- веками спящие и такие, что могут в любое время проснуться и т.д.

Тропы усиливают образность, помогая читателю открыть новое в хорошо известном или представить ранее неизвестное, служат для выражения отношения к тому или иному факту, событию, т.е. выполняют не только изобразительную, но и выразительную функцию.

Образ, имеющий вид 7/ сравнения, также служит, в первую очередь, наглядности, созданию зримой картины, т.е. исполняет задачи преимущественно изобразительные, что подтверждают следующие примеры: "...вулканы, изредка просыпающиеся, напоминают нам: земная твердь, по которой мы ходим и ездим, которую пашем, на которой играем в футбол, твердь, изрытая шахтами, лисьими норами и колодцами, -- всего лишь скорлупка на огненном теле планеты" /"Любовь -- Камчатка"/; "...небольшая птичка -- отважная зубочистка -- устремляется прямо к пасти и смело снует -- чистит у крокодила зубы".

Все приведенные выше примеры позволяют заключить: чем дальше расстояние между сопоставляемыми предметами и свойствами, тем более емко троп. Изобразительность постепенно утрачивает главную роль, преимущественные права обретает выразительность. Когда соотносятся явления духовной жизни с предметной реальностью или когда конкретность возводится к отвлеченности, ударная сила образа увеличивается. В произведениях В. Пескова такие соотношения -- не редкость, ибо явления "звериной" жизни сопоставляются с нормами жизни человека, и, как правило, в конце зарисовки дается резюме: "В дикой природе, где жизнь никому не делает снисхождения, закон ученья соблюдается очень строго" /учиться надо вовремя/; "сознание справедливости удваивает силы" /побеждает не тот, кто сильнее, а тот, кто прав/; "союз этот давний, взаимовыгодный" /о птицах и крокодилах/.

Главная и неповторимая особенность публицистического образа заключается в том, что он порожден мыслью, эту мысль он реализует, развивает, уточняет, помогает проявиться ее оттенкам. Публицистический образ всегда служит идее, но публицист не может позволить себе углубиться в очень пространные описания -- там, где писатель дает подробную картину, публицист использует отдельный намек, который служит обрисовке ситуации, узнаванию знакомого. Зарисовки В. Пескова невелики по объему, но благодаря большой смысловой нагрузке каждогообразного элемента ему удается достичь цели.

Некоторые виды тропов, рассмотренные выше, а также лек-

сические средства, конечно, никак не исчерпывают всех возможностей изобразительности художественной публицистики. Однако изучение данного языкового материала в иностранной аудитории позволяет значительно расширить лексический запас учащихся, включить в учебный процесс ценную страноведческую информацию, а также найти ключ к пониманию глубин публицистического текста, способствует органичному переходу от анализа системы внешних значений речевого высказывания, от проблем понимания слова, фразы и даже внешнего значения текста к пониманию подтекста, смысла и в конечном счете к пониманию мотива, который стоит за текстом. А все перечисленные факторы вместе помогут будущим филологам сформировать профессиональный подход к прочтению текстов публицистической направленности.

ПОВЫШЕНИЕ ЭФФЕКТИВНОСТИ ПРОФЕССИОНАЛЬНО-ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ ПОДГОТОВКИ СТУДЕНТОВ-РУСИСТОВ В ПЛОВДИВСКОМ УНИВЕРСИТЕТЕ

П.Т. Димов

На отделении русской филологии Пловдивского университета за сравнительно небольшой срок его существования делалось и делается немало для профессионально-педагогической подготовки студентов, но решения Июльского /1979 г./ пленума ЦК ВКП по народному образованию побудили многих преподавателей пересмотреть свою работу и в этой области, наметить ряд мер, направленных на повышение ее эффективности. Ведь не подлежит сомнению тот факт, что основная роль в решении ответственных задач по перестройке системы народного образования, имеющей место в нашей стране, принадлежит школьному учителю. Поэтому возрастает значение теоретической и практической подготовки будущих педагогов, ответственность университета за повышение ее качества.

Поскольку состав абитуриентов и их подготовка не могут не сказаться на отборе филологов-русистов, то стала очевидной необходимость начинать работу с ними задолго до вступительных экзаменов. С этой целью ежегодно в ноябре-декабре преподаватели кафедры русской филологии стали проводить встречи с выпускниками средних школ города и округа, на которых идет разговор о профессии учителя, ее положительных сторонах и трудностях, разъясняются условия учебы в Пловдивском университете и практические вопросы подготовки к вступительным экзаменам. Планируется периодически устраивать в течение учебного года консультации и проводить упражнения, которыми в дальнейшем будут руководить студенты-старшекурсники. Особенно активны эти связи со средней школой с преподаванием ряда предметов на русском языке в Пловдиве, воспитанники которой чаще всего поступают на наше отделение. В итоге такая деятельность содействует процессу ориентирования абитуриентов, они идут к нам с сознанием, что по окончании вуза будут учителями русского языка. Это, конечно, не единственная форма работы с абитуриентами. Продолжая ее, Университетский комитет

Димитровского коммунистического союза молодежи /ДКСМ/, наметил проведение встреч студентов младших курсов с заслуженными учителями, разговоров о профессии педагога, о работе в школе и т.п.

По инициативе кафедры педагогики, психологии и методики преподавания некоторые преподаватели в ПУ стараются внести элемент "педагогизации" в преподавание специальных научных дисциплин. В своих лекциях и на практических занятиях и семинарах они стали чаще касаться и вопросов о месте данной темы на уроках в средней школе, о различных способах облегчения учащимся восприятия такого материала и его закрепления. Таким образом, внимание студентов постоянно привлекается к вопросам их будущей профессии, они утверждаются в своем выборе специальности, привыкают к мысли о работе в школе. Можно надеяться, что в недалеком будущем подобная деятельность станет постоянной практикой всех или почти всех преподавателей педагогического вуза.

Необходимо отметить, что действующие учебные планы в известном смысле не способствуют заблаговременной /ранней/ постановке и решению вопросов профессиональной подготовки студентов. Несмотря на изучение на младших курсах некоторых педагогических дисциплин /педагогической психологии, педагогики/, вопросы их предстоящей работы в школе встают реально перед студентами только к концу III и на IV курсе, когда в основном они слушают лекции по методике обучения русскому языку и проходят педагогическую практику и стажировку. Это осложняет период адаптации студентов к работе в новых условиях, создает дополнительные трудности, на преодоление которых уходит иногда значительная часть отведенного времени. Привыкшие смотреть на школу глазами учеников, первокурсники медленно настраиваются на работу в новом качестве — в качестве хозяев школы, учителей, воспитателей учащихся. Много дней и недель уходит на преодоление естественного страха некоторых студентов перед классом, на налаживание отношений с учащимися, особенно старших классов. Все это в сочетании с основными положениями Письма тов. Тодора Живкова Центральному комитету Димитровского коммунистического союза молодежи, особен-

но с требованием "решить комплексно, целостно проблемы реализации — как подготовки, так и участия молодых людей в общественном труде", а также с решениями Июльского /1979 г./ пленума ЦК БКП, вызвало неотложную необходимость в быстрейшей перестройке всей работы педагогического вуза, направленной на повышение качества профессионально-педагогической подготовки студентов.

На отделении русской филологии Пловдивского университета, помимо повышения качества научно-теоретических знаний, работа ведется в двух основных направлениях: 1. расширение и углубление связей студентов со средней школой задолго до прохождения педагогической практики и 2. интенсификация их деятельности во время самой практики и стажировки.

Главным внутренним резервом в первом случае явилось введение в университете наставнического движения. Простая логика подсказывает, что если на производстве молодой рабочий нуждается в более опытном товарище-наставнике, помощь которого поможет ему преодолеть естественные трудности первых шагов в профессии, то это тем более относится к молодому будущему учителю. Ведь в деревне или небольшом городе, куда поедут на работу выпускники вуза, трудно будет найти подходящего наставника. Через Окружную дирекцию "Народного образования" и окружное руководство профсоюза учителей мы обратились к лучшим учителям Пловдива с просьбой помочь профессиональной подготовке русистов Пловдивского университета. На эту просьбу откликнулись десятки учителей русского языка города. Оставив весь первый год — I курс — на адаптацию студентов к новым условиям вузовской учебы, мы решили их посылать в школу с середины третьего или начала четвертого семестра. На совещании с учителями был обсужден и принят особый статус наставников и их подшефных, который предполагает следующие основные виды работы:

а/ деятельность по введению студентов в школьную жизнь и практику, оказание им помощи в более полном и быстром приспособлении к условиям их будущей работы;

б/ ознакомление с положительными сторонами и трудностями профессии учителя, привитие им чувства уважения и любви к ней;

в/ ознакомление на практике с основами педагогического мастерства, с основными методами и средствами повышения эффективности при достижении воспитательных и образовательных целей уроков русского языка;

г/ привитие студентам чувства уважения и любви к учащимся, умения строить оптимальные отношения с ними, практических умений осуществлять индивидуальный подход и оказывать целенаправленное воспитательное воздействие;

д/ практическое участие в планировании, подготовке и проведении различных форм внеклассной работы.

Между наставниками и прикрепленными к ним студентами налаживаются, как правило, хорошие отношения — неперенное условие для достижения положительных результатов. Небольшое число студентов /2—3 человека/ позволяет учителю-наставнику спокойно работать с ними, отвечать на их многочисленные вопросы, давать им различные задания и следить за их выполнением. В скобках нужно отметить, что присутствие студентов в школе оказывает и обратное воздействие: сам наставник старается не ударить перед ними лицом в грязь, показать свое профессиональное мастерство, учить его основам своих молодых "коллег".

Второкурсники, конечно, уроков не дают /им не хватает для этого теоретической подготовки/, но в свободное от занятий в университете время посещают /раз два или три в месяц/ "свою" школу, слушают уроки наставника, проводят внеклассные мероприятия и помогают отстающим ученикам.

Наблюдения показали, что прошедшие такую практическую школу студенты по-иному воспринимают и лучше осмысливают теоретический материал на лекциях по методике, а на экзамене ссылаются на свой, пусть пока и небольшой еще, опыт, подкрепляют изложение материала подходящими примерами из школьной практики.

Одним из важнейших результатов деятельности наставников можно считать заметное изменение отношения студентов к школе и профессии учителя. Даже случайно поступившие в педагогический вуз студенты начинают осознавать ответственность и трудность своей будущей профессии, привыкать к ней, начинают относиться с большим уважением к труду педагога. Начиная педагогическую практику на IV курсе, они входят в школу с самочувствием ее хозяев, работают спокойнее в классе, гораздо быстрее налаживают отношения с учениками, более уверенно проводят даже первые свои пробные уроки. Все это значительно облегчает работу методистов и "базовых" учителей.

Первые результаты введения наставничества со студентами-русистами были положительными, и это позволило руководству вуза расширить движение, включить в него студентов всех специальностей Пловдивского университета.

К учебной практике с отрывом от занятий /стажировке/ студенты приступают на последнем /VIII/ семестре обучения, после успешной сдачи экзамена по методике. Необходимо отметить, что стремление преодолеть слабости, связанные с "зубрежкой" и поверхностным заучиванием материала, привело к необходимости изменить значительно сам способ проведения экзамена и критерии оценки на нем. Имевшее ранее место изложение "чистой" теории по вопросу теперь всегда сочетается с решением практических заданий. Кроме знания основных теоретических сведений, на экзамене студенты должны еще показать и доказать свое умение применять их на практике, при решении вопросов, как лучше всего поступить в классе в том или ином случае, при работе над различными темами. Самое добросовестное /обычно зазубренное/ изложение теоретического материала, не подкрепленное умением рассуждать методически, приводит, как правило, к неудовлетворительной оценке. Хочется отметить, что такие требования к ответам на экзамене предопределяют хорошие достижения студентов во время ответственного периода их вузовской учебы — учебной методической практики. Она проводится в средних и восьми-

летних школах города и длится семь недель.

Трудно переоценить значение педпрактики как самого важного звена в осуществлении принципа единства теории и практики, в выполнении студентами конкретных задач их будущей педагогической деятельности. Период проведения педпрактики все больше превращается для всего Пловдивского университета в период проверки и закрепления теоретических знаний по всем специальностям, окончательного шлифования их педагогических и методических умений перед поступлением на работу. Для представителей всех кафедр, и особенно профилирующих, педпрактика также является показателем достижений и слабостей в работе со студентами.

В целях полноценного использования времени и повышения эффективности труда студентов во время стажировки в Пловдивском университете используется ряд форм как организационного, так и методического характера.

Стажировка начинается в феврале, но еще в первой половине ноября студенты распределяются по школам и базовым учителям, причем, по мере возможностей, учитывается и их желание. Это позволяет практикантам заранее познакомиться с условиями в школе, с системой работы учителя и даже со своими будущими классами. Это экономит по меньшей мере дней десять в начале стажировки, позволяет чуть ли не с первого дня приступить к полноценной работе.

Кафедра педагогики, психологии и методики преподавания ПУ требует от студентов, чтобы они провели свою практику в условиях, близких к реальным. В школу практиканты должны приходить не только для того, чтобы "дать" и обсудить определенное число уроков, а как на работу — за полчаса до первого урока, должны дежурить на переменах, принимать участие в заседаниях педагогического совета школы, посещать своих учеников на дому, говорить с родителями, проводить консультации и оказывать помощь отстающим. Кроме того, на них лежит вся внеклассная работа по

предмету, работа с пионерской и комсомольской организацией, проведение уроков классного руководителя — одним словом, делать все то, чем уже через полгода им придется заниматься самостоятельно в школе.

В центре всей стажировки находятся, конечно, уроки. Помимо указаний методистов и базовых учителей, книг для учителей и пр., основным требованием к практикантам является выработка в себе умений самостоятельно и четко сформулировать основные цели каждого урока, определить методы и приемы, систему упражнений, ведущих к их достижению. И здесь главный упор делается на творческое отношение студентов к работе, на их умение разрабатывать и проводить урок применительно к конкретным условиям данного класса. И хотя отдельные более трудные темы и разрабатываются коллективно под руководством базового учителя, выше оценивается труд тех практикантов, которые вносят свой обоснованный вклад в эти разработки, проводят свои упражнения, умеют облегчать учащимся понимание материала, активнее развивают их неподготовленную русскую речь. При предварительном обсуждении конспектов уроков особенно поощряются споры, в которых практикант отстаивает правильность и эффективность своих предложений и показывает умение привлекать пройденный теоретический материал для защиты и обоснования предложенного им. Таким образом, практиканты учатся отходить от традиционных схем проведения уроков различного типа, проявляют творчество при их подготовке. А это, со своей стороны, является предпосылкой к успешному решению тех трудных задач, которые их профессия будет ставить перед ними на каждом шагу, притом в условиях, когда рядом не будет наставника, базового учителя или методиста.

Важной и нелегкой задачей во время предпрактики является создание оптимальных отношений с учащимися тех классов, в которых работает практикант. Здесь применение теории гораздо труднее, знания по педагогике и педагогической психологии не всегда имеют прямой выход в практику, жизнь оказывается гораз-

до сложнее лучших вузовских учебников.

Чтобы облегчить практикантам первые контакты со школьниками, мы требуем от них предварительного знакомства с ними по классному журналу и другим школьным документам. Базовый учитель заранее рассказывает студентам об их учениках, а участие в экскурсиях, прогулках, культпоходах и пр. обеспечивает более близкое знакомство. Таким образом, с первого дня практики студенты работают со знакомыми учениками, преодолевается психологический барьер первой встречи, и становится легче применять индивидуальный подход. Все это не может не сказаться положительно и на результатах учебно-урочной работы по русскому языку.

Участие практикантов в организации и проведении различных форм внеурочной работы также значительно расширяет границы их контакта со школьниками и возможности оказания на них воспитательного воздействия. Нет необходимости перечислять все внеклассные мероприятия, проводимые нашими практикантами. Нужно только подчеркнуть, что и здесь, наряду с тщательной подготовкой и организацией, на первом месте ставится инициатива студентов, их стремление отойти от шаблона, предложить и провести в жизнь интересные и эффективные формы.

Перестройка школьного обучения, проводящаяся в нашей стране, немыслима без изучения и распространения передового опыта, достижений лучших учителей, Кафедра считает, что практиканты также должны быть причастны к этому виду деятельности, хотя бы в относительно небольшой степени. С этой целью еще в начале практики студентам предлагается примерный список тем, по которым нужно провести наблюдения в школе. Он включает вопросы эффективности проведения отдельных этапов урока, осуществление воспитательных и образовательных целей, использование технических средств обучения, систему домашних заданий, развитие устной и письменной речи учащихся, работу с отстающими и особо успевающими учениками и т.д. Темы включают еще оценку новых учебников и всего комплекса учебных пособий для данного класса, сопоставление со старыми, определение их эффективности.

Студенты выбирают тему с помощью базового учителя в зависимости от особенностей школы и отдельных классов, от личных интересов и возможностей практиканта. В течение всей практики студенты проводят по выбранной теме наблюдения, результаты которых обобщаются в небольших /на 5-6 страницах/ докладах-отчетах. Эти доклады обсуждаются всей группой и передаются методисту для оценки. Мы убеждены, что полученные во время педагогической практики элементарные умения наблюдать и обобщать различные стороны своей и чужой работы в дальнейшем будут расширяться и способствовать становлению и совершенствованию педагогического мастерства молодых учителей.

Приближению условий педагогической практики к реальным помогает и проведение в ее конце открытых уроков лучшими практикантами. На них приглашаются преподаватели вуза, руководители школы и члены методического объединения. И хотя планы этих открытых уроков чаще всего готовятся и обсуждаются всей группой, они имеют большое значение для повышения самочувствия практикантов, их сознания о том, что они работают как настоящие учителя.

В соответствии с последними партийными и государственными документами, определяющими основные направления развития народного образования в НРБ, вопросы повышения профессионально-педагогической подготовки студентов педагогических вузов будут все чаще стоять в центре внимания руководителей и всех преподавателей. Все больше будет возрастать и значение педагогической практики как связующего звена между обучением в высшей школе и будущей благородной, но нелегкой работой в школе. Преподаватели отделения русской филологии и методисты кафедры педагогики, психологии и методики преподавания Пловдивского университета будут продолжать свою работу в этом направлении с чувством большой ответственности за ее успех.

УПОТРЕБЛЕНИЕ ПОЛНЫХ И КРАТКИХ ФОРМ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ БОЛГАРСКИМИ СТУДЕНТАМИ-РУСИСТАМИ

С. Злачева-Кондрашова

Цель данной статьи заключается в том, чтобы показать различие прилагательных в русском и болгарском языках на морфологическом, словообразовательном и синтаксическом уровнях и случаи их дифференцированного употребления, а также представить систему упражнений для выработки навыков их правильного употребления болгарскими учащимися.

Словоизменение как основная морфологическая особенность полных прилагательных в русском языке, связано с тремя типами склонений /с твердым, с мягким и смешанным/ в зависимости от падежных окончаний в начальной форме.

У прилагательных в болгарском языке отсутствует падежная флексийность, есть только родовые окончания, например, весел /болг./ — веселый, весел /русс./. Такое явление отмечается и в других славянских языках.

Известно, что полные и краткие прилагательные в русском языке выступают в роли предиката, но предикативность является основной функцией кратких форм, что связано с утратой ими категории падежа. В связи с этим М.В. Всеволодова отмечает, что в других славянских языках прилагательные "в большинстве случаев напоминают по форме русские краткие прилагательные, например: польск. *trudna* — русск. трудная и трудна; словацк., чешск. *vyso-ka* — русск. высокая и высока; болг. *широк*, *широка* — русск. широкий, широкая, широка"¹. Однако функционально они соответствуют как кратким, так и полным формам русского языка. Именно поэтому интерферирующее влияние родного языка, в частности болгарского, затрудняет правильное дифференцирование и выбор форм полных и кратких прилагательных русского языка. Таким образом можно выделить следующие основные факторы, обуславливающие практические трудности при употреблении этих форм: 1/ системные типологичес-

кие различия двух языков; 2/ совпадение функций болгарских прилагательных, напоминающих по форме русские краткие прилагательные, с функциями обеих форм прилагательных /полных и кратких/ в русском языке. Эти различия показаны в таблице № 1.

Таблица № 1.

ЯЗЫКИ	ФОРМЫ	ФУНКЦИИ
Болг. яз.	весел	1. согл. определение 2. сказуемое
Русский яз.	веселый	1. согл. определение 2. сказуемое
	весел	1. сказуемое

Выработка навыков правильного употребления грамматических единиц предусматривает "семасиологический" или "ономасиологический" подход, т.е. усвоение предполагает направление как от формы к значению /функции/, так и от значения к форме. Как указывает В.Г. Гак, "целесообразно на старших курсах ввести обобщающее систематическое изложение языковых факторов в ономасиологическом направлении — от выражаемого содержания к используемым формам"².

Выбор правильной формы затрудняется и тем, что при употреблении полных и кратких прилагательных в одной и той же синтаксической функции предиката между ними наблюдаются семантические и стилистические различия, а также различия в сочетаемости.

В русском языке полную форму прилагательных имеют и качественные и относительные прилагательные; краткую форму имеют большинство качественных прилагательных, кроме некоторых ограниченных групп: качественные прилагательные цвета /зеленый, желтый/, масти животных /буланый, вороной/, уменьшительные /красненький/. /Подробно см.: "Грамматика русского языка", т. I, АН СССР, 1952, § 481, с. 287; Современный русский язык. ч. II, под ред. Е.М. Галкиной-Федорук, МГУ, 1964, § 47, с. 78; Современный рус-

ский язык, под. ред. А.Н. Гвоздева, ч. I, М., 1967, § 343, с. 231/.

Для правильного употребления этих форм и четкого разграничения полных и кратких прилагательных мы рассматриваем их употребление /теоретические случаи и упражнение/ на двух занятиях со студентами: на 1-ом — рассматриваются морфологические, словообразовательные и синтаксические особенности полных прилагательных в русском языке /см. дальше в статье — синтаксические особенности полных прилагательных: 1/а/ — лексическая сочетаемость полных прилагательных; 2/а/ — синтаксические функции полных прилагательных в конструкции/.

О морфологических особенностях русских и болгарских прилагательных было упомянуто в статье выше. Болгарские прилагательные и качественные и относительные отличаются от русских не только в отношении падежной флексийности, соотношением полных и кратких форм, но и в словообразовательном отношении.

Можно выделить следующие типы соотношений русских и болгарских прилагательных по их словообразовательной структуре:

1/ Некоторые прилагательные в обоих языках различаются только флексийно: детское заведение — детско заведение, болгарская роза — българска роза, транспортная база — транспортна база, опытный врач — опитен лекар, бытовые услуги — битови услуги и др.

2/ Прилагательные, которые различаются флексийно и суффиксально в русском и болгарском языках, например: торговая база — търговска база, казачий атаман — казашки атаман, дождливый день — дъждовен ден и др.

3/ Устойчивому словосочетанию прилагательного с существительным в русском языке соответствует одно слово в болгарском языке, например: летучая мышь — прилеп, душистый перец — бахар и др.

4/ Устойчивому словосочетанию прилагательного с существительным в болгарском языке соответствует одно слово в русском, например: водно конче — стрекоза, дъвчащи бонбони — тянучки,

малко прозорче — форточка, едра шарка — оспа и др.

5/ Устойчивому словосочетанию прилагательного с существительным в болгарском языке соответствует в русском словосочетание существительного в именительном падеже с существительным в родительном падеже, например: народен глас — голос народа, пионерский дом — дом пионеров, културен дом — дом культуры и т.п.

6/ В качестве особых типов соответствий можно выделить русские прилагательные-паронимы, которым в болгарском соответствует одна лексема, например: 1/ дипломатический /относящийся к дипломатии/; 2/ дипломатичный /ловкий, уклончивый/ — в болгарском языке — в обоих случаях — дипломатичен; 1/ шуточный /представляющий собой шутку/; 2/ шутливый /склонный к шуткам/ — в болгарском языке — в обоих случаях — шеговит и т.п.

Все намеченные типы различий прилагательных в русском и болгарском языках учитываются нами при изучении этой темы в практическом курсе русского языка. Для этого предусмотрена система заданий и упражнений, которые имеют своей целью выработку навыков свободного употребления полных и кратких форм прилагательных в устной и письменной речи. Учитывается и соответствующий лексический аспект. Так, при учете прилагательных-паронимов обращаем внимание студентов на суффиксы, на их семантику и на сочетаемость с определенными словами, например: 1/ шуточный: разговор, беседа, песня и т.д.; 2/ шутливый: друг, попутчик, общество, интонация, рассказ, поэма и т.д.

Для этой цели мы используем на занятиях Сборник упражнений по лексике русского языка /для студентов-иностранцев, М., "Русский язык", 1975/ и Словарь-справочник — трудные случаи употребления однокоренных слов русского языка, М., "Сов. энциклопедия", 1969/. Из этих пособий составляется лексический минимум из наиболее употребительных прилагательных-паронимов с точки зрения лексики и разговорных уроков. Учитывается лексический запас по темам: "Достопримечательности города", "Врач и болезни" /или "Здоровье людей"/, "Человек и природа" и др.

При рассмотрении синтаксических особенностей прилагательных /полных и кратких/ в русском языке надо обратить внимание

студентов на два важных факта:

1/ На лексическую сочетаемость прилагательных /полных и кратких/, т.е. с каким распространителем они употребляются, т.е. какого падежа без предлога или с предлогом требуют, или требуют распространения инфинитивом и придаточным предложением. Значение усвоения сочетаемости слов подчеркивается и лингвистами, и методистами. Это камень преткновения для всех иностранцев, изучающих русский язык. О практическом значении усвоения сочетаемости слов высказывают свое мнение Л.А. Новиков³ и Г.И. Рожкова⁴.

1/а/ Лексическая сочетаемость /лексический минимум/ полных прилагательных /указан примерно в таблице № 2/ даем на основе двух пособий: "Неглагольная лексико-синтаксическая сочетаемость — словарь-справочник", авторы: С. Влахов, Л. Муцков. С., 1974; "Пособие по лексической сочетаемости слов русского языка". Минск, 1975, авторы: Т.И. Анисимова, З.Э. Иванова, Р.В. Ульянов.

Таблица № 2.

Прилагательные	Вопросы	Словосочетания
аккуратный	в чем?	человек, хозяйка, прическа в денежных отношениях
	до чего?	до тошноты
полезный	кому? чему?	дело, помощь людям, обществу
	для кого?	для детей
	для чего?	для здоровья
	в чем?	в работе

Примеры: Я услышала противный моему мнению вопрос. /чему?/

1/б/ Лексический минимум кратких прилагательных, который предлагается студентам, представляет собой параллельные списки на русском и болгарском языках, что позволяет полнее представить случаи соответствия и расхождения в обоих языках. Это показано на таблице № 3.

Таблица № 3

Краткие прилагательные, требующие распространителя			
без предлога		с предлогом	
русск.	болг.	русск.	болг.
<u>С Род. падежом:</u>			
полон	пълен	актуален	актуален
/кого?чего?/	с кого?	для кого?	за кого?
	с какво?	для чего?	/за какво?/
/народу/	/с народ/	/для современ- ников/	/за съвременни- ците/
достойн	достоен	безопасен	безопасен
/чего?/	/за какво?/	для кого? для чего?	за кого? за каково?
/этого зва- ния/	/за того звание/	/для детей/	/за децата/
<u>С Дат. падежом:</u>			
благодарен	благодарен	безразличен	безразличен
/кому? чему?	/на кого?/ за какво?/	/к кому? к чему?/	/към кого? към какво?
/всем/	/на всички/	/ко всему/	/към всички/
подвластен	подвластен	привычен	привичен
/кому?/	/на кого? на какво?/	/к чему?/	/към какво?/
/всем/	/на вас/	/к труду/	/към труд/
<u>С Вин. падежом:</u>			
		мрачен на вид	мрачен на вид
		глух на моль- бы	глух към мол- бите
		падок на лесть	обича да га даскаят

<u>С Твор. падежом:</u>			
беден	беден по дух	знаком	познат
/чем?/		/с кем?/	/с кого?/
/беден духом/		/с артистами/	/с артист- тите/
<u>С Предл. падежом:</u>			
		близок	близок
		/в чем?/	/в какво?/
		/во взглядах/	/по възгле- ди/

Примеры: "Там некогда гулял и я, но вреден север для меня" /П./;
"Девушка обаятельна своей улыбкой". К теоретическим случаям
употребления кратких прилагательных с распространителем относят-
ся и следующие:

а/ Краткое прилагательное требует рядом употребления части-
цы так, т.е. распространителем является частица "так": "Так кра-
сив этот город!"; "Такая красивая природа в Родопах!"

б/ Краткие прилагательные, требующие распространения инфи-
нитивом: бессилен, волен, обязан и др.: "Мы обязаны еще раз по-
ощрить этот божественный дар." /М. Зоценко/.

в/ Краткие прилагательные, требующие распространения при-
даточными предложениями: "Я был уверен, что ты обидишься".

2/ Вторая синтаксическая особенность прилагательных /пол-
ных и кратких/ заключается в выявлении их синтаксических функ-
ций в их конструкции:

2/а/ синтаксические функции полных прилагательных в кон-
струкции:

1/ Полное прилагательное выполняет роль согласованного оп-
ределения /при различных описаниях/: "Марфа достала из ящика но-
вую рубаху" /В.Ш./; "У Нины высокий лоб и черные глаза".

2/ Если полное прилагательное в постпозиции /обособленное/,

то оно выделяется запятой: "Старуха, злая, обиженная на сына, шла своей дорогой" /В.Ш./.

3/ В составе предиката — существительное плюс прилагательное — прилагательное обязательно выступает в полной форме: "Она женщина умная".

4/ Полные прилагательные в составе предиката при глаголах состояния: лежать, сидеть, стоять — прилагательное в им. п.; при глаголах: идти, пойти, вернуться, расти, родиться — прилагательное в тв. п.: "Коля бросил лопату. И сидит скучный, грустный" /М. Зощ./; "Он вернулся с работы усталым".

5/ Полное прилагательное в составе составного именного сказуемого с глаголами-связками: казаться, оказаться, являться, считаться стоит в тв.п.: "В семье своей родной она казалась девочкой чужой" /П./.

6/ Полное прилагательное в составе составного именного сказуемого с глаголом-связкой быть стоит в им.п., если признак постоянный и в тв.п., если признак временный: "Ночь была теплая и тихая под огромным небом" /В. Распутин/; "Во время разговора со знакомым он был тихим и вежливым".

7/ В сравнительном обороте со словами: так, точно, будто, словно — употребляется полное прилагательное: "Раненая птица лежала на земле словно мертвая".

2/6/ Синтаксические функции кратких прилагательных без пространителя, т.е. употребление краткого прилагательного зависит от смысла ситуации и контекста:

1/ Краткое прилагательное указывает на временное состояние признака, а полное — на постоянное качество: "Мы сыты, ужинать не будем"; "Мальчик сытый, здоровый, чувствует заботливый уход родителей".

2/ Употребление краткого прилагательного связано конкретно с данной ситуацией, т.е. указывает на ситуативность проявления признака: "Теперь я вижу, что ты согласна с этим, извини меня".

3/ Краткая форма прилагательного передает относительность

проявления признака, т.е. признак относится конкретно к кому-то, к чему-то: "Костюм тебе широк, а брюки коротки".

4/ При выявлении лексического различия в значении полного и краткого прилагательного: "Ребенок живой, резвый"; "Раненый жив, отвезите его в больницу".

5/ Стилистическая разница: полное прилагательное употребляется в разговорном стиле, краткое — в книжном: "Ты меня тоже прости, если я виноватый" /В.Ш./; "...всей своей поэзией Шевченко показал, как может быть силен и мужественен человек" /М. Зощ./.

6/ Если предикат находится в препозиции к группе субъекта, то прилагательное обязательно стоит в краткой форме: "Тиха украинская ночь" /Г./.

7/ Если при субъекте имеется определение, выраженное словами такой, какой, всякий, каждый, подобный, аналогичный, то в предикате выступает краткое прилагательное: "Такие объяснения необходимы".

На II-ом занятии со студентами рассматриваются теоретические случаи синтаксических особенностей кратких прилагательных с распространителем и без распространителя — 1/6/; 2/6/ и синонимичные случаи употребления кратких и полных прилагательных — 1-5.

Синонимичные случаи употребления кратких и полных прилагательных — 1-5:

1/ При отсутствии родового слова прилагательное в предикате может выступать в полной и в краткой форме: "Ленинград красивый /город/; "Ленинград красив".

2/ В полной и краткой форме выступают прилагательные: непроходимый, труднопроходимый, неперевариваемый, а вообще прилагательные на -им, -ем, -ом употребляются в краткой форме: "Этот лес непроходим"; "Этот лес непроходимый".

3/ В высказываниях-сообщениях краткая и полная форма в наст. вр. употребляется параллельно. Это стилистически нейтрально: "Книга интересная, прочитай ее"; "Книга интересна, прочитай ее".

4/ В вопросительной конструкции с частицей "ли" употребительнее краткая форма, но возможна и полная: "Трудна ли эта задача?"; "Трудная ли эта задача?".

5/ В научной речи /в различных подъязыках специальностей/ — в математике, в истории, в философии — употребляются краткие прилагательные: "Стороны прямоугольного треугольника перпендикулярны"; "Хоботок пчелы очень подвижный /подвижен/".

Усвоение употребления кратких и полных прилагательных связано с различием их функций в разных ситуациях. При этом очень важен психологический момент. Неправильно понятая учащимися ситуация, неправильный выбор полной и краткой формы разрушают в их речевом сознании структуру конструкции, обуславливают ее неправильное употребление. Необходимо соблюдать поэтапность умственных и речевых действий при выработке навыков. Г.И. Рожкова обращает внимание на сознательный путь усвоения материала из последовательных этапов: "...учащийся вначале осмысляет языковые явления, запоминает их, затем умеет пользоваться определенными закономерностями, и, наконец, в результате усиленной речевой тренировки активно владеет навыками и умениями"⁵.

По мнению А.А. Леонтьева⁶, усвоение языкового материала и его выход в речь идет следующим путем: 1/ осмысление языковой формы; 2/ выбор языковой формы; 3/ построение высказывания; 4/ употребление высказывания для выражения какого-то содержания.

На каждом занятии к теоретическим постановкам предусмотрены подходящие упражнения. В практике все упражнения принято делить по их методической цели на подготовительные и речевые⁷.

1. Подготовительные упражнения:

А. Упражнения аналитического характера:

1. Проанализируйте в следующих предложениях употребление полных и кратких форм. Сравните предложения с полной и краткой формой прилагательных:

Образец: Они начертили симметричные фигуры.

Эти фигуры симметричны.

2. Прочитайте предложения. Объясните дополнение-распространитель к предикату. В какой форме выступает прилагательное?

Образец: Он был склонен к преувеличению фактов.

3. Прочитайте предложения. Обратите внимание на употребление полных и кратких прилагательных в разных стилях:

Образец: Платина устойчива к окислению.

Купи этот материал на пальто, он легкий и прочный.

В. Упражнения тренировочного характера /перефразирование/:

1. Прослушайте текст, выпишите в столбик полные и краткие формы прилагательных и объясните их употребление. Перескажите текст:

Образец: "Народ здесь честный, почти нет краж, народ на редкость трудолюбивый. Люди живут долго, и не раз я видел восьмидесятилетних, которые рьяно работают в поле. Любой крохотный клочок земли возделан; и если даже скудна эта земля, человек умеет извлечь из нее все. Летом 1945-ого года на Болгарию обрушилось бедствие — засуха; такой не было полвека; но меньшие засухи здесь хорошо известны, болгары давно наметили план борьбы с этим злом". /Из рассказа "Звезда Болгарии", И. Эренбург, в книге "Друзья", С., "Нар. просвета", 1973/.

В. Структурные упражнения:

1. Составьте предложения с составным глагольным сказуемым — краткое прилагательное плюс инфинитив.

Образец: способен защищать — Сергей способен защищать слабого.

2. Продолжите ряд дополнений к данным ниже прилагательным:

Образец: Поспешен — в оценке, в своих выводах...

3. Вспомните краткие прилагательные, требующие разных падежей и составьте с ними предложения:

Образец: Обаятелен — Он обаятелен своей улыбкой.

Щедр — Он щедр на обещания.

4. Спишите предложения, поставьте вместо точек слова так или такой.

Образец: Ветер был ... сильный, что сгибал молодые сосны почти до земли.

Г. Трансформационные упражнения:

1. Измените предложения по образцу:

Образец: Этот ответ неправилен. — Это неправильный ответ.

2. Из двух простых составьте сложное предложение. Полную форму прилагательного замените краткой.

Образец: Этот стенд интересный. На нем представлены рисунки детей.

Этот стенд интересен тем, что на нем представлены рисунки детей.

Д. Упражнения по переводу:

1. Переведите с болгарского языка на русский. Обратите внимание на употребление полной и краткой форм прилагательных:

Образец: Днес тя е тиха и мълчалива.

Сегодня она тиха и молчалива.

Аз съм ти много благодарен за углугата.

Сделайте перевод на русский язык и поставьте подходящее прилагательное — краткое или полное из скобок:

Образец: Така са красиви брезите през есента.

/красивые; красивы/

3. Сделайте перевод связного текста под диктант /преподаватель или диктор читает болгарский текст, студенты переводят его на русский язык/:

II. Речевые упражнения:

1. Вопросо-ответные упражнения:

а/ Задайте вопрос к предложениям и вместо точек поставьте подходящие по смыслу краткие прилагательные:

Образец: Какъв началник вашего завода?

Начальник нашего завода честен в отношения к другим и объективен в своих предложениях.

б/ Услышав сообщение, возразите, употребляя слово "разве" и местоимения по выбору: этот, эта, это, эти.

Образец: Мы решили сложный вопрос.

Разве этот вопрос сложен?

2. Ситуативные упражнения:

а/ Учтите моменты предупреждения, предостережения, информационного сообщения. Составьте предложения и используйте в них в качестве сказуемого краткие формы данных прилагательных: ядовитый, смертельный, заразный, опасный, желательный, полезный:

Образец: Дорога неисправна. — Проезд опасен.

б/ Сделайте вывод-заключение, используя в нем прилагательные: богатый, доступный, миролюбивый, легендарный, мужественный.

Образец: Государственные библиотеки свободно открыты для всех. — Их книги доступны всем желающим просвещаться.

3. Упражнения творческого характера:

а/ Напишите сочинение на тему: "Превосходная должность — быть на земле человеком" /М.Г./ и, по возможности, употребите полные и краткие прилагательные.

б/ Расскажите, как поступили бы вы, если бы узнали, что ваш товарищ оказался в беде?

В нашей статье мы коснулись вопросов об усвоении болгарскими студентами-русистами употребления полных и кратких форм прилагательных. Из всего сказанного можно сделать следующие выводы:

Во-первых, надо направить внимание студентов на унификацию болгарских прилагательных.

Во-вторых, усвоение употребления прилагательных в русском языке должно идти в определенной последовательности, т.е. сначала надо рассмотреть особенности употребления полных прилагательных, потом — кратких, и в конце — синонимичные случаи употребления полных и кратких прилагательных.

В-третьих, следует обратить внимание студентов на словообразовательные, морфологические и синтаксические особенности кратких и полных прилагательных.

Надо подчеркнуть, что при рассмотрении тем методического характера надо иметь в виду следующий принцип подборки упражнений. Они должны быть даны в подходящей методической последовательности для автоматизированного употребления данной лексико-грамматической единицы и способствовать ее выходу в речь учащихся.

Примечания

1. М.В. Всеволодова. Употребление полных и кратких прилагательных. — РЯЗР, 1972, № 1, с. 63.
2. В.Г. Гак. Проблемы преподавания русского языка как иностранного филологам-русистам. — РЯЗР, 1977, № 2, с. 64.
3. Л.А. Новиков. Лингвистические основы методики преподавания русского языка как иностранного. — РЯЗР, 1976, № 2, с. 57.
4. Г.И. Рожкова. Общие принципы подхода к описанию языкового материала в практике обучения русскому языку иностранцев. — В сб.: Вопросы практической грамматики в преподавании русского языка как иностранного. МГУ, 1978, с. 32.
5. Г.И. Рожкова. К лингвистическим основам методики преподавания русского языка иностранцам. МГУ, 1977, с. 14.
6. А.А. Леонтьев. Некоторые проблемы обучения русскому языку как иностранному. МГУ, 1970, с. 43.
7. Обучение иностранному языку как специальности. М., "Высшая школа", 1975, с. 220.

ОБ ОДНОЙ РАЗНОВИДНОСТИ ДЕЕПРИЧАСТНЫХ ОБОРОТОВ И ЕЕ ТРАНСФОРМАХ

М.А. Корцич

Относительно строения и функционирования так называемых составных второстепенных членов, выраженных вспомогательным глаголом и именной или глагольной частью, в лингвистике существует мнение, согласно которому синтаксически неделимые сочетания типа начавший работать, став учителем по структуре аналогичны соответствующим составным сказуемым /начал работать, стал учителем/, но образованы и существуют независимо от них¹. Однако Л.В. Аникина, рассматривая систему формоизменения синтаксически нечлененных сочетаний, приходит к выводу, что формы будучи /бывший/ ученым и продолжая /продолжавший работать являются равноправными членами парадигмы исходных словосочетаний номинативного характера быть ученым и продолжать работать². Она убедительно доказала, что исходно-номинативная форма этих сочетаний, являясь составным эквивалентом инфинитива, как и полнозначный инфинитив, в предложении может выполнять роль любого члена, главного или второстепенного, а также входить в состав сказуемого /или главного члена безличного предложения/ более сложной структуры³. Опираясь на эти выводы, В.И. Чернов рассматривает трехчленное сказуемое как объединение не трех, а двух структурных единиц, двух конструктивных блоков: хотел быть студентом — хотел + быть студентом; должен стать веселым — должен + стать веселым и др.⁴. Давая функционально-семантический анализ связок в составе аналитического глагольного сказуемого, Л.В. Колесникова приходит к выводу о необходимости выделять в сказуемом две взаимозависимые синтаксические позиции /связку и смысловое ядро предикации/, имеющие свои типы морфологического заполнения⁵. Но поскольку работы Л.В. Аникиной, В.И. Чернова, Л.В. Колесниковой касаются в первую очередь основополагающих теоретических и методических сторон данной проблемы, авторы оперируют только такими примерами, в ко-

торых оба компонента — связка и присвязочная часть — имеют наиболее типичное, однословное выражение.

В учебных пособиях для вузов имеются указания на то, что вспомогательный компонент составного глагольного сказуемого может иметь неоднословное выражение. При этом имеются в виду фразеологизованные словосочетания типа иметь намерение, гореть желанием, изъявить согласие и под., которые могут занимать позицию модального глагола⁶. Однако подробного описания типов составных связочных средств не содержится ни в одной из работ, посвященных анализу сложных форм сказуемого, хотя значение однословных связок /быть, стать, казаться, начать и др./ раскрывается достаточно широко⁷. О структурной же характеристике грамматического центра деепричастных и причастных оборотов, кроме упомянутого соотношения со сказуемым, в специальной научной литературе вообще ничего не говорится⁸.

Объектом нашего описания является деепричастная форма одной из разновидностей сочетания, составленного по модели "сочетание-связка + глагольная часть", в частности, конструкция, в которой позицию связки занимают деепричастные формы сочетаний быть в силах, быть в состоянии, например: "И умолк, будучи не в силах продолжать из-за охватившего его волнения" /А. Чаковский. Блокада/; "— Неужели мы?... — со страхом подумал Суровцев, будучи не в состоянии даже мысленно произнести это" /там же/. При этом мы ставим перед собой следующие задачи:

- а/ определить структурную модель сочетания;
- б/ установить лексическое и функциональное значение каждой структурной части и сочетания в целом;
- в/ выяснить синтаксическую функцию деепричастных оборотов с данным сочетанием;
- г/ рассмотреть трансформационные возможности данной деепричастной конструкции.

Итак, сочетания "будучи не в силах продолжать" и "будучи не в состоянии произнести" представляют собой функционально-семантическое единство, состоящее из двух частей — веществен-

ной /продолжать, произнести/, заполняющей грамматический центр деепричастного оборота лексическим содержанием, и вспомогательной /будучи не в силах, будучи не в состоянии/, конкретизирующей вещественную часть в семантическом, грамматическом и модальном отношении. Правомерность такого членения данного единства на структурные части, выделения из его состава двусловного вспомогательного элемента оправдано следующим:

1. Сочетания быть в силах, быть в состоянии имеют единое лексическое значение "мочь"⁹.

2. Как и сочетания типа быть ученым, продолжать работать они обладают формами словоизменения, т.е. морфологической парадигмой, где, наряду с исходно-номинативной формой, имеются деепричастные, причастные и личные формы: быть в силах, Ø в силах, был в силах, была в силах, будучи в силах, бывший в силах и т.д.

3. Являясь лексическим наполнителем вспомогательной части, предложно-падежные формы в силах, в состоянии семантически и грамматически объединяются со связочным глаголом быть /а не с основным инфинитивом/ и только с ним и его формами способны образовать наречие "мочь". Сцепление быть непосредственно с инфинитивом /быть продолжать, быть произнести/ невозможно. Произвольное, неконтекстное соединение предложно-падежных форм с инфинитивом ведет к образованию сочетания, аналогичного форме настоящего времени. Ср.: в силах + продолжать — Ø в силах продолжать; в состоянии + произнести — Ø в состоянии произнести.

4. Формы конструктивных элементов быть в силах, быть в состоянии контекстуально /или ситуативно/ могут употребляться в роли отдельного члена предложения вследствие эллипсиса основного инфинитива. Например: "— Никуда она не поедет! Глупости все это, — сказала Надина мама и повернулась к дочери. — А ты сегодня же в госпиталь съезди, к начальнику, и объясни ему. Ты это вполне в силах" /К. Симонов. Живые и мертвые/.

Что касается функциональной характеристики спрягаемых форм сочетания "быть в силах /в состоянии/ + глагольная часть", то на этом нет необходимости специально останавливаться, так как

их употребление аналогично употреблению форм конструкций типа быть ученым, продолжать работать, достаточно подробно описанное в работах исследователей составных сказуемых.

Вещественный компонент изучаемой конструкции обычно представлен формой инфинитива полнозначного глагола, реже его замещает глагольный фразеологизм или глагольно-именное словосочетание: взять себя в руки, держаться на ногах, продолжать борьбу, выражать мысли, нанести удар, принять участие, приняться распутывать и др. Напр.: "Я не о жалости говорю, — наседали Кунгурцев, чувствуя, что становится неприличен в своей настырности, но не в силах взять себя в руки" /Ю. Нагибин. Чужая/. Как правило, вещественная часть обозначает определенные действия живых существ — людей и /реже/ животных:

1. Преодоление чувства, желания, действия, производимого субъектом или воспринимаемого им со стороны /самая многочисленная группа/: сдержаться /сдерживаться/, удержаться /удерживаться/ от улыбки, от восторга, от эмоций, от высказывания мыслей; заглушать мысль; унять дрожь; справиться с самим собой, с плохим настроением, с чувством; скрыть волнение; вынести /выносить/ вероломство; выдержать напряжение, взгляды; пережить событие; избавиться от мысли; отделаться от ощущения и др.

2. Процесс речи, общения: сказать, произнести, продолжать, написать, спросить, рассказать, донести, передать и др.

3. Мыслительную деятельность: думать, обдумать, рассуждать, осознать, понять, понимать, представить, различить, собраться с мыслями, удерживать ход мыслей и др.

4. Зрительное восприятие: увидеть, смотреть, созерцать, поднять глаза, оторваться;

5. Движение, перемещение в пространстве: идти, бежать, приехать, встать, подняться, настигнуть, остановиться, пошевелиться и др.

6. Целенаправленные, намеренные действия, поступки, зави-

сские от воли субъекта: бороться, дать, действовать, занять, изменить, назначить, предпринять, расшевелить, разорвать, распутать, скрыть, улечься.

Немногочисленные примеры, обозначающие состояние, неподвижность /заснуть, отдохнуть, занемочь, оставаться в бездействии/, трудовую деятельность /работать, делать, сделать, создать/.

Обозначение действий, признаков абстрактных понятий и неодушевленных предметов, выступающих в роли логического субъекта, для конструкции "быть в силах /в состоянии/ + глагольная часть" менее характерно. Таких примеров мало: "Потерпев поражение на западе, Франция не в силах была противостоять захватнической политике Японии на востоке" /В. Чуйков. Миссия в Китае/.

Таким образом, конструкция "быть в силах /в состоянии/ + глагольная часть" на синтаксическом уровне представляет собой структурную единицу /аналитический комплекс, аналитическое сочетание/ с единым лексическим, грамматическим и модальным значением, которая способна занимать позицию отдельного члена предложения или его вещественной части. Смысловое ядро данного аналитического образования /инфинитив, инфинитивная группа/ выражает психические и эмоциональные побуждения, процессы восприятия и общения, целенаправленные действия и движения, производимые одушевленным предметом /человеком, животным/, или свойства, качества неодушевленного предмета. Вспомогательная часть быть в силах /в состоянии/ компенсирует смысловое ядро аналитической конструкции в семантическом, грамматическом и модальном отношении¹⁰. В утвердительных предложениях аналитическое образование выражает возможность совершения действия, проявления признака, свойства, состояния, обозначенного инфинитивом /инфинитивной группой/, а в отрицательных репрезентируемое семантическим ядром значение утверждается как неосуществимое, нереальное, невозможное. Значит, общий смысл конструкции — возможность /невозможность/ выполнения логическим субъектом действия, проявления свойства, заключенного в семантическом ядре.

Каковы же синтаксические функции исследуемой разновидности деепричастных конструкций?

Необходимо отметить, что среди деепричастных оборотов с будучи образования со вспомогательной частью будучи в силах /в состоянии/ — довольно редкое явление. Из двух тысяч собранных нами примеров они составляют незначительную часть — 3,1 % /62 примера/. Причем все они выражают нереальный признак субъекта. Отрицательная частица располагается или непосредственно перед будучи, или перед предложно-именной формой: не будучи в силах /в состоянии/, будучи не в силах /в состоянии/; или с инверсией составляющих элементов: не в силах /в состоянии/ будучи. Правда, начальная и спрягаемая формы аналитической конструкции употребляются и без отрицания НЕ: "Разве я точно хотел такой развязки? Разве я в состоянии с ней /Асей/ расстаться?" /И. Тургенев. Ася/.

Установлено, что деепричастные обороты содержат элемент добавочного сообщения и связаны с подлежащим полупредикативными отношениями¹¹. П.Д. Богданов считает, что обособленные деепричастные конструкции являются выразителями логического предиката и в предложении выполняют предикативную функцию, которую следует считать основной. По его мнению, каждый деепричастный оборот также выражает временное отношение между действиями деепричастия и глагола-сказуемого, на которое наслаиваются обстоятельственные оттенки — причинно-следственные, условные, при которых возможно совершение действия, уступительные, обстоятельственные с различными значениями /состояние действующего лица, способа совершения действия, условия совершения действия, основания, квалификация/, сравнительные, сопоставительные, конкретизирующие, целевые¹².

Для наших примеров характерно меньше значений. Сдерживающим фактором функциональной многозначности, дополнительных обстоятельственных оттенков, по нашему мнению, является специфичность общего лексического значения аналитического образования в целом, которая ограничивает его сочетаемость с предикатом, а следовательно, и возможность вступать в синтаксические отноше-

ния со сказуемым любого лексического наполнения. В наших материалах имеются конструкции со следующими обстоятельственными значениями:

1. Причины совершения действия: "Грезы безумные" — сколько узников помрачилось умом, не будучи в силах противостоять галлюцинациям и кошмарам!" /Е. Воробьев. Земля, до востребования/. Ср.: "Сколько узников помрачилось умом, потому что не были в силах противостоять галлюцинациям и кошмарам!"

2. Условия, вопреки которым происходит действие /уступительное значение/: "...данная водная процедура, не будучи в состоянии расшевелить отсутствующие у осла мозги, вызывает, однако, неприятные ощущения в виде дрожи всего ослиного тела и непроизвольные вопли..." /В. Санин. За тех, кто в дрейфе!/. — Ср.: "Данная процедура, хотя она и не в состоянии расшевелить отсутствующие у осла мозги, вызывает, однако, неприятные ощущения..."

3. Состояния действующего лица в момент совершения действия: "— Я остриглась, — коротко отвечает она, будучи не в силах отделаться от ощущения неожиданного его прикосновения" /А. Коптяева. Дружба/. В этом значении деепричастные обороты не имеют соответствия среди придаточных предложений. Они соотносятся с обособленным определением: "— Я остриглась, — коротко отвечает она, бессильная отделаться от ощущения неожиданного его прикосновения". Иногда они могут замещать позицию именной части сказуемого, относясь к знаменательному глаголу-связке со значением движения, состояния, например: "Добрался он /Акакий Акакиевич/ домой, не в силах будучи сказать ни одного слова" /Н. Гоголь. Шинель/ — "Добрался он домой безмолвный /бессильный сказать хотя бы одно слово/".

4. Способа совершения действия, выраженного сказуемым: "Он /Эдмон/ опять увидел два ряда солдат, выстроившихся на крутом откосе, почувствовал, что ступеньки принуждают его поднимать ноги, заметил, что вошел в ворота и что эти ворота закры-

лись за ним, но все это бессознательно, не будучи в силах ничего различить" /А. Дюма. Граф Монте-Кристо/. Значение способа совершения действия в данном случае устанавливается благодаря отношениям однородности с наречием бессознательно.

5. Условия совершения действия: "Мне казалось, что и жить-то не стоит, задумав такую прекрасную картину /а как она была хороша в моем воображении!/ и не будучи в состоянии написать ее" /В. Гаршин/. — Ср.: "Мне казалось, что и жить-то не стоит, если задумал такую прекрасную картину и не в состоянии написать ее".

Следует заметить, что из-за отсутствия формальных показателей смысловых отношений в деепричастном обороте синтаксическую функцию оборота часто установить трудно. Добавочное обстоятельственное значение можно предполагать лишь на основании реальных связей между действиями, выраженными сказуемым и деепричастием. Поэтому данный пример можно толковать по-разному, квалифицируя выраженные деепричастными оборотами отношения как причинные: "Почему мне казалось, что и жить-то не стоит?" — "Потому что задумал такую прекрасную картину и не в состоянии написать ее". С другой стороны, с предшествующим деепричастным оборотом конструкция с будучи связана противительными отношениями: "...задумал такую прекрасную картину, но не в состоянии написать ее".

6. Времени совершения действия глагола-сказуемого: "Несколько лет назад говорящий кот скончался во время очередного выступления, будучи не в состоянии произнести слово "неоколониализм" /В. Катаев. Святой колодец/. — "Говорящий кот скончался во время очередного выступления, когда был не в состоянии произнести слово "неоколониализм"". Но так как деепричастный оборот выражает неопределенное состояние, совпадающее во времени с действием глагола-сказуемого /а не предшествующее или последующее/, то его временное значение проявляется слабо, более определенно ощущается состояние действующего субъекта.

Даже употребление конструкции с будучи в ряду однородных

членов не всегда способствует проявлению дополнительных обстоятельственных оттенков. Так, в предложении "Но старик, блаженно улыбаясь и будучи не в силах побороть ораторский зуд, горячо продолжал: — А я тебя вовсе не касаюсь, и даже ни вот столечно!" /М. Шолохов. Поднятая целина/ значение способа совершения действия в обороте будучи не в силах побороть ораторский зуд поддерживается сочинительной связью с предшествующим оборотом, выражающим способ говорения: "Как продолжал старик?" — "Блаженно улыбаясь" /трансформа с блаженной улыбкой/. С другой стороны, довольно отчетливо выступает и причинная связь оборота непосредственно со сказуемым: "Почему старик горячо продолжал?" — "Потому что он был не в силах побороть ораторский зуд".

Иногда смысловая связь между деепричастными оборотами, соединенными сочинительным союзом, настолько сильна /имеется специальный показатель отношений/, что отношения оборота со сказуемым отодвигаются на задний план. Например: "— Что с тобой? — крикнул я, крепко держа в руках драгоценную добычу и не будучи из-за этого в состоянии пошевелиться" /А. Шалимов. На пороге великих тайн/. Здесь оборот с будучи обозначает состояние, обусловленное действием, выраженным деепричастным оборотом "держая в руках драгоценную добычу". Между ними — причинно-следственные отношения. Значение следствия у конструкции с будучи сильнее, чем значение состояния субъекта в момент его речи.

Место расположения оборота в предложении по отношению к главным членам может быть различным, но это не оказывает заметного влияния на его значение. Он может находиться в начале, в середине или в конце предложения, предшествовать сказуемому или следовать за ним, контактировать со сказуемым или отделяться от него другими членами.

Установить характер синтаксических отношений /синтаксическую функцию/ между оборотом с будучи и сказуемым помогает замена его параллельными и синонимичными конструкциями — придаточным предложением, причастным оборотом, однородным сказуемым. Правда, такая трансформация не всегда возможна и иногда нару-

шает синтаксические и смысловые связи в предложении.

Обороты с будучи, имеющие причинное, условное, уступительное, временное значение, относительно свободно заменяются придаточным предложением /конструкции со значением состояния действующего лица и способа совершения действия не имеют соответствия среди придаточных/. При этом грамматический центр оборота трансформируется в сказуемое, т.е. деепричастная форма аналитического сочетания заменяется спрягаемой.

Если деепричастный оборот находится в конечной позиции, процесс трансформации обычно затрагивает только его грамматический центр: "Порядочно нахлебавшийся спаниель тупо уставился на вошедших, будучи не в силах оценить возникшую ситуацию" /М. Семенов. Галаховка/. Трансформа: "Порядочно нахлебавшийся спаниель тупо уставился на вошедших, потому что был не в силах оценить возникшую ситуацию". В других позициях стилистические соображения и законы строения придаточной части требуют введения подлежащего или перестановки структурных частей предложения в целом. Например: 1. "Не будучи в силах создать в Советской стране хотя бы какое-либо подобие "пятой колонны"", немецкая разведка стала на путь фальсификации и угодливо сочиняла факты, подтверждая высказывания Гитлера о слабости России" /В. Кожевников. Цит и меч/. Трансформа: "Так как немецкая разведка была не в силах создать в Советской стране хотя бы какое-либо подобие "пятой колонны"", она стала на путь фальсификации...". 2. "Здесь на циновке он находил оставленную ему долю завтрака, и, будучи не в силах пережить голод, съедал ее" /В. Тевекелян. Жизнь начинается снова/. Трансформа: "Здесь на циновке он находил оставленную ему долю завтрака и съедал ее, потому что был не в силах переносить голод". В данном случае постпозиция трансформы предпочтительнее, так как в препозиции усиливается пояснительное значение, характерное для вставных конструкций¹³. Ср.: "Здесь на циновке он находил оставленную ему долю завтрака и, так как был не в силах переносить голод, съедал ее".

Приведем пример трансформации предложения, в котором деепричастные обороты связаны соединительным союзом и выражают различные отношения: "Но старик, блаженно улыбаясь и будучи не в силах побороть ораторский зуд, горячо продолжал: — А я тебя вовсе и не касаюсь, и даже ни вот столечко!" /М. Шолохов. Поднятая целина/. Трансформа: "Но так как старик был не в силах побороть ораторский зуд, он, блаженно улыбаясь, горячо продолжал..."

Если деепричастная конструкция расположена непосредственно после субъекта действия, она может быть заменена определительным придаточным предложением, но при этом на первый план выступают качественное значение и связь придаточного предложения с подлежащим. Дополнительное обстоятельственное значение ослабевает или исчезает совсем. Например: "Раненные, будучи не в силах подняться, кричали ура вместе с атакующими, чтобы поддержать их и помочь всем, чем были в состоянии помочь" /И. Бразин. Северная тетрадь/. Трансформа: "Раненные, которые не были в силах подняться, кричали ура вместе с атакующими..."

Замена деепричастной формы аналитического сочетания причастной ведет к образованию распространенных определений. Вне контекста такая трансформация вполне возможна, так как причастная форма, как и деепричастная, — обязательные члены одной парадигмы. Однако в структуре предложения, где деепричастный оборот вступает во временную, смысловую и синтаксическую связь с другими членами предложения, такая замена допустима не всегда. Часто в результате трансформации изменяются синтаксические отношения и связи трансформы. Так как причастный оборот имеет только категорию прошедшего времени, то сочетание его с глаголом-сказуемым в форме настоящего времени вообще невозможно.

Сильными позициями, в которых находят свое выражение дополнительные обстоятельственные значения /причинное, уступительное, условное, способа совершения действия и др./, для обособленных согласованных определений является препозиция по отношению к определяемому существительному и любая позиция по

отношению к местоимению. В этих позициях трансформация сохраняет дополнительные функционально-синтаксические оттенки. Если оборот с будучи не располагается в этих сильных для определенных позициях, то его трансформу /причастный оборот/ следует сюда перенести, чтобы сохранились дополнительные оттенки. Например:

1. "...Не будучи в состоянии удержать долее порыва своего сердца, он схватил ее руку и сжал ее крепко" /А. Толстой. Упырь/. — "Бывший не в состоянии удержать долее порыва своего сердца, он схватил ее руку и сжал ее крепко". Причинное значение причастного оборота сохраняется и в постпозиции: "Он, бывший не в состоянии удержать долее порыва своего сердца, схватил ее руку и сжал ее крепко".

2. "Противник, будучи не в силах решительно преодолеть их сопротивление, даже в первые дни продвигался не более чем на 4,5-5 км. в день" /К.С. Москаленко. На юго-западном направлении/. — "Бывший не в силах решительно преодолеть их сопротивление, противник даже в первые дни продвигался не более чем на 4,5-5 км. в день".

Трансформация деепричастного оборота, тесно связанного по смыслу с другими членами предложения, меняя позицию, приводит к утрате обстоятельственного оттенка. Например: "Ну, вот и Пастухов возвращается!" — подумал Звягинцев с радостью, но подумал как бы во сне, будучи не в силах пошевелиться" /А. Чаковский. Блокада/. Трансформация: "Ну, вот и Пастухов возвращается!" — подумал с радостью Звягинцев, бывший не в силах пошевелиться, но подумал как бы во сне". В данном случае отрыв оборота от обстоятельства во сне, непосредственная связь с подлежащим на первый план выдвигают атрибутивное значение.

Как уже отмечалось, не поддаются трансформации предложения, в которых сказуемое выражено глаголом настоящего времени, так как при этом нарушается временное соответствие признаков, обозначенных причастием и глаголом. Особенно наглядно это на-

блюдается в тех случаях, когда конструкция с будучи со значением состояния субъекта является однородным членом деепричастного оборота, занимающего позицию именной части сказуемого:

"Мы видим все как в воду опущенные, безучастно во всем соглашаясь и не будучи в состоянии переварить происшедшее" /М. Прилежаева. Три недели покоя/. Здесь деепричастия совершенного вида обозначают действия, одновременные с действием глагола-сказуемого, т.е. сказуемое и деепричастия связаны отношениями одновременности. После трансформации эти отношения разрушаются, потому что однородные деепричастия заменяются причастиями прошедшего времени /"быть" не имеет формы причастия настоящего времени/, которые выражают действия, предшествующие действию глагола-сказуемого: "Мы, безучастно со всем согласившиеся и не бывшие в состоянии переварить происшедшее, сидим все как в воду опущенные".

Замена деепричастного оборота причастным связана с перестановкой структурных элементов предложения, меной отношений между ними, а это ведет к искажению смысла предложения, разрушению реальных связей и отношений между реалиями, отраженными в предложении. Контактирующий и согласующийся с поясняемым существительным оборот приобретает сильно выраженное определительное значение и поэтому свободно заменяется определительным придаточным предложением. Кроме того, причастная форма бывший не /в силах/ /в состоянии/ + глагольная часть громоздка по структуре. Поэтому выражаемые ею понятия и смысловые отношения в речевой практике находят другое словесное и синтаксическое оформление. Данные функционально-стилистические особенности, точнее недостатки, на наш взгляд, объясняют тот факт, что обороты со вспомогательной частью бывший не в силах /в состоянии/ в художественной литературе встречаются крайне редко.

Поскольку деепричастная форма аналитического сочетания быть в силах /в состоянии/ + глагольная часть обозначает добавочное, второстепенное действие /состояние/ и связана с подлежащим полупредикативными отношениями, то ее легко возвести до

уровня сказуемого, заменив будучи спрягаемой формой. Эта операция тоже влечет за собой изменение структуры предложения: обособленный член превращается в сказуемое. Становясь в ряд однородных сказуемых, трансформация обычно теряет некоторые дополнительные обстоятельственные оттенки. Правда, включение сочинительных союзов, расположение однородных сказуемых в логической последовательности помогают сохранить причинно-следственные отношения. Примеры:

1. "Четвертые, уже не веря и не надеясь, будучи не в силах терпеть невыносимое нервное напряжение последних дней, предпочитали смерть от собственной руки" /С. Смирнов. Сталинград на Днепре/. Ср.: "Четвертые, уже не веря и не надеясь, были не в силах терпеть невыносимое нервное напряжение последних дней и предпочитали смерть от собственной руки". 2. "Два раза он поднимал руку, чтобы перекреститься, и опускал ее, не будучи в силах донести до лба" /М. Шолохов. Тихий Дон/. — Ср.: "Два раза он поднимал руку, чтобы перекреститься, но был не в силах донести до лба и опускал ее".

Если деепричастная конструкция выражает состояние действующего лица и стоит в ряду однородных членов или в позиции именной части сказуемого, то трансформация невозможна. Например: "Он говорил это, навалившись на палку и будучи не в силах оторвать от нее худое, согбенное тело" /"Юность", 1979, № 8, с. 19/. Невозможно: "Он говорил это, навалившись на палку, и был не в силах оторвать от нее худое, согбенное тело". Еще пример: "Добрался он домой, не в силах будучи сказать ни одного слова" /Н. Гоголь. Шинель/. Невозможно: "Он добрался домой и не в силах был сказать ни одного слова".

В силу своего обобщенного бытийного значения и отсутствия формальных средств связи с другими членами предложения, деепричастие будучи может опускаться. При этом семантика оставшейся части аналитического сочетания не изменяется. Таким образом, в результате эллипсиса деепричастия образуется оборот во главе со вспомогательной предложно-падежной формой не в силах /не в

состоянии/ и основной глагольной частью. По выражаемым синтаксическим отношениям и связям он абсолютно идентичен своей исходной форме — деепричастному обороту: будучи может быть опущено в конструкциях любого из перечисленных выше обстоятельственных значений, в любой позиции:

1. "и, не будучи более сдерживаться /не в силах более сдерживаться/, заплакал громко-громко" /А. Гайдар. РВС/. 2. "Митя захохотал и сел в кресло, будучи не в силах держаться на ногах /не в силах держаться на ногах/" /А. Чехов. Радость/.

Такие сокращенные конструкции иногда встречаются в произведениях русских и советских писателей: "Пьер с удивлением посмотрел на него, не в силах понять, что ему было нужно" /Л. Толстой. Война и мир/; "Не знаете, что у вас в собственном расположении происходит? — не в силах сдерживаться, крикнул Захаров" /К. Симонов. Живые и мертвые/; "Сохатый стоял во весь рост в воде, не в силах убежать мгновенно" /"Комсомольская правда", 26 янв. 1978/.

Проведенные наблюдения позволяют сделать следующие выводы:

Грамматический центр деепричастных конструкций исследуемого типа состоит из двух конструктивных частей — вспомогательной /будучи в силах, будучи в состоянии/ и вещественной /инфинитивной или глагольной группы/.

Их семантико-синтаксическая неразложимость и структурное членение на два элемента /блока/ подтверждается единым лексическим значением, характером сцепления отдельных слов между собой, автономным функционированием конструкции в целом и ее структурных частей в составе предложения.

Общее лексическое значение аналитического сочетания — возможность/невозможность совершения субъектом определенного действия, акта коммуникации, восприятия, а также преодоления чувства, воли, интеллектуальных побуждений и т.д. В большинстве случаев этот признак характеризует одушевленный субъект, причем выражаемый признак утверждается только как неосуществимый.

Как разновидность деепричастных оборотов, связанная с основным действием глагола-сказуемого через подлежащее, эта кон-

струкция может обозначать, кроме полупредикативных отношений, отношения причины, уступки, состояния действующего лица, способа совершения действия, времени, следствия и, возможно, другие, характерные деепричастным оборотам вообще. Степень проявления этих обстоятельственных оттенков не одинакова, иногда очень ослаблена /вследствие отсутствия специальных показателей/ и обнаруживается лишь на основе учета реальных отношений между действиями и признаками.

По синтаксическому значению исследуемые конструкции соотносятся с соответствующими придаточными предложениями, причастными оборотами, однородными сказуемыми, в которых выступает спрягаемая или причастная форма исходного аналитического сочетания.

Конструкции не в силах /не в состоянии/ + глагольная часть, являющиеся следствием эллипсиса деепричастия будучи, имеют лексическое значение, функции и синтаксические связи, аналогичные значению, функциям и связям деепричастных оборотов, от которых они образованы.

Примечания

1. В.А. Добромислов, Д.Э. Розенталь. Трудные вопросы грамматики и правописания. /Пособие для учителей/, изд. 2, вып. I, М., 1958, с. 163—164; И.А. Каншин. Причастные и деепричастные конструкции в роли членов предложения /К вопросу о выражении членов предложения неделимыми сочетаниями слов/. — РЯШ, 1956, № 2, с. 33—34.
2. Л.В. Анкина. О соотносительности составного сказуемого и других членов предложения в современном русском языке. — Ученые записки МОПИ им. Н.К. Крупской, т. 257, вып. 16, Русский язык, М., 1969, с. 148—155.
3. См. также: Г.А. Золотова. К вопросу о способах выражения членов предложения. — РЯШ, 1958, № 1, с. 23—26.
4. В.И. Чернов. О компонентах сказуемого с инфинитивной формой связки. — Ученые записки МОПИ им. Н.К. Крупской, т. 278, вып. 17, Русский язык, М., 1970, с. 263—266.
5. Л.В. Колесникова. Специфика и типология связок в современном русском языке. АКД, Ростов-на-Дону, 1971, с. 19.
6. Н.С. Влагина, Д.Э. Розенталь, М.И. Фомина, В.И. Цапкевич. Современный русский язык, изд. 4-е, М., 1971, с. 334; Современный русский язык, ч. 2. /Морфология, Синтаксис/. Под ред. проф. Е.М. Галкиной-Федорук. М., 1964, с. 326.
7. Г.П. Домашенкина. Типы трехчленного сказуемого в двусоставном предложении. "Филологический сборник", вып. I, Хабаровск, 1959, с. 175—191; Г.Н. Груднева. Составное и сложное сказуемое в современном русском языке. "Вопросы русского языкознания". кн. 3, Львов, 1958, с. 161—180.
8. П.Д. Богданов. Обособленные члены предложения в современном русском языке. Орджоникидзе, 1977; И.В. Фурашев. Обособленные согласованные определения в современном русском языке. Владимир, 1975; Л.А. Тюкшина. Синтаксические функции деепричастных конструкций в современном русском языке. АКД, М., 1951 и др.
9. Словарь русского языка в четырех томах. т. 4, М., 1961, с. 128, 289.
10. Подробнее об этом см.: Л.В. Колесникова. Ук. соч., с. 614.
11. Н.С. Влагина. Синтаксис современного русского языка. М., "Высшая школа", 1973, с. 231—242.
12. П.Д. Богданов. Ук. соч., с. 106, 135—155. См. также: Л.А. Дерibas. Деепричастные конструкции в роли обстоятельства. — РЯШ, 1953, № 4.
13. С.Е. Крючков, Л.Ю. Максимов. Современный русский язык. Синтаксис сложного предложения. М., "Просвещение", 1969, с. 111.

ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ТЕКСТ НА ЗАНЯТИЯХ ПО РУССКОМУ
ЯЗЫКУ С БОЛГАРСКИМИ СТУДЕНТАМИ-РУСИСТАМИ

Г. Косева

В подготовке будущих филологов-русистов особенно актуальной /наряду с теоретическими дисциплинами/ является проблема изучения русского языка как иностранного в функционально-стилевом плане, ориентированного на развитие речи. Актуальность этого вопроса определяется несколькими факторами, непосредственно связанными с целями обучения в вузе: 1. Овладение системой языка во всей ее сложности не только теоретически, но и практически, что обусловлено высокими требованиями к преподавателям иностранного языка на современном этапе. Студенты на отделении Русской филологии ПУ после окончания университета становятся учителями русского языка и литературы; 2. Изучение русского языка вне языковой среды, близость болгарского языка, интерферирующее влияние которого на русскую речь болгарских студентов проявляется в фонетическом, грамматическом и лексическом планах¹, предусматривает поиски оптимальных методов преподавания русского языка. Из этого вытекают следующие основные задачи: 1. Дать студентам глубокую теоретическую подготовку; 2. Обучить их культуре письменной и устной речи, "которая подразумевает не только орфографически правильное письмо и знание основ грамматики, но и практическое умение создавать значительные речевые построения, как в устной, так и в письменной форме /доклады, рассказы, статьи и т.д./ с учетом различных стилей литературного языка"².

Для достижения поставленных целей занятия по русскому языку в ПУ ведутся по следующим аспектам: по фонетике, по лексике, по грамматике, письменной речи, разговорной практике и по переводу с русского языка на болгарский и наоборот. Несмотря на специфические задачи, которые решаются на занятиях по каждой из этих дисциплин, все они взаимосвязаны общностью проблем и преследуют одну цель: выработку навыков правильной устной и письменной речи. Наряду с этим у будущих филологов-русистов необхо-

димо развить языковое чутье и научить их работать с текстом. Последнее, на мой взгляд, является очень важным, так как текст представляет собой часть языковой системы, в которой представлены языковые единицы разных уровней: фонетического, лексического, морфолого-синтаксического, т.е. текст — явление сложное, многоаспектное и его можно изучать разносторонне: с одной стороны, структурно-семантическую организацию текста, т.е. его синтаксические параметры, с другой — отбор и функционирование лексических единиц, что зависит от экстралингвистических факторов. Разносторонний подход к изучению текста дает возможность выявить системные отношения в лексике, реализующиеся в парадигматике и синтагматике слова, помогает в изучении глубинных, деривационных связей и возможностей слова.

В статье ставится задача показать работу с художественным текстом на занятиях по русскому языку, которая ведется со студентами-русистами в Пловдивском университете имени Паисия Хилендарского, и наметить некоторые основные аспекты этой работы.

Чтобы преодолеть интерферирующее влияние родного языка, в нашем случае, болгарского, обучение по всем основным дисциплинам ведется на русском языке. Таким образом создается микроязыковая среда. Обучение русскому языку в функциональном плане призвано помочь студентам и в освоении истории русской классической и советской литературы, и в работе научных кружков и спецсеминаров, при написании курсовых работ по русскому языку и литературе. Поэтому на аудиторных занятиях и в самостоятельной подготовке студентов очень важное место занимает художественный текст. В некоторых советских вузах на филологических факультетах вводится новая дисциплина "лингвистический анализ текста" — ЛАТ, что подчеркивает актуальность проблемы текста, как "единого целого высшего порядка"³. В болгарских вузах на отделениях русской филологии выделяются часы для аналитического чтения, литературного чтения, синтетического чтения. Названия разные, но суть этих занятий сводится к лингвистическому анализу художественных текстов. Важным звеном в этой работе является и работа над про-

изношением и интонацией. Для повышения эффективности занятий очень важным является подбор и учебная организация материала. Поэтому при подборе отрывков и целостных художественных произведений мы руководствовались принципом нарастающей трудности. Для студентов I и II курсов мы подбирали отрывки из современной советской литературы, насыщенные лексикой, которую проходят при работе над темами "Учеба", "Семья", "Квартира", "Покупки" и т.д., а также отрывки из произведений классиков: А.С. Пушкина, Н.В. Гоголя, М.Ю. Лермонтова, А.П. Чехова, так как на II курсе студенты уже слушают лекции по русской классической литературе. На старших курсах работа проводится по текстам из классической и современной литературы. Однако здесь возникает противоречие между обучением языку и изучением теоретических литературоведческих дисциплин. Это в известной мере приводит к нарушению параллелизма, т.е. нет совпадения между текстами, которые анализируются на семинарах по литературе, и теми художественными текстами, над которыми ведется работа по русскому языку. Это обусловлено различной степенью владения языком студентами разных курсов. Изменения, происшедшие в языке со времен Пушкина до наших дней, конечно, нашли свое отражение в литературе. Язык классиков отличается от языка современных писателей как в лексическом, так и в синтетическом плане. Все это сказывается и на стилистических особенностях этих текстов. Мы стараемся выбирать отрывки из таких произведений, которые не проходятся подробно на семинарах по литературе, чтобы у студентов было более полное представление о данном авторе или произведении.

В лингвистическом анализе текста очень большое место занимает работа над лексикой. Слова как основные языковые единицы изучаются не изолированно, а как члены языковой системы русского языка. Особое внимание уделяется их лексическому значению, что дает возможность для адекватного усвоения слова, так как оно берется не изолированно, а в контексте, в речи. Наряду с этим выявляются и грамматические особенности слов /управление

глаголов, парадигма существительного, согласование прилагательных, причастий и местоимений с существительными и т.д./ в сравнении с болгарским языком. Таким образом, работа с художественным текстом не только расширяет словарный запас студентов, но также углубляет и их знание, и это повышает языковую культуру их родного языка. Наблюдения показывают, что благодаря речевому автоматизму родного языка болгарские студенты-русисты не умеют иногда объяснить значение и употребление болгарских слов. Для студентов слова оказываются привычными, знакомыми. В процессе общения между собой им не приходится толковать значения слов, а как филологи они оказываются беспомощными. На мой взгляд, очень важным моментом в этой работе является изучение семантической структуры слова и взаимоотношения между его лексико-семантическими вариантами. Это дает возможность студентам применять на практике теоретические знания по лексикологии, точнее по семасиологии.

Ученые единодушны в том, что языковые явления необходимо изучать в контексте. Именно контекст выявляет функционирование слов в речи. А в нашем случае художественный текст дает богатые возможности в этом отношении. Художественный текст, таким образом, используется как материал и как средство обучения чтению художественного текста существенно отличается от чтения текстов других стилей. Это связано прежде всего со спецификой слова. Слово многомерно, ассоциативно, метафорично и конкретно. В тексте наблюдается контекстное переосмысление слова, что особенно важно донести до студентов. Используя на занятиях по русскому языку художественный текст, мы развиваем у студентов навыки языковой догадки, т.е. студент занимается беспереводным чтением. На этих занятиях применяется стилистический анализ с элементами литературоведческого анализа. Система всех упражнений, которые используются во время работы над художественным текстом, должна быть направлена на "выделение и описание структурных единиц текста, что должно проводиться не только и даже не столько в аспекте синтаксиса текста, сколько в аспекте семантики текста"⁴, как

справедливо отмечает В.В. Одинцов.

На примере рассказа "Угощаю рябиной" А. Яшина покажу вариант лингвистического анализа текста, который, на мой взгляд, является эффективным в изучении русского языка иностранцами. Сам заголовок рассказа, являющийся по структуре простым определенно-личным односоставным предложением, в котором сказуемое употреблено в 1 л. ед.ч., подсказывает, что повествование будет непринужденным. Автор как бы хочет поделиться непосредственно с читателем своими сокровенными мыслями: через свое отношение и отношение разных людей к рябине раскрыть глубокую любовь к природе, к России. Ведь рябина -- символ России, о чем Яшин несколько раз упоминает. "Сама Россия!..., настоящая природа, настоящая Россия". Очень важным для раскрытия основной идеи рассказа является подбор слов и выбор разнообразных по структуре и интонационному рисунку предложений, использование сравнений. "Были одноствольные, а то к у с т о м, от корня в четыре-пять стволов... чтобы и он смотрел на мою рябину так же, к а к я на нее смотрю. Приняла бережно, из рук в руки, к а к е с л и б ы это был сигнальный экземпляр ее новой книжки... и птицы на каждой ветке жируют, перелетая, к а к и з г о с т е й в г о с т и..." На этих примерах можно раскрыть перед студентами разнообразные способы выражения сравнения в современном русском языке и поработать над конверсией.

В рассказе лексика очень разнообразна по своей стилистической окраске. Прежде всего встречаются нейтрально-литературные слова: угощать, рябина, природа, родина, клюква, еда, дрозд, детство и т.д. Они представляют собой названия разных денотатов: птиц /дрожд, рябинник/, растений и плодов /брусника, клюква, грибы/, абстрактных понятий /любовь/, действий /тянуться, принести, понюхать, ощутить, побегать/ и т.д. Эта группа лексики самая многочисленная в рассказе. Но автор умело использует и стилистически окрашенные слова. Сюда относятся уменьшительно-ласкательные /ягодка, полисаднички, частенько, веточка/. Слова с уменьшительными суффиксами хорошо изучены в лингвистике. Они имеют различ-

ную семантику, что подтверждается и данным материалом, т.е. не только называют предметы меньших размеров по сравнению с обычными экземплярами данного вида предметов. Например, книга — книжка /небольшая по размерам/, но в некоторых контекстах это слово приобретает дополнительные оттенки значения. Очень хорошо можно использовать этот же самый лексический материал в плане изучения русского языка в сравнении с болгарским, так как в болгарском языке слова-деминутивы используются реже и отличаются от слов русского языка своей стилистической окраской. Таким образом, достигается двойная цель: более глубокое изучение русского языка в практическом плане и повышение общей языковой культуры. В рассказе использованы некоторые разговорные слова: вкуснота, привораживать и т.д., которые однако вполне уместны. Встречаются и некоторые просторечные: снеть. Это слово является стилистическим синонимом нейтрального слова "еда". На примере этого синонимического ряда можно хорошо показать отношения между синонимами и предложить студентам выписать из Словаря синонимов подобные примеры и объяснить их. Данные примеры можно использовать и для упражнений по словообразованию.

Слова в системе языка имеют различные формы. Некоторые из них отличаются фонетически — имеют различные ударения. В данном тексте есть такие примеры: кислый, но в краткой форме кисла; вкусный — вкусна. Овладение ударением русских слов является одной из трудностей для иностранцев, изучающих русский язык, в том числе и для болгарских студентов. Это объясняется подвижностью русского ударения. Поэтому можно рекомендовать студентам запоминать указанные формы слов в словарном порядке. Но различие между русским и болгарским языком проявляется и в наличии в их словарном составе слов, совпадающих семантически, но отличающихся только ударением, например, химик /р. яз./ — химик /болг. яз./, физик /р. яз./ — физик /болг. яз./. Это, в основном, слова, называющие людей по их профессии, содержащие структурные элементы -ик, -лог /геолог, археолог/. При них легче можно добиться правильной постановки ударения, если студенты путем

самостоятельного наблюдения и анализа нескольких подобных пар русских и болгарских слов сделают вывод. Потом они обязательно должны составить с этими словами словосочетания и предложения, чтобы упражнения не были самоцелью, а получили выход в речь.

Естественно, что если лингвистический анализ текста делается для носителей языка, он будет иметь несколько иной характер по сравнению с лингвистическим анализом текста для иностранцев. Для последних очень важен сопоставительный анализ с родным языком. Это находит выражение и в переводе отдельных частей данного художественного текста, и в толковании лексических значений отдельных слов, и в изучении структурных единиц текста. На мой взгляд, очень полезной в этом отношении является лексико-грамматическая работа, направленная на выявление характера и типов языковой номинации, с чем несомненно связана и работа над семантикой слова. В этом плане рассказ А. Яшина "Угощаю рябиной" можно успешно использовать на продвинутом этапе обучения русскому языку иностранцев.

Примечания

1. См. К. Попов. Типичные трудности для болгар в русском языке. С., 1974; К. Бабов. Методика преподавания РЯ в болгарской средней школе. С., 1974.
2. С.Г. Ильенко. Изучение слова и проблемы развития речи. — В кн.: Слово как предмет изучения. Л., 1977.
3. Л.М. Лосева. Текст как единое целое высшего порядка и его составляющие. — РЯШ, 1973, № 1.
4. В.В. Одинцов. О структурных единицах текста. — В кн.: Лингвистические аспекты исследования литературно-художественных текстов. Калинин, 1977, с. 111.

ОПЫТ ЛИНГВОСТИЛИСТИЧЕСКОГО АНАЛИЗА ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ В УНИВЕРСИТЕТСКОЙ АУДИТОРИИ

К. Куглер

Студенты-русисты филологических университетов ВНР на первом этапе обучения /6 семестров/ приобретают обширные знания по истории русской-советской литературы, знакомятся с изобразительными искусствами, с развитием русской философской мысли. На семинарах по литературе художественные произведения обсуждаются главным образом в литературоведческом аспекте, и для более глубокого, стилистического анализа представляется возможность лишь в случае разбора поэтических текстов. Подвергать тщательному анализу прозаические тексты становится возможным на четвертом курсе в рамках специализации. Спецкурсу по лингвистической стилистике, который состоит из лекций и семинаров, отводится в среднем 48 часов в год.

В задачу лекционного курса по стилистике входит ознакомление студентов с основными направлениями стилистики и самыми важными стилистическими понятиями. На лекциях вопрос о сущности средств выразительности не ставится, поскольку учитывается, что эти средства на IV курсе уже всем студентам известны. Зато больше внимания уделяется таким вопросам, как специфические черты художественного текста, его структурные особенности, образ автора и возможные формы его речевой реализации. В связи с этой проблематикой на лекциях студенты получают нужную информацию о самых распространенных композиционно-речевых формах повествовательной речи. /В зависимости от коммуникативного задания повествование может иметь характер описания, рассуждения, сообщения, и соответственно особому отношению между автором и рассказчиком мы можем говорить об объективированном или субъективированном повествовании, но встречается и смешанный тип рассказчика./

Рассмотрев основные способы передачи речи персонажей в художественном тексте, мы отводим отдельную лекцию проблемам стилизации устной речи в художественном произведении. Освещаются

структурные особенности разных видов диалогической, а также монологической речи, и особое внимание уделяется сказовой манере речи и своеобразию несобственно-прямой речи.

На наш взгляд, в задачи лектора входит и ознакомление студентов с такими понятиями, как стилистический узус, стилистический прием, модальность текста /имеются в виду разные формы и компоненты экспрессивной интонации/ и т.д.

Систематическое описание стилистических ресурсов русского языка на лекциях не дается. Вопросы фонетической, морфологической, лексической, синтаксической стилистики затрагиваются в ходе лингвистического анализа художественных произведений на практических занятиях, или, например, студентам дается домашнее задание: обратить внимание на отдельные случаи синонимии.

Исходя из того общепринятого положения, что в последние десятилетия все шире вторгаются в художественную речь элементы устной речи /нормативной и также сниженной/, считается целесообразным посвятить отдельную лекцию стилистическим особенностям современной разговорной речи и вопросам просторечия.

И, наконец, мы считаем необходимым в рамках отдельной лекции рассказать о достижениях разных школ в интерпретации художественного текста. Студентам небесполезно получить основные сведения о школе формалистов, о выдвинутых ими разных теориях художественной речи /имеются в виду главным образом учения о прозе/, о развитии лингвистической стилистики в СССР, о разных направлениях стилистики в наши дни на родине и в других зарубежных странах.

После такой теоретической подготовки кажется уже возможным приступить к глубокому лингвистическому анализу художественных произведений на семинарах, опираясь при этом на лингвистические и литературоведческие знания студентов и учитывая то, что они в рамках практических занятий по письменному переводу на III-IV курсах уже получили основные сведения о функциональных стилях и уже имеют навыки перевода публицистических, официально-деловых и научных текстов.

После этого ставится вопрос о подборе самых подходящих для анализа текстов. В отличие от некоторых специалистов мы старались подбирать только целые произведения, а именно, рассказы. Предпочтение малых форм объясняется тем, что разносторонний, основательный анализ художественных текстов становится реальным лишь при ограничении объемов и жанровой принадлежности текстов. Рассматривая конкретные тексты, мы стараемся указать на возможные пути, подходы проникновения в глубинные пласты художественного текста. Знакомя студентов с разными приемами стилистического анализа, указывая на возможные модели строения текстов, мы хотим их подготовить к самостоятельному изучению художественных текстов.

Разбирая какой-либо рассказ, мы воспринимаем его как отдельно взятую, замкнутую систему, поэтому вопросами творческой биографии автора, возникновения данного произведения мы не занимаемся на занятиях, считая, что это не входит в наши обязанности и что творчество, например, Чехова студентам заранее должно быть известно. Исходя из данного принципа, мы отказались от изучения отрывков, взятых из романов. Анализ отдельных фрагментов должен непременно чем-нибудь ограничиваться, а в случае новелл осуществимо и полное, так называемое "монографическое" исследование текста.

При анализе текстов мы руководствуемся принципом, согласно которому для каждого из них существует отдельный, подходящий ключ, другими словами, соответствующий ракурс, с помощью которого нам удастся как можно больше понять из основной мысли данного рассказа. Поэтому общего рецепта проведения анализов мы дать не можем. На более позднем этапе уже сами студенты подсказывают, с чего начать анализ. На одном занятии преобладают изучение лексических пластов, анализ столкновения разностильной лексики, объяснение эстетической функции этих явлений, на другом -- оказывается возможным заняться композиционно-речевой структурой рассказа. В зависимости от особенностей текста можно сосредоточить внимание и на средствах экспрессивной вырази-

тельности.

Например, при анализе рассказа Чехова "Хороший конец" студенты должны найти в речи главного персонажа, оберкондуктора Стычкина, элементы официально-делового стиля, канцеляризма, штампы мешанского бытового общения, определить, когда появляются книжные обороты в искаженном виде. Следя за структурным изменением реплик героя, студенты должны объяснить социальную и психологическую мотивацию поведения героя и исходя из композиционного развития целого рассказа и из повествовательной части определить авторскую позицию.

Другой рассказ Чехова "Недоброе дело" представляет возможность обратить особое внимание на композиционные и речевые средства создания напряженности, а также на средства создания сниженности речи персонажей, на основе анализа морфологических, лексических и синтаксических особенностей рассказа.

Новеллы из Конармии Бабеля "Соль" и "Письмо" могут служить примером особой, письменной формы сказовой манеры. Разобравшись в особенной языковой стихии этих рассказов, студенты могут получить представление об общей стихии языка 20-х годов. В анализе другой новеллы из Конармии "Гедали" основной задачей ставится разгадать тайну необычайной поэтичности текста. Студентам приходится определить специфику средств выразительности и указать на их эстетическую роль в создании особой атмосферы мирка Гедали.

Рассказы Зощенко оказываются очень благодарным материалом для стилистического анализа. Студенты уже способны понять особый зощенковский юмор, но на занятиях предстоит научить их разгадывать механизм создания комического эффекта, то есть находить особые речевые средства юмора. Широко известные новеллы "Аристократка" и "Баня" являются как бы иллюстрацией комического сказа. Определив своеобразие повествовательной манеры рассказчика, студенты должны найти на разных уровнях рассказов проявление алогизмов, разного типа несоответствий, сначала на логико-семантическом уровне в строении фраз, абзацев, в сочетании семан-

тически несочетаемых слов, а потом в сочетании слов разной стилистической окраски. На основе этого становятся ясными алогичность мышления персонажей, несоответствие их реакций, поведения нормам морали, человеческого общежития.

Изучение средств создания комического эффекта можно дополнить анализом нескольких актов из пьесы "Клоп". В ходе работы выясняется, что комический эффект могут вызывать и морфологические, и фонетические элементы, говорящие имена, обыгрывание полисемии слов и т.д. /Это единственный случай, когда мы отступаем от общего принципа и разбираем не прозаический текст. Это оправдывается обилием языковых средств, создающих сатирическую интонацию пьесы./

В связи с анализом рассказов Шукшина стоит остановиться на следующих проблемах: взаимоотношение элементов разговорной речи и просторечия, место диалектизмов в художественной ткани этих рассказов, возможности и пределы воспроизведения диалогической речи в прозе, специфические средства создания иллюзии "звучащей" устной речи у Шукшина; средства языковой экспрессии на морфологическом, лексическом, стилистическом уровнях.

Анализ текстов начинается то с самых мелких, то с самых крупных единиц, он проводится то на основе индуктивного, то на основе дедуктивного метода соответственно специфике текста, или поставленным задачам. Кроме того, учитывается еще, насколько понятна основная мысль рассказа и насколько студенты сами справились дома с языковыми особенностями текста. В конце курса студенты уже должны уметь самостоятельно анализировать тексты, о чем должен свидетельствовать письменный комплексный стилистический анализ выбранного ими рассказа.

Целью практических занятий является: привить студентам навыки более тщательного, аналитического чтения художественных текстов, навыки стилистического анализа. Мы разделяем при этом мнение авторов книги "Лингвистический анализ художественного текста" М.И. Гореликовой и Д.М. Магомедовой: "Грамот-

ное' прочтение текста должно основываться на знании грамматики художественного текста, объективной интерпретации текстовых явлений, умении объединить отдельные семантические наблюдения в целостный эстетический смысл".

Немаловажная дополнительная задача этих занятий: способствовать лучшему, более сознательному овладению русским языком.

Нам известно, что предлагаемая нами лингвистическая направленность анализа художественных текстов или другими словами -- монографическое исследование рассказов, стихотворений, давно практикуется в разных аудиториях. Эти курсы называются по-разному, но их объединяет общая цель: осуществить точную, лингвистически обоснованную интерпретацию текстов.

По нашим сведениям, на филологических факультетах ВНР такого типа курсы не ведутся, поэтому нам хотелось поделиться своим опытом и рассказать об одной возможной форме проведения курса по стилистике.

О НЕКОТОРЫХ ТИПИЧНЫХ ЛЕКСИЧЕСКИХ ОШИБКАХ
НЕМЕЦКИХ УЧАЩИХСЯ

/Из опыта преподавания русского языка в
немецкой аудитории/

И.Ф. Рудакова

При изучении русского языка студенты и аспиранты различных национальностей, естественно, встречаются с трудностями, основой которых является грамматическая и лексико-семантическая система родного языка¹. В данной статье мы остановимся на некоторых типичных лексических ошибках немецких учащихся и попытаемся выявить причины, которые вызывают те или иные ошибки².

Соответствие некоторых русских слов одному слову немецкого языка часто затрудняет учащихся в выборе подходящего русского слова³. Например, для глаголов "управлять, руководить, заведовать" в немецком языке лишь одно слово — *leiten* /правда, в сочетании "управлять прибором", помимо *leiten* возможно употребление глагола *steuern*, а в сочетании "управлять машиной" в дополнение к *leiten* возможно употребить глаголы *lenken* и *steuern*. Глаголы "добиваться", "достигать", "успевать" эквивалентны глаголу *erreichen*; "идти" — *gehen*, "ехать" — *fahren*, "лететь" — *fliegen*, "плыть" — *schwimmen*, бежать — *laufen*; но "приходить", "приезжать", "прилетать", "приплывать", "прибегать" — *kommen*. Характерная ошибка немецких учащихся — "впервые я пришел в Ленинград в августе 1970 года".

Ввиду тесного переплетения в языке лексических и грамматических явлений на это нужно обратить внимание немецких учащихся при изучении глаголов однонаправленного и разнонаправленного движения — категории, отсутствующей в немецком языке.

Предлоги "за" и "для" в немецком языке соответствуют предлогу "*für*", что влечет за собой языковую ошибку "крейсер дал сигнал за штурм на Зимний дворец". При работе над целевыми контекстами необходимо подробно остановиться на различии в упот-

реблении предлогов "за" и "для" в русском языке.

Существительные "широта" и "ширина" в немецком языке выражаются одним словом *Breite*, отсюда языковая ошибка: "в XVIII веке приказали, чтобы дома были не выше, чем широта находящейся около этих домов улицы". "Некоторый" — *einige*, "несколько" — *einige*. Немецкие студенты не различают по смыслу предложения "некоторые" /т.е. не все/ студенты пришли на занятия" — *einige Studenten kamen zum Unterricht* и "несколько" студентов пришло на занятия" — *einige der Studenten kamen zum Unterricht*. При работе над субъектно-предикативными отношениями, когда сочетание "несколько студентов" выступает в роли субъекта, полезно указать на разницу в значении и употреблении количественного слова "несколько" и неопределенного местоимения "некоторый" в русском языке.

"Плотный" и "густой" по-немецки "*dicht*". В этом причина неразличения прилагательных /жили в плотном лесу одни люди/. Только достаточная языковая практика и хороший словарь позволяют немецким учащимся правильно выбирать русскую лексему. Обычно из нескольких русских эквивалентов студенты-немцы запоминают только один и применяют его независимо от того, в каком сочетании употребляется оно в родном языке⁴.

То же самое надо сказать относительно слов иноязычного происхождения. "Командир" и "комендант" переводятся на немецкий язык одним словом *Kommandant*; "пауза" и "антракт" соответствуют слову *Pause*. Отсюда ошибки в употреблении "он был комендант на войне", "когда была пауза, Гуров подошел к ней".

Лексические синонимы, отличающиеся различной сочетаемостью в русском языке, в немецком языке выражаются одним и тем же словом. Например, слова "отношение" и "соотношение" соответствуют одному слову — *Verhältnis*, тогда как в русском языке слово "отношение" имеет несколько значений и характеризуется очень широким кругом сочетаемости, а "соотношение" сочетается только с отвлеченными существительными /соотношение величин, соотношение понятий/. Немецкие студенты строят такие фразы: "Старшая

сестра сказала, что эти соотношения надо кончить" или "Он начал думать о соотношениях между ними /Гагина и Аси/"⁵.

Глаголы "извлечь" и "вытащить" в русском языке являются синонимами.

Если в русском языке можно сказать "извлечь корень", то "вытащить, удалить зуб", т.е. это синонимы, отличающиеся сочетаемостью и областью употребления, то в немецком языке в обоих случаях употребляется глагол ziehen.

"Короткий" и "краткий" в русском языке — синонимы, различающиеся сочетаемостью и сферой употребления. Можно сказать "короткий рассказ" и "короткая дорога", и это находит соответствие в немецком языке kurze Erzählung, kurzer Weg, но нельзя употребить слово "короткий" в сочетании с абстрактными существительными. В таких случаях употребляется слово "краткий", например, "краткое содержание книги". В немецком языке в данном случае тоже употребляется прилагательное kurz — kurzer Inhalt des Buches.

На это уместно указать при работе над лексической синонимикой русского языка.

Значение прилагательного schön в сочетании с существительными Musik /музыка/, Augen /глаза/, Gesicht /лицо/ соответствует русским прилагательным "красивый, прекрасный": schöne Musik — красивая /прекрасная/ музыка, schöne Augen — красивые /прекрасные/ глаза, schönes Gesicht — красивое /прекрасное/ лицо. Но в немецком языке слово schön имеет более широкий круг сочетаемости, оно может употребляться в сочетании с существительными Stimmung, Wetter, в то время как в русском языке слово "красивый" нельзя употреблять с существительными "настроение", "погода". В данном случае то же самое слово schön будет переводиться как "хороший", "прекрасный"⁶. Следовательно, семантический объем у слова schön больше, чем у прилагательного "красивый"⁷.

Каждый из синонимов русского языка имеет параллель в немецком языке, однако, сфера распространения одного из синони-

мов в немецком языке шире, чем в русском. Например, "лежать" — liegen, "стоять" — stehen, "находиться" — sich befinden. По-немецки можно сказать так: der Gegner lag am anderen Ufer des Flusses. По-русски это предложение можно перевести только таким образом: "Противник находился на другом берегу реки". Немецкое слово liegen /2/ синонимично sich befinden и stehen. Русский глагол "лежать" только в ограниченном количестве словоупотреблений является синонимом "находиться" /Лейпциг лежит на юге ГДР — Leipzig liegt im Süden der DDR/. В немецком языке сфера употребления глагола liegen значительно шире, что является причиной языковых ошибок. /Корабль лежит на Неве. Будущее этих детей лежит в руках большевиков/. Более широкой сферой употребления характеризуется глагол stehen. Так, в предложении "он следит за тем, что написано в газете" в немецком языке можно употребить как глагол schreiben, так и глагол stehen — Er folgt dem, was in der Zeitung steht /geschrieben steht/. На русский язык это предложение немецкие студенты переводят так: "Он следит за тем, что стоит в газете".

Разность — Differenz, разница — Unterschied. В русском языке "разность" характеризуется очень узкой сферой употребления, сочетаясь только со словами из области математики и физики /разность двух чисел, алгебраическая разность, разность потенциалов/; слово "разница" отличает более широкий круг сочетаемости. В немецком языке сфера употребления первого из синонимов значительно шире, чем в русском языке. Слово Differenz употребляется не только в области физики и математики, но и в тех случаях, когда в русском языке следует употреблять слово "разница". Например, предложение "Встречается разница в идеологии людей" на немецкий язык переводится так: Es tritt Differenz auf ideologischem Gebiet auf. Сравните еще пример неправильного употребления слова "разность" — "есть очень большая разность между происхождением барина и служанки".

"Знакомый" по-немецки bekannt, "известный" — bekannt, berühmt, но более употребительным для обеих лексем является be-

kannt, что также вызывает ошибки в употреблении этих слов. /Знакомый немецкий ученый Рентген открыл невидимые лучи/.

В немецком языке есть параллели к слову "лучше" — besser и к слову "больше" — mehr, но в немецком языке допускается употребление одного из них вместо другого: der Palast gefiel mir besser als der Park. Перевод немецкого студента: "дворец понравился мне лучше парка". Ср. еще пример: der Abend gefiel mir besser als der vorher gehende. — "вечер мне понравился лучше, чем в предыдущий раз".

Глагол "понравиться" уже заключает в себе определенную оценку, в современном русском языке с ним может употребляться только сравнительная степень "больше", выражающая количественную степень оценки. Сравнительную степень "лучше" можно употреблять в таких, например, компаративных конструкциях, как "этот дворец лучше, чем тот дворец", "контрольная работа написана лучше, чем предыдущая". Это целесообразно подчеркнуть при изучении сравнительных отношений.

Во всех приведенных выше случаях семантический объем слова немецкого языка больше семантического объема какого-либо одного русского слова, т.е. одному слову родного языка соответствует несколько русских слов-синонимов.

Иногда на понимание и употребление слова влияет значение сходных по звучанию слов русского языка.

Особенно часто немецкие студенты допускают ошибки в употреблении однокоренных слов, хотя в немецком языке им соответствуют разные слова. "Сила" — Kraft, "усилие" — Anstrengung, "провод" — Leitung, "проводник" — Leiter, "старый" — alt, "старший" — älter /ошибки в словоупотреблении: старая сестра; вместо старшая сестра; однажды старая сестра князя выходила замуж/.

Сравнительно часто немецкие студенты неправильно употребляют слова "мысль" и "смысл". /Мысль — Gedanke, смысл — Idee, Gedanke/. Предложение "У капитана мысль" имеет две возможности перевода на немецкий язык: der Kapitän hatte eine Idee. Der Kapitän hatte einen Gedanken — и ошибочное употребление в рус-

ском языке — у капитана был смысл. Впервые в голову этому офицеру пришел смысл потихоньку венчаться. Смысленно каждый прочил ее сам за себя. Сравните еще пример:

строительство /завода, города/	→	Bau, Aufbau
строение /ядра, атома/		
построение /графиков, функций/		

/Ошибки в словоупотреблении: советские специалисты помогли при строении новых заводов. Самым главным после войны явилось построение предприятий тяжелой промышленности/⁸.

То же самое можно сказать об употреблении однокоренных глаголов независимо от того, одному или двум словам они соответствуют в немецком языке, например, вступить /в организацию/ — поступить /на службу/ — eintreten, /Я вступил в Электротехнический институт, но я поступил в партию/; спросить — fragen, попросить — bitten, подготовить — vorbereiten, приготовить — zubereiten. /Она плохо подготовила обед/; учить — lehren, учиться — lernen, studieren, изучать — erlernen, lernen. Предложение "Я изучаю русский язык" на немецком языке соответствует двум конструкциям: Ich erlerne die russische Sprache. Ich lerne Russisch. Предложение "Я учусь в Электротехническом институте" также переводится с помощью глаголов "lernen" и "studieren" — Ich lerne /studiere/ am Elektrotechnischen Institut. Одинаковый эквивалент в немецком языке и похожее звучание слов русского языка вызывают языковую ошибку — "я изучаю в Электротехническом институте", "Берестов закончил изучение в университете".

Нарушить — stören; разрушить — zerstören. Немецкие учащиеся неправильно употребляют эти глаголы. "Дубровский решил нарушить дом". При объяснении ошибки необходимо дать перевод на родной язык — Dubrowski beschloß, daß Haus zu zerstören, — показать сочетаемость глаголов. Можно нарушить тишину, покой /stören die Ruhe/, но разрушить завод, дом, город /zerstören das Werk, das Haus, die Stadt/, например, в результате бомбардировки. Сфера употребления глагола zerstören в немецком языке

шире, чем в русском. По-немецки возможно сказать die Uhr zerstören — разрушить часы, что соответствует переносному значению глагола "разбить" в русском языке.

На сочетаемость нужно сделать упор при работе над сходными по звучанию глаголами "устареть" — veralten и "постареть" — altern. Устареть может машина, метод, концепция, взгляд, представление, а постареть может только человек. Это находит соответствие в немецком языке — "машина устарела" — die Maschine ist veralten; "человек постарел" — der Mensch altert /ist alt geworden/.

Аналогичным образом нужно работать над глаголами "запоминать" — sich merken и "вспоминать" — sich erinnern, чтобы избежать языковой ошибки /Он запоминает о тех людях, которые боролись на стороне Советского Союза/.

Большие затруднения для немецких учащихся представляют глаголы движения "нести" — tragen, "вести" — führen, "везти" — transportieren, поэтому при изучении этих глаголов целесообразно дать перевод на родной язык и личные формы глаголов в настоящем и прошедшем времени. Очень долго немецкие учащиеся смешивают глаголы "принимать" — an/auf/nehmen и "применять" — anwenden, "остаться" — bleiben, "остановиться" — stehenbleiben, anhalten, "рассказывать" — erzählen и "разговаривать" — sich unterhalten /Я буду разговаривать о развитии нашей страны. Она разговаривала много об истории Ленинграда/. При работе над всеми этими глаголами желательно дать их немецкие соответствия, личные формы глаголов, управление /рассказать что? разговаривать с кем? о ком? о чем?/, сочетаемость /рассказывать текст, новости; но разговаривать с товарищем, разговаривать о последних событиях на Ближнем Востоке, разговаривать по-русски/ и обязательно показать ситуацию, в которой они употребляются.

Как видим из приведенных выше примеров, не всегда возможно четко разграничить причины языковых ошибок немецких учащихся. Очень часто неправильное словоупотребление лиц немецкой национальности имеет своей основой целый комплекс причин, т.е. и

сходное звучание слов русского языка, и более широкую сферу распространения одного из слов-синонимов в немецком языке, и более свободную сочетаемость одного из синонимов.

Иногда прямому и переносному значению слова русского языка соответствуют разные слова немецкого языка. Например, "коснуться" I -- berühren, реже erwähnen /он коснулся рукой стола/, "коснуться" II — erwähnen /в докладе он коснулся важного вопроса/ -- Im Vortrag erwähnte er eine wichtige Frage. "лететь" I — fliegen "лететь" II — dahinhagen, /dahin/eilen, vergehen. Предложение "время летит быстро" будет переводиться на немецкий язык с помощью глаголов eilen и vergehen — die Zeit eilt davon /vergeht schnell/. Это также представляет известную трудность для немецких учащихся. Глагол "дать" в сочетании со многими существительными, преимущественно обозначающими действие, образует в русском языке сочетания со значением того или иного действия в зависимости от смысла существительного "Дать распоряжение /распорядиться/", "дать позволение /позволить/". В немецком языке круг этих существительных значительно шире, в частности, возможно сочетание глагола "дать" со словом "толчок" в прямом значении этого слова, тогда как в русском языке слово "толчок" в этом сочетании употребляется только в переносном значении /то, что вызывает что-либо, побуждает к чему-либо. Толчок к работе/. Появляется языковая ошибка — "Коваленко дает толчок Беликову, так, что тот полетел с лестницы". /Kowalenko gab Belikow endlich einen Stoß, so da jener die Treppe hinabflog/. В данном случае в русском языке возможно употребить только глагол "толкнуть".

Интересно, что в немецком языке именно сочетание "точка зрения" имеет прямое и переносное значение, тогда как в русском языке оно употребляется только в переносном значении. "Точка зрения" в значении "место наблюдения" — Standpunkt, "точка зрения" в переносном значении — Gesichtspunkt. Соответствие родному языку является причиной ошибочного употребления сочетания в русском языке — "с этой точки зрения /с горы/ хорошо было видно все вокруг" — von diesem Standpunkt aus war alles gut sicht-

bar.

Устойчивые словосочетания русского языка немецкие учащиеся воспринимают как кальки с родного языка. Отсюда языковые ошибки, например: "сделать впечатление", вместо "произвести впечатление" — Eindruck machen нем. /"Делать практику" вместо "проходить практику" /das Praktikum machen/, "давать вклад" вместо "вносить вклад" /Beitrag liefern/ и даже "приглашать себя в гости к товарищам" /о Беликове/ — sich bei den Kameraden einladen/.

Как кальку с родного языка немецкие учащиеся воспринимают именное сочетание "в центре внимания", употребляя вместо него сочетание "в середине внимания" /im Mittelpunkt der Aufmerksamkeit/, поэтому строят такую фразу "в середине внимания стояло не действие оперы, а внешний вид и знаменитость /известность/ певицы или певца".

Калькой с немецкого языка является и сочетание "пустыми руками" вместо "голыми руками" /будучи ничем не вооруженным, не оснащенным/. Например, "пустыми руками вместе с нашими друзьями из СССР нам удалось создать из ничего одну из развитых стран" /gemeinsam mit unseren aus der UdSSR gelang es uns, mit leeren Händen aus nichts eines der entwickelten Länder zu schaffen.

Глагольно-именное словосочетание "прийти в сознание" в немецком языке имеет две формы выражения: das Bewußtsein erlangen — zu Bewußtsein kommen /прийти к сознанию/ -- "Бэла пришла к сознанию в полночь".

Фразеологическое сочетание "знать, как свои пять пальцев" немецкие учащиеся заменяют сочетанием "знать, как свои /наши/ карманы", т.к. иное сравнение лежит в его основе в родном языке учащихся. "Мы знаем Ленинград, как свои карманы" — Wir kennen Leningrad, wie unsere Westentaschen.

Разрубить /рассечь/ Гордиев узел — разрешить сложный, запутанный вопрос смело, решительно, сразу — в немецком языке выражается с помощью глагола lösen — решить — den Gordischen Knoten lösen /решить Гордиев узел/. В этом фразеологическом сочетании выражается результат действия независимо от способа его

достижения. Тот же самый фразеологизм употребляется в немецком языке в иной форме — *den Gordischen Knoten zerhauen* /развязать Гордиев узел/. В данном случае подчеркивается способ совершения действия.

На продвинутом этапе обучения в целях предупреждения возможных ошибок учащихся нужно подбирать лексический материал так, чтобы он включал наиболее характерные именные, глагольно-именные и фразеологические словосочетания русского языка. При объяснении их значения и формы в русском языке полезно привести соответствия из родного языка учащихся. Это уместно делать и при работе над лексической синонимикой русского языка, а также над сходными по звучанию однокоренными словами русского языка независимо от того, одному или нескольким словам соответствуют они в немецком языке.

Чтобы учащимся была понятна разница в значении и употреблении русских слов и словосочетаний, нужно широко практиковать на занятиях ситуативные задания, которые нацеливают учащихся на употребление данного конкретного слова в данной конкретной ситуации.

Помимо ситуативных заданий полезно предлагать упражнения на лексическую сочетаемость слов в русском языке. Для этого преподаватель должен так отбирать лексический минимум, чтобы он включал лексические соответствия, а главное — несоответствия слов и словосочетаний русского и немецкого языков. Последнее необходимо учитывать также при объяснении вновь вводимых слов и словосочетаний.

Примечания

1. М.В. Всеволодова. Работа над причастиями, страдательными, безличными и неопределенно-личными конструкциями при изучении русского языка в польских группах. — В кн.: Русский язык для студентов-иностранцев. М., 1955. В.В. Татарова. Сопоставление явлений русского и болгарского языков при изучении русского языка в болгарской средней школе. — В кн.: Вопросы преподавания русского языка в странах народной демократии, М., 1961. Н.М. Лариохина. Об изучении темы "Лексическое значение глагольных приставок в чешских группах". — В кн.: Русский язык для студентов-иностранцев. М., 1962.
2. Что касается затруднений немецких учащихся в области грамматики русского языка, то они достаточно полно изложены в "Учебнике русского языка для лиц, говорящих на немецком языке", изд. "Высшая школа". М., 1964 и в книге В. Нечаевой *Schwierigkeiten der russischen Sprache*. М., 1966. В работе с немецкими учащимися также полезно учесть следующие статьи: Е.Б.Захава-Некрасова. Работа над глагольным управлением в немецких группах. — В кн.: Русский язык для студентов-иностранцев. М., 1955. Г.И. Рожкова. Из опыта работы над сложноподчиненным предложением в немецких группах. — В кн.: Русский язык для студентов-иностранцев. М., 1955.
3. Л.П. Даниленко. Применение сопоставительного метода в преподавании лексики русского языка. — В кн.: Некоторые вопросы лексики и грамматики русского языка и методика его преподавания иностранцам. ЛГУ, 1965. О.П. Рассудова. Некоторые вопросы лексической системы русского языка и методика работы над лексикой. — В кн.: Методика преподавания русского языка иностранцам. МГУ, 1967.
4. Ср. еще "расстояние", "дистанция" — Distanz, "маленький", "мелкий" — klein, "трудно", "тяжело" — schwer.
5. Ср. еще

Mädchen	<	девочка	schließen	<	запирать на ключ
		девушка			заключать договор
Aufgabe	<	задание			
		задача	kontrollieren	<	проверять
					контролировать
6. Часто немецкие студенты употребляют слово "очень" в сочетании с "прекрасный" — "сегодня очень прекрасная погода".
7. Иногда в немецком языке наблюдаются случаи противоположного характера, когда одно слово русского языка переводится различными словами на немецкий язык в зависимости от стиля языка. Так, существительному "колебание" в технических тек-

стах соответствует Schwingung, а в нейтрально-литературной речи Schwankung.

8. Ср. еще: однако — jedoch, aber; однажды — einmal, einst
/Однако эта девушка каталась одна/.

ПОДБОР ТЕКСТОВ ИЗ РУССКОЙ КЛАССИЧЕСКОЙ И СОВЕТСКОЙ
ЛИТЕРАТУРЫ И ИХ МЕСТО В ОБУЧЕНИИ РУССКОМУ ЯЗЫКУ
СТУДЕНТОВ-НЕСПЕЦИАЛИСТОВ

П. Савова

Русская классическая и советская литература являлась и является одним из важных и основных источников материалов, на которых обучались и обучаются русскому языку студенты-неспециалисты¹.

Язык и литература тесно связаны между собой и эта неразрывность еще раз подтверждается тем, что "язык это фундамент, на котором строится здание литературно-художественного произведения. Взаимосвязь языка и литературы объясняет ту важную роль, которую играет русская литература в обучении учащихся русскому языку"².

Результаты практических занятий сами за себя говорят, что языком можно лучше овладеть на отобранных отрывках из великих произведений³, чем на отдельных несвязных текстах. Художественный текст становится настоящей опорой для преподавателя и дает ему большую возможность для решения сложных многочисленных задач обучения языку в вузе.

Достижение многогранной цели обучения языку студентов-неспециалистов возможно только при правильном подборе текстов из художественной литературы, учитывая:

- а/ возрастной состав обучаемых и их знаний в области русской и советской литературы,
- б/ интерес к русской и советской литературе,
- в/ содержательную и эмоционально-воздействующую сторону отрывка,
- г/ познавательно-страноведческую значимость текста,
- д/ посильность текста.

Возрастной состав в вузе, хотя и немного, но все-таки разнороден. Знания в области русской и советской литературы тоже неодинаковы, так как студенты получают среднее образование в

различных учебных заведениях: в школах с преподаванием на русском, английском, немецком, французском языках, в техникумах, в профессиональных училищах. Все это преподаватель должен учесть, выбирая отрывок для занятий, если хочет добиться оптимальных результатов как в обучении языку, так и в воспитании нового человека — человека коммунистического общества.

Многолетняя практическая работа по языку, проведенные беседы, разговоры и анкеты со студентами говорят о большом интересе к русской и советской литературе. Приведем только один пример из анкеты, проведенной в мае 1981 года со студентами славянской филологии. На вопрос "Чем Вы хотите заниматься на занятиях по русскому языку?" ответы всех анкетированных были такого типа: 1. Рассматривать интересные незнакомые отрывки из русской и советской литературы. 2. Знакомиться с жизнью и творчеством современных советских писателей. 3. На материалах из русской классической и советской литературы усваивать трудности и особенности русского языка.

Все это дает нам право сделать конкретный вывод, что интерес к художественной литературе на данном этапе обучения существует, его сохранение особенно важно и нужно, так как он является одним из важнейших факторов для активизации учебного процесса и не случайно "интерес иногда сравнивают с маленьким парашютиком, который открывается первым и вытаскивает из ранца весь парашют — способности"⁴.

"Под влиянием интереса — психологический мир человека как бы преобразуется: мышление более глубоко познает предмет, память надолго сохраняет то, что связано с объектом интереса... внимание становится устойчивым, эмоции — более глубокими. Под влиянием интереса деятельность человека, связанная с предметом интереса, становится увлекательной и более плодотворной"⁵. Неподдельный интерес к занятиям помогает учащимся в определенной степени преодолеть языковой барьер, который в наших условиях обучения все еще существует.

Интерес усиливается, когда отрывок содержателен и эмоционально воздействует на читателя. Русская классическая и советская литература дает неограниченную возможность для выбора подходящего текста. Каждый преподаватель при выборе отрывка "должен спросить себя, что он даст ученикам, каким открытием красоты т е к с т будет для них..., какой урок хорошего вкуса он преподаст"⁶.

Вопрос о познавательной-страноведческой значимости текста в последние годы занимает значительное место в работах методистов, преподавателей русского языка и литературы, лингвистов. В нашей работе мы разделяем мнение Е.М. Верещагина и В.Г. Костомарова: "Содержание текстов учебника должно отражать современную советскую действительность... Требование ориентировать учебный текст на современную действительность отнюдь не запрещает обращения ни к истории нашей страны, ни к классической литературе XIX в., но, напротив, предполагает такое обращение. Важно однако, чтобы историческое повествование или стилистический анализ художественного текста проводились с позиций нашего для и через восприятие нашего современника и соотечественника. Существенно также, чтобы при этом шла речь о событиях или произведениях, занимающих важное место в духовной культуре советских людей"⁷.

Не на последнем месте стоит и вопрос о посильности текста. Уже не раз шли споры, и наверно они продолжатся до полного выяснения вопроса, об адаптации художественного текста для студентов-неспециалистов по русскому языку и литературе. Нужно ли адаптировать текст, и если нужно, в какой степени должна быть эта адаптация? Вопрос весьма сложен и ждет ближайшего разрешения. Имея в виду наши условия обучения и степень владения русским языком, мы — за слабую адаптацию⁸. Здесь мы должны дополнить, что работе над текстом предшествует комментирование непонятных бытовых, историко-культурных и географических особенностей, которые встречаются в отрывке. Наше мнение о слабой

адаптации и об использовании неадаптированных текстов основывается на том, что большинство студентов по окончании курса обучения русскому языку будут читать в оригинале русскую и советскую литературу.

Соблюдение всех этих требований при подборе художественных текстов дает преподавателю и студенту нужный материал для обучения русскому языку как иностранному. Правильно подобранный текст становится основным материалом для многих видов деятельности и упражнений в сложном обучающем процессе. С большим успехом на наших занятиях применяются несколько видов чтения: а/ ознакомительное чтение; б/ чтение с помощью "лингвистического микроскопа" /термин Шанского/; в/ изучающее чтение. Чтению уделяется место почти на каждом занятии, так как оно дает возможность читателю наслаждаться красотой русского языка, чувствовать русское слово, ведь именно в слове заключена огромная сила, и не случайно с такой любовью говорит о нем Р. Гамзатов: "Нет простого слова: оно либо проклятье, либо боль, либо грязь, либо цветок, либо ложь, либо правда, либо свет, либо тьма".

Целесообразно использование упражнений, опирающихся на художественный текст, следующего типа:

А/ Упражнения для расширения и закрепления словарного запаса обучаемых

1. Подобрать синонимы и антонимы к определенным словам и словосочетаниям из текста

2. Закончить предложение, употребив нужное слово

3. Употребить слова в ситуации

Б/ Упражнения для закрепления речевых навыков и умений

1. Пересказ, близкий к тексту

2. Пересказ с цитатами

3. Пересказ по плану и по опорным словам

4. Пересказ с попутной характеристикой героев

5. Дополнительные сведения о героях, об авторе или о самом произведении

6. Написать маленькое сочинение, используя фразеологизм

или языковой афоризм.

Пример на использование художественного текста:

Отрывок из произведения "Судьба человека", а именно, встреча Ванюшки с отцом:

1. Дается короткое, но интересное и не так популярное сведение о творческом пути Шолохова.

2. Проводится комментирование над словами и словосочетаниями: Урюпинск, чайная, с устатка, крыльцо, щи.

3. Чтение с помощью "лингвистического микроскопа" -- толкуется каждое незнакомое и стилистически окрашенное слово /парнишка, этакий, оборвыш, глазенки, ножонки, шустрый, порознь, дрожь, бьет, диву можно дать, ручонки и др./.

4. Подбираются синонимы к словам /глазенки, шустрый, порознь, отец, мать, родственник/ и обращается внимание на стилистическую окрашенность всех слов синонимического ряда.

5. Проводится беседа по вопросам к тексту:

а/ Почему Андрей обратил внимание на маленького оборвыша?

б/ Что узнает Андрей о жизни Ванюшки?

в/ Какое решение принял Андрей?

г/ Расскажите о чувствах, которые пережили Андрей и Ванюшка, найдя друг друга.

6. Опираясь на отрывок и на дополнительные сведения об Андрее, студенты работают над устным сочинением: "Образ Андрея Соколова — образ русского человека".

7. Определите темы, которые объединяют пословицы и поговорки: Жизнь — Родине служить, Человек без Родины — соловей без песни, Родная сторона — мать, чужая — мачеха, С родной земли — умри, не сойди, Чужой земли не хотим, но и своей не отдадим.

8. Студенты с помощью преподавателя указывают ситуации, в которых можно употребить выражения: "Друзья познаются в беде", "На миру и смерть красна".

9. Приводятся пословицы и поговорки болгарского языка, говорящие о любви к родине.

Приведенные выше примеры дают нам право подвести итог, что "Литература является мудрым и добрым помощником тех, кто учит великому русскому языку, приобщает студентов к прекрасному, к духовным богатствам русской культуры"⁹.

Примечания

1. Т.е. — неспециалисты по русскому языку и литературе.
2. М.В. Черкезова. Русская литература в национальной школе. М., 1981, с. 3.
3. Р. Clarac. L'enseignement du français. Р., 1969, с. 23.
4. С.Л. Соловейчик. От интересов к способностям. М., 1968.
5. Г.И. Щукина. Формирование познавательных интересов на уроке. — "Советская педагогика". 1957, № 8, с. 33.
6. Я.Г. Неструх. Метод анализа литературного текста в школах Франции. — "Литература в школе". 1974, № 1, с. 41.
7. Е.М. Верещагин, В.Г. Костомаров. Язык и культура. Лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного. М., 1976, с. 200.
8. А.Н. Васильева. Русская художественная литература в иностранной аудитории как предмет обучения и как материал при обучении языку. М., 1972, с. 22.
9. Ш. Сыздакова. Путь к богатствам русской литературы. — "Русский язык в казахской школе". 1980, № 2, с. 46.

СПОСОБЫ ПЕРЕДАЧИ РЕАЛИЙ НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ В СЛОВАРЕ НАЙДЕНА ГЕРОВА

М. Шахаран

Реалии продолжают привлекать внимание многих теоретиков и практиков перевода¹. Это "слова /и словосочетания/, называющие объекты, характерные для жизни /быта, культуры, социального и исторического развития/ одного народа и чуждые другому; будучи носителями национального и/или исторического колорита, они, как правило, не имеют точных соответствий /эквивалентов/ в других языках, и, следовательно, не поддаются переводу "на общих основаниях", требуя особого подхода"².

Цель настоящей статьи — проследить, каким образом передано значение реалий, относящихся к большой группе слов, обозначающей в переводоведении как БЭЛ /безэквивалентная лексика/.

Мы опираемся на 500 слов, выписанных из словаря Найдена Герова³, т.к. он первый в своем роде.

Из них 250 турецкого происхождения, 300 греческого и 220 — исконно болгарских. Слова турецкого и греческого происхождения заимствованы болгарским языком в разное время, но они давно полностью ассимилировались в болгарском языке, и обозначают типично болгарские предметы быта: ямурлук, софра, синия, фустан, чешма и др. Эти слова народ уж в то время использовал в своей устной речи, он их ощущал как свои народные. Никто себе сегодня не представляет болгарского народа и его быта без "хоро", "кебапче", "кюфте", "ракия" и мн. др.

В соответствии с классификацией С. Влахова и С. Флорина⁴, реалии распределяются в три большие группы, из которых самая многочисленная — это группа этнографических реалий, и в частности, слова, обозначающие предметы национальной одежды, обуви, украшения: аба /абѧ/, антерия /антери ѧ/, бърченикъ, зъбунъ /зибун/, калцени /калцунѧ/, либаде /либаде/, потури /патури/, сукманъ /сукманѧ/, цървули /царвулѧ/, чембер /чемберѧ/, чапрази /чапразѧ/, ямурлук /амурлукѧ/, амурлукѧ/ и

мн. др.

Проследив, каким образом передано значение выписанных реалий на русском языке, мы установили следующее:

1. В словаре имеется довольно большое количество реалий /180/, чье значение дано описательно только на болгарском языке. Ниже приведем лишь неполный список этих реалий, которые, на наш взгляд, отражают существенные детали болгарского национального быта того времени: аянин /а-янт и а-янинт/, бей, козяк /коз-акт/, кункума, кавал /кавалт/, либаде, мандра, миндер /миндерт/, остен /остент/, паламарка, пафти /пах-тѣ/, пендар /пендарт/, помак /помакт/, ракла, сач /сачѣ/, суджук /суджукт/, таласъм /таласъмт/, хромел /хромелт/, халище, чеверме /чевирме/, шиник /шиникт/, шоп /шопт/, хни.

Во-видимому, Найден Геров считал совершенно невозможным найти русское соответствие в качестве вспомогательного средства. Н. Геров отказался даже от попыток отыскать какие-либо параллели в русской национальной культуре и русском языке.

2. Вторую группу представляют реалии, чье значение передано на русском языке приблизительно. /Точного перевода и быть не может/. Это скорее всего перевод толкования реалии, что, впрочем, обуславливается тем, что русское соответствие является только подсобным средством, а не целью. Ниже приводится часть этих реалий и их соответствие:

а/ бъклица /бѣклица/ -- сосуд для вина, чечевицеобразной формы, сделанный на струг из одного куска дерева; делва -- большой глиняный кувшин с двумя ушками; гега -- пастушеский посох; зелник /зелникт/ -- пирог с капустой; кебап /кебапт/ -- мясо, жареное на вертеле; ръченица /ръченица/ -- пляска вприсядку;

б/ принцип родо-видовой замены использован при передаче содержания на русском языке 45 реалий: антерия - род кафтана; баница, погача, тутманик /тутманик/ -- род с еного пирога; попара -- род тюри, кръвавица /кръвавица/ -- род свиной кол-

басы; дама -- вид шашечной игры, хоро -- вид хоровода.

Содержание этих реалий передано единицами с более широким значением. Использован прием генерализации.

в/ В передаче реалий губер /губерѣ/, гѣдулка /гѣдулка/, сливовица, чепици, стомна /стовна/, чешма, ракия /ракиѣ/ и мн. др. дается не описание, своеобразный русский аналог: ковер, скрипка, сливовая водка, штилеты, кувшин, кубышка и корчага, фонтан и источник, водка и вино.

3. Значение множества реалий передано так называемыми аналоцизмами⁵, что недопустимо ни вообще в переводе, ни в словаре. Реалии болгарские заменены, объяснены реалиями русскими: таратор /тараторѣ/ -- пигус⁶ -- кислая похлебка с огурцами /носитель русского колорита/; махала -- посад -- ряд домов, порядок изб /русская реалья/; контош /контошь/ -- кунтуш -- род верхней мужской одежды, иногда на меху, со шнурками, с откидными рукавами /русская реалья/; цървул /цървулѣ/ -- лапоть -- короткая плетеная обувь на ножную лапу по щиколотке из лыка, мочалы, реже из коры ракиты, ивы, вяза /русская реалья/.

Значение нескольких реалий передано соответствующими словами в языках соседних русскому народу стран. Это объясняется их использованием в русской литературе в качестве экзотической лексики: аба /габа, айрян/ арьянь, паша, султань, фесь, халва.

Таким образом, основным приемом передачи реалий на русский язык в словаре Н. Герова следует считать:

- а/ их приблизительное толкование;
- б/ использование своеобразных аналогов;
- в/ использование аналоцизмов.

Целью Герова было вызвать в сознании русского читателя сходные предметные ассоциации, что и объясняет примененные приемы передачи значения реалий на русском языке и наличие довольно большой группы непереуведенных реалий.

Примечания

1. Напр., таких авторов, как А.В. Федоров, В.Н. Комиссаров, Я.И. Рецкер, В. Россельс, А.Д. Швейцер, С. Влахов и С. Флорин, Л.Н. Соболев.
2. С. Влахов, С. Флорин. Непереводимое в переводе. М., 1980, с. 47.
3. Н. Геров. Рѣчникъ на българский языкъ съ тълкувание речиты на болгарски и на русски /1859--1904/.
4. С. Влахов, С. Флорин. Ук. соч., с. 51--56.
5. С. Влахов, С. Флорин. Ук. соч., с. 116--117.
6. В. Даль. Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1956.

ФУНКЦИОНАЛЬНАЯ МНОГОЗНАЧНОСТЬ ДЕСЕМАНТИЗИРОВАННЫХ ГЛАГОЛОВ В РУССКИХ НАУЧНЫХ ТЕКСТАХ

В.М. Шевелев

Одной из причин активного изучения русской научной речи является необходимость построения рациональной методики обучения русскому языку иностранцев, так как существенную часть их языковой подготовки в учебных заведениях СССР составляет ускоренное обучение чтению научной литературы. Причем, если на первом этапе /50—60-е годы/ изучение научного стиля речи преимущественно выражалось в исследовании терминологии и составлении частотных словарей, то в настоящее время основной акцент делается на определении функционального своеобразия и значимости тех и иных общелитературных языковых единиц в научных текстах, на способах их организации и характере взаимодействия в пределах данной функционально-речевой подсистемы.

При таком подходе к изучению лексики научной речи необходимо выделить характерные функции, которые соответствующий класс /или подкласс/ слов выполняет в качестве элемента функционального стиля. Основной функцией любого знаменательного слова является номинативная. Однако, входя в качестве составного компонента в единицы вышележащих уровней — словосочетание, предложение, текст —, слово выполняет и другие функции, проявляющиеся как в соотношениях различных элементов текста, так и в отношении этих элементов к той или иной стороне /участнику/ коммуникативного акта. "...целостность /системный характер/ языково-речевой сферы предполагает ее расчлененность /структурированность/, которая обнаруживается... в функциональном плане. Единая функция представления /обозначения/ — единство функций более частного характера... Коммуникация представляет собой цепь выражений и отражений, субъективаций и объективаций..."¹.

Оценка функциональной нагрузки глагольного слова в научной речи также требует обращения и к понятийно-категориальной, и к

коммуникативной специфике соответствующей сферы общения. Тезис о функционально-семантическом своеобразии глагола в научном стиле речи является общепризнанным в советской лингвистической литературе. Главную особенность глагольного словоупотребления в научных текстах большинство авторов видит в общем ослаблении глагольности, выражающемся не только в количественном "вытеснении" глагола именем, но и в десемантизации первого: его отвлеченности, развитии связочности, активизации глагольно-именных аналитических сочетаний и глаголов широкой семантики, "утрате" большого числа системно заданных лексических значений².

Соглашаясь в целом с утверждением о меньшей /сравнительно с именем/ информативной нагрузке глагола в научной речи, отметим, что значение частично десемантизированных глагольных слов вовсе не безразлично для различения конкретных смысловых отношений, выражаемых в научном высказывании. "Подобно тому, как указание предмета, которому присуще то или иное свойство, не определяет однозначно, какое это будет свойство, указание вещей, между которыми существует отношение, в общем случае не определяет однозначно это отношение"³.

Анализ конкретного материала показывает, что значения многих даже самых абстрактных глаголов тонко дифференцируются в контексте научных произведений, а это, в частности, находит отражение в их синтагматике. Так, проведенные нами расчеты интеркорреляций глаголов по набору их дистрибутивно-синтаксических признаков в научных текстах⁴ показали отсутствие статистически значимого подобия в синтаксическом окружении глагола широкой семантики "существовать" с глаголами "иметься", "наблюдаться", "отсутствовать", "содержаться", которые, исходя из словарных дефиниций и на основе дедуктивных умозаключений, можно отнести к одной и той же семантической группе. Например, в "Словаре русского языка" АН СССР значение глагола "иметься" определяется таким образом: "быть, существовать, находиться в наличии"; в свою очередь, глагол "существовать" в первом, актуальном для научной речи значении имеет толкование: "иметься", быть в на-

личии".

Содержательный анализ фразовых контекстов этих глаголов, выписанных из научных текстов различной подязыковой принадлежности, приводит к выводу о том, что лексема "существовать" реализует в научной речи функцию обозначения "чистой" экзистенциальности $/Ex_1/$ ⁵, то есть передает информацию о том, что некий объект принадлежит элементам действительности: "В природе существует много бактериальных форм микробов..."; "Существует глубокая взаимосвязь между основными, фундаментальными законами всего современного языкознания..."; "Мы докажем, что по крайней мере у решения задачи рассеяния такие полюса действительно существуют...". Именно этой семантической функцией можно объяснить тот факт, что из 334 зафиксированных в выборке контекстов употребления глагола "существовать" в 135 случаях он отмечен без синтаксически зависимых от него членов.

В то же время глагол "содержаться", первое значение которого в словарях определяется как "иметься, существовать", в изученном материале не имеет ни одного пустого состава зависимых форм, а подавляющее число его синтаксических распространителей представлено формой bN_p , выражающей пространственную /в широком смысле/ локализацию объекта.

Характерной особенностью употребления глагола "существовать" в научной речи является и то, что во многих контекстах он синтезирует в себе системное значение экзистенциальности и оттенок гипотетичности или обусловленности: "Пусть, вопреки /12/, существует дифференциальная кривая..."; "При сформулированных предположениях существует цена..."; "Оператор A' с областью определения $D/A^{-1}/ = H$ существует тогда и только тогда, когда уравнение имеет...". Этот оттенок реализуется в окружении глагола "существовать" с помощью обстоятельственных распространителей с условным, причинным и следственным значением. Такие же распространители характерны для глаголов с событийным типом значений. Поэтому не случайно, что при отсутствии значимой статистической корреляции с глаголами "наблюдаться" и "иметься" глагол "существовать" по набору дистрибутивных признаков проявляет большое сходство с событийным глаголом "воз-

никать": "При взаимодействии полярных веществ /например, с водой как полярным растворителем/ возникают междипольные связи..."; "Эта схема возникает в результате замены в точках сетки производной по формуле..." и т.п.

Глаголы же "иметься", "содержаться", "наблюдаться" существенно отличаются от глагола "возникать" и обнаруживают сходство между собой, так как в научных текстах для них характерна прежде всего функция выражения локализованного наличия /Ex₂/⁶.

Таким образом, при сохранении системно заданного значения некоторые глаголы абстрактной и широкой семантики в научных текстах проявляют тенденцию к более строгой соотнесенности с тем или иным субкатегориальным семантическим признаком: экзистенциональности, пространственно локализованного наличия, процесса, события и др., — что и обуславливает сходство или различия в их синтаксическом окружении, особенности их корреляции с семантико-синтаксической структурой предложения. Практическая важность различения семантических функций "десемантизированных" глаголов /большую часть которых составляют глаголы отношения/ подчеркивается в работах методического характера, где они классифицируются на основе манифестируемых ими отношений в конструкциях, выражающих различные смысло-речевые ситуации⁷.

Неоднократно обсуждался в литературе о научной речи и вопрос о десемантизации глагола в составе глагольно-именных описательных выражений. Очевидно, с методической точки зрения более полезно и эти лексемы не сводить в обобщенный подкласс "десемантизированных элементов", чья семантика полностью растворяется в значении фразеологизированного глагольно-именного сочетания. Так, Н.Н. Перевезенцева пишет: "Степень смыслового "выветривания" в глаголе может быть различной, но полная грамматикализация происходит все-таки редко"⁸.

Обладая индикативными значениями⁹, эти глаголы специализируются на выражении таких функционально-семантических категорий, как каузальность, страдательность, процессуальность, собы-

тийность, уточняют фазовые характеристики глагольного действия и т.д.

Сопровождая один и тот же именной компонент, различные глаголы с индикативными значениями не только дифференцируют субкатегориальные семантические признаки, но и лексически разнообразят научный текст, дают возможность избежать буквальных повторений. Например: "расчет $[H^+]$ и pH, при которых происходит осаждение сульфидов, приведен в § 19... Образование SO_4 в свою очередь ведет к осаждению сульфатов бария, стронция и неизбежной потере их в процессе анализа. $Mg(OH)_2$ выпадает в осадок в том случае, когда...".

Важной функцией глагольного компонента устойчивых словосочетаний является его участие в конвергентных преобразованиях предложения¹⁰.

В замене "нерасчлененного" глагольного слова "расчлененной" /аналитической/ конструкцией, при которой некоторые субкатегориальные семы получают свое отдельное выражение, можно видеть отмечаемую в работах М.Н. Кожинной тенденцию к комплексной абстрактизации /"категоризации"/ лексического состава научной речи, а также проявление таких смежных стилевых черт, как точность и логичность.

Наряду с отмеченными факторами, проистекающими из особого характера номинации в сфере научного общения, рост числа связочных и частично десемантизированных глаголов можно объяснить и рядом факторов, определяемых коммуникативной спецификой научных текстов. Научный текст, как всякий коммуникативный акт, предполагает различение субъектного и предметного планов: всякий текст, с одной стороны, о чем-то повествует, а с другой стороны, написан кем-то и для кого-то. Автор научного текста чаще всего сам является исследователем, но субъектный план может включать в себя и двоякую соотнесенность: с автором-создателем текста и автором-исследователем. Третья сторона -- гипотетический читатель -- также влияет на отбор и функционирование тех или иных языковых средств: с их помощью автор увлека-

ет читателя в процесс рассуждений о предмете, апеллирует к их логике, опыту, побуждает к определенным умственным действиям и т.д. В самом тексте автор расставляет знаки-ориентиры, которые позволяют читателю следить за аргументацией автора, последовательностью изложения, обращать внимание на наиболее важные аргументы, соотносить их со сказанным ранее. Специализация многих из наиболее употребительных в русской научной речи глаголов на собственно коммуникативной функции — отражение общей тенденции к диалогизации языка массовой коммуникации в период научно-технической революции¹¹.

В качестве иллюстрации к сказанному укажем на две характерные для высокочастотной глагольной лексики научной речи функции, обычно не вычленяемые из общей связочной функции рассматриваемого лексического подкласса.

Первую функцию, вслед за Г.А. Золотовой¹², можно назвать "авторизующей". Суть авторизации состоит в том, что в предложении, содержащее ту или иную информацию об объективной действительности, вводится /при помощи различных языковых средств, включая глаголы/ второй структурно-семантический план, указывающий на "автора" восприятия, констатации или оценки явлений действительности, а иногда и на характер самого восприятия. Ср.: Статья полезна -- он считает статью полезной; статья представляется нам полезной; статья признается многими полезной.

Высокая степень авторизованности научных текстов является одним из главных способов лингвистического выражения такой важной для научной речи стилевой черты, как объективность изложения. Объективность как стилевая черта предполагает в числе прочего эксплицитное обозначение отношения содержания высказывания к действительности и указание авторства тех или иных утверждений, содержащихся в тексте. В авторизации научного высказывания участвуют многие высокочастотные глаголы: считать/ся/, признавать/ся/, представлять/ся/, понимать/ся/, говорить/ся/, допускать/ся/, предполагать/ся/ и др. Например: "Обычно говорится, что подчинительные союзы более тесно слиты с подчиняемы-

ми предложениями, образуя с ними 'одну цельную смысловую массу'..."; "Уже давно предполагалось, что крупные кристаллы не являются идеально однородными..."; "...если $a > 30 \%$, то электролит считается сильным".

Авторизующие глаголы функционируют в качестве полусвязок в простом предложении и в качестве "контактных"¹² слов в сложноподчиненных предложениях. Однако их структурные функции не вытесняют полностью функции семантические.

Вторая функция, которую мы назвали функцией "внутристилевого перекодирования", соотносится с понятием метаязыковой функции. Последняя, как известно, "связывает индивидуальный словарный запас со словарным запасом языковой общности"¹⁴. Функция внутристилевого перекодирования высокочастотных в научной речи глаголов заключается во взаимной идентификации эквивалентных знаков, в том числе и метаязыковых символов, допустимых общестилистическими и жанровыми нормами. В сфере научного сообщения эта функция приобретает особую значимость, во-первых, потому, что научная речь представляет собой систему семиотически разнородных знаков, между которыми необходимо установить однозначное соответствие /фактор внутренних соотношений/. Во-вторых, научная речь /особенно в учебной литературе/ часто служит средством общения автора с потенциальным типизированным адресатом, обладающим меньшим запасом понятий, символов, терминов в соответствующей области знания /фактор внешних соотношений/.

Речевые формулы, в которых реализуется эта функция, различны. Однако не трудно заметить, что в большинстве случаев в качестве структурного ядра и семантического центра таких высказываний употребляются глаголы ограниченного списка: называть/ся/, определять/ся/, выражать/ся/, обозначать/ся/, означать, записывать/ся/, читать/ся/, именовать/ся/, есть /форма глагола быть, используемая в метаязыковой функции/ и некоторые другие. Например: " $\text{Ca}/\text{HCO}_3/2$ называется гидрокарбонатом"; "Мощность множества натуральных чисел обозначается символом X "; "Утверждение

"элемент a принадлежит множеству A" символически записывается так: $A \ni a$ "; "Разность между новыми значениями и первоначальными называется приращением переменной и обозначается символом Δx /читается: "дельта икс"/".

Высокая частотность перечисленных глаголов не может быть объяснена без их соотнесения с указанной функцией в научных текстах. Ср. данные частотных словарей художественно-публицистической речи и общенаучной лексики /первая цифра после лексемы показывает ее частоту в "Частотном словаре современного русского литературного языка" Э.А. Штейнфельд, вторая — в "Частотном словаре общенаучной лексики под редакцией Е.М. Степановой/: называться — 63/631, называть — 80/440, выражать — 21/200, выражаться — 0/98, определяться — 0/296, обозначать — 0/271, обозначаться — 0/78, есть — 0/441 и т.п.

Внутристилевое перекодирование способствует достижению таких стилистических качеств, как ясность, точность и краткость, сокращая описательные выражения за счет введения узкоспециальных терминов. Эта функция особенно характерна для научно-популярной и учебной литературы.

Относясь к классу лексических единиц, в основе которых лежит понятие отношения, глагол часто является не только структурным ядром предложения, но и обеспечивает межфразовую связь, а также связь между фразовыми единствами и более крупными структурно-смысловыми блоками и коммуникативными частями научного текста. При этом глагольное слово, естественно, взаимодействует с другими лексическими, грамматическими и стилистическими средствами выражения связности. Активная роль глагольной лексики в организации синтаксиса текста обусловлена широкими парадигматическими и деривативными возможностями русского глагола. Наибольшая степень десемантизации глагольного слова /употребляемого преимущественно в неличной форме/ наблюдается в том случае, когда оно выступает в качестве идентифицирующего компонента высказывания: в функции идентификаторов в научном тексте обычно употребляются такие слова, как приведенный, рассматриваемый, перечисленный, указанный, описанный, данный,

сказанный и т.п. Основная функция таких слов -- служить словами-субститутами в конструкциях отсылочного характера: "Экспериментальная установка, схема которой показана на рис. 5, представляет собой замкнутый циркулярный контур... В рассматриваемой экспериментальной установке используется дистиллированная вода".

Неличные глагольные формы в данном употреблении фактически выполняют роль местоимений и актуализируются не в главных, а во вторичных, контекстуально-обусловленных значениях. Поэтому семантические противопоставления, существующие между глаголами дать, сказать, указать, привести, назвать, описать и т.п. в их свободном номинативном употреблении, почти полностью нейтрализуются, когда их неличные формы идентифицируют лексически связующие элементы текста. При этом глагольная /или отглагольная/ словоформа не просто дублирует возможности указательного местоимения. Если местоимения эксплицируют лишь ближайшие /чаще всего контактные/ межфразовые связи, то глагол может указывать и на более дистантные связи, в силу своей остаточной знаменательности и больших возможностей распространения. Поэтому с помощью десемантизированного слова /глагольной или отглагольной словоформы/ высказывание включается в более широкий контекст, речевую ситуацию или коммуникативный процесс.

Такую же десемантизацию можно видеть в употреблении многих глаголов движения, которые, актуализируя свои вторичные семантические функции, также употребляются в качестве логических связок между частями высказывания: остановимся на ..., перейдем к..., возвратимся к... Употребляясь в качестве внутритекстовых связок, эти глаголы входят в другие лексико-семантические парадигмы, так как реализуют не те значения, которые объединяют их в парадигме глаголов движения.

Ср., например, употребление глаголов коснуться, рассмотреть, остановиться в следующих предложениях: "Прежде всего следует коснуться распада белков и составляющих их компонентов..."; "Кратко рассмотрим вирусов возбудителей заболевших людей..."; "Здесь встречаются сапрофиты и автотрофы. Остановимся на некоторых из них".

В приведенных контекстах подчеркнутые глаголы являются функционально соотнесенными, несмотря на то, что в своих главных значениях они относятся к различным лексико-семантическим парадигмам.

Возможность использования личных и неличных глагольных форм как средства выражения внутритекстовых связей /с актуализацией их вторичных семантических функций/ не является специфической особенностью научной речи. Однако именно здесь в силу доминирующих стилевых факторов — подчеркнутой логичности и связности научного текста — эта функция приобретает особую значимость.

Итак, то, что в литературе получило название десемантизации глагола в научной речи, в функциональном аспекте мотивировано стремлением к более точной дифференциации и номинации релятивных и субкатегориальных значений. А внешне эта тенденция получает свое выражение в дискретности лексико-семантической сферы глагольности: в вынесении характеристики способов глагольного действия в план синтагматики, расчленении сложных глагольных смыслов в пределах аналитических структур и глагольной фразы в целом, а также в отдельной номинации некоторых субкатегориальных и интегральных сем, что находит выражение в частом употреблении родовых слов.

"Десемантизированные" глагольные лексемы играют важную стилеобразующую роль в языке науки, придавая изложению логическую точность, связность, объективность и в то же время обобщенность и отвлеченность — характерные стилевые черты этой функциональной разновидности русского языка. Вступая в определенные соотношения между собой, они как бы составляют логический каркас научного сообщения — вне зависимости от конкретной предметной специфики и подязыковой принадлежности текста. Этим обеспечивается стилистическая однородность научных текстов и в целом — гомогенность научного стиля речи.

Примечания

1. Э.Р. Атаян. Функциональная организация языково-речевой сферы. — В кн.: Методологические проблемы анализа языка. Ереван, 1976, с. 145.
2. О.Д. Митрофанова. Глагол в научной речи. — РЯШ, 1975, № 2, с. 80—86.
3. А.И. Уемов. Вещи, свойства, отношения. М., 1963, с. 112.
4. В.М. Шевелев. Системные связи глаголов "широкой семантики" в русской научной речи. — В кн.: Исследования по стилистике. Пермь, 1976, с. 151—158.
5. О.М. Селиверстова. Компонентный анализ многозначных слов. М., 1975, с. 35.
6. О.М. Селиверстова. Ук. соч., с. 36.
7. О.Д. Митрофанова. Научный стиль: проблемы обучения. М., 1976.
8. Н.Н. Перевезенцева. Выражение аспектуальности в глагольно-именных устойчивых сочетаниях и соотносительных с ними глаголах. — В кн.: Учен. зап. Моск. гос. пед. ин-та им. В.И. Ленина. 1971, т. 451, ч. I, с. 24—32.
9. А.П. Мордвилко. Очерки по русской фразеологии. М., 1964.
10. Н.М. Лариохина. О конвертировании предложений с устойчивыми глагольно-именными сочетаниями. — В кн.: Вопросы русского языкознания. Вып. 2, М., 1979, с. 83—92.
11. Научно-техническая революция и функционирование языков мира. М., 1973.
12. Г.А. Золотова. Очерк функционального синтаксиса русского языка. М., 1973.
13. С.Г. Ильенко. Сложноподчиненное предложение в различных сферах языкового употребления. — В кн.: Учен. зап. Ленингр. гос. пед. ин-та им. А.Н. Герцена. 1965, т. 268, с. 5—113.
14. П.Н. Денисов. Очерки по русской лексикологии и учебной лексикографии. М., 1974, с. 29.

ФУНКЦИОНАЛЬНАЯ ЭКВИВАЛЕНТНОСТЬ КАК ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ БАЗА ДЛЯ ОБУЧЕНИЯ СЕМАНТИКЕ РУССКИХ ЧАСТИЦ

К. Фабриц

1. В этом сообщении мне бы хотелось говорить о том, в силу каких причин функциональная эквивалентность /в дальнейшем: ФЭ/ может быть поставлена в основу обучения семантике русских частиц в венгерской аудитории.

Частицы — это часть речи, восходящая к различным другим частям речи, в том числе к глаголам /ведь, знай, мол/, наречиям /уж, еще, просто/ и союзам /и, да, же, даже/. Трудность понимания и усвоения семантики частиц объясняется как раз тем, что данный разряд слов совмещает в себе как некоторые элементы значения производящего слова, так и семы, присущие ему как частице.

Частицы выражают отношение говорящего к содержанию высказывания. При усвоении значения какого-либо знаменательного слова мы опираемся на свои знания о внеязыковой действительности. При изучении же частиц улавливание смысла конструкции, содержащей частицу, предполагает более сложный процесс восприятия. Различные "добавки" интеллектуального содержания к содержанию предложения облекаются в такую форму, которая с большим трудом поддается лингвистическому анализу. Как известно, частицы характеризуются асинтаксичностью /т.е. они не входят в рамки членов предложения/, и в то же время они находятся во власти синтаксического употребления /т.е. их значение актуализируется лишь внутри предложения/.

2. Зависимость актуального функционирования частицы от семантической организации предложения /а нередко даже от текста/ объясняет недостаточное толкование частиц в толковых словарях. Так, например, частицы разве и неужели в словарях русского языка толкуются одна через другую, что вряд ли поможет их усвоению иностранцами, поскольку эти лексемы в функционально-семантическом плане никогда не бывают точными эквива-

дентами. Если же студент обратится к двуязычным словарям, то эквиваленты этих слов приведут его к оформлению таких предложений, как **"Разве кто был здесь?"* или **"Неужели который час?"*, по аналогии предложений *"Vajon ki volt itt?"*, *"Vajon hány óra van?"*.

Из этих примеров видно, что частицы не обязательно имеют точные соответствия в других языках, так как они составляют специфику одного языка, объяснимую лишь в рамках данного языка. Однако, если иметь в виду высокую частотность употребления частиц в русском языке, особенно в разговорной речи, где они составляют почти одну треть всех словоупотреблений, то ясно будет, почему в спецсеминаре по русской разговорной речи большое место должно быть уделено изучению русских частиц.

Поскольку анализ значения частиц при помощи прямого их перевода на венгерский язык по упомянутым выше причинам не представляется плодотворным, придется прибегнуть к такой теоретической базе, которая способствует выявлению специфики актуального функционирования частиц. При этом важно отметить положительную и отрицательную стороны такого решения проблемы, сущность которого проиллюстрируем на простом примере.

3. Каждый студент, в активном или пассивном запасе слов которого имеется русская частица даже, переводит ее на венгерский язык словом sőt. Однако, если он должен употребить даже в предложении и перевести его на венгерский, то даже, как правило, не будет входить в состав венгерского предложения в форме sőt. Обнаружение эквивалента в венгерском языке достигается установлением функционально-семантической специфики частицы даже и определением функционально эквивалентного решения в венгерском¹. Данный процесс схематически представлен в следующем виде:

Схема 1.

/1/ Даже Иван выучил урок.

Парафраза: а/ "От него вряд ли можно было ожидать это"
б/ "Все остальные тоже выучили урок"

Определение сем парафразы в условиях функции:

а/ = предел

б/ = включение

Подбор эквивалентов по функции:

предел = még

включение = is

Порождение предложения:

Még Iván is megtanulta a leckét.

Проверка перевода на основе сравнения парафраз:

а'/ "Tőle ez aligha volt várható"

б'/ "A többiek is megtanulták a leckét"

ФЭ отражает отношение равнозначности роли двух элементов, и в этом заключается ее преимущество: ФЭ устанавливается в связи с актуальным употреблением частицы, т.е. она не охватывает всю семантику частиц. Из этого следует, что при изменении актуального применения даже или сочетания még ...is должна фигурировать другая разновидность ФЭ и, возможно, другой перевод, как это показано на схеме 2:

Схема 2.

/2/ Это <u>даже</u> великолепно!	→	⁺ <u>Ez még nagyszerű is!</u>
функция: предел		<u>Ez egyenesen nagyszerű!</u>
/3/ <u>Még almát is ettem.</u>	→	⁺ Я ел <u>даже</u> яблоко.
функция: добавление	→	<u>Я ел еще и яблоко.</u>
включение		

Итак, ФЭ сигнализирует не только об отношении равноправия между рассматриваемыми единицами², но ее односторонность может быть использована также в целях выявления изменения в функционировании изучаемой единицы.

Что касается конкретного применения ФЭ при обучении семантике русских частиц, то опыт спецсеминара в венгерской аудитории по особенностям русской разговорной речи убеждает

нас в том, что ФЭ есть надежный подход к обнаружению семантики частиц.

В рамках занятия меняются две взаимосвязанные стратегии. С одной стороны, определение значения конструкции с частицей осуществляется путем выявления ее функционально-семантической специфики. Это предполагает адекватное понимание /толкование/ смысла конструкции. Вслед за этим следует отыскивание возможных венгерских соответствий и взвешивание степени приемлемости той или иной конструкции, ср.:

Схема 3.

/4/ — Я ничего не понимаю.

— Разве вы не читали приказ гетмана?

— Читал.

разве

а/ сомнение

б/ потенциальное предположение } hát

перевод: Hát nem olvasta a parancsot?

/5/ -- Разве взять отпуск?

разве

а/ размышление

б/ колебание

vajon /+ -e/

перевод: Vajon vegyek /e/ ki szabadságot?

/6/ Уж он ходил, ходил... нет!

не может найти дороги...

уж

интенсивное проявление признака } csak

перевод: Csak ment, ment... az utat nem találta...

/7/ — Как ты думаешь, не простудится он?

— Уж не простудится! Тепло же!

уж

уверенность

несомненность

persze hogy

/már hogy + felt./

перевод: Persze hogy nem fázik meg. /Már hogy fázna meg./

Второй этап включает в себя более трудную задачу создания микроконтекстов, содержащих разбираемую конструкцию.

Ср.:

Схема 4.

/8/ Руки-то у тебя свободны!³

-то

возражение

контраст

— Подержи сумку!

— У меня тяжелый рюкзак.

— Руки-то у тебя свободны!

/9/ Почему же не примут?

же

возражение

несогласие

/повторная реплика/

— Тебя все равно не примут.

— Почему же не примут?

— Если сдам все экзамены на пять, должны принять.

/10/ Ну не сделали!

ну

возражение

возмущение

/повторная реплика/

— Я вижу, вы тут почти ничего не сделали.

— Ну не сделали! Мы сделали много, только пока этого не видно.

/11/ Такой уж возраст.

уж

примирение
аргументация
беспомощность

— Он все время на мотоцик-
ле катается.
— Что поделаешь? Такой уж
возраст. Все в этом воз-
расте доставляют родите-
лям неприятности.

Трудность создания подобных микроконтекстов вызвана тем, что при придумывании диалогов студенты должны учитывать не только степень приемлемости вставляемой конструкции с анализируемой частицей, но также обращать внимание на естественность и приемлемость всего микроконтекста в целом.

4. Выбор ФЭ как теоретической базы связан не только с методологическими рассуждениями. Взаимосвязь функции и значения частиц — вопрос, которому в лингвистике уделялось пока мало внимания. В литературе наблюдается произвольное применение терминов "функция" и "значение" по отношению к частицам. Характерно, например, что в работах о частицах авторы говорят о значениях усиления, выделения, подчеркивания и т.п., тогда как эти понятия касаются скорее функции, а не значения частиц. Вспомним в этом отношении замечание А.П. Володина и В.С. Храковского о расплывчатости и нетерминологичности таких высказываний, как "придание речи выразительности и напряженности" или "увеличение смыслового веса слов", которые являются столь характерными для определения функции усилительных частиц: "Мы, честно говоря, не знаем, что такое "выразительность" и "напряженность" речи с лингвистической точки зрения и не имеем каких-либо критериев, помогающих установлению их наличия или отсутствия"⁴.

Разграничение функции и значения частиц затрудняется тем, что слова данной части речи представляют собой такой разряд, которому свойственна определенная "десемантизация"⁵. Хотя этот термин мы считаем не совсем удачным ввиду того, что он предполагает утрату, а не изменение семантики, описание десемантиза-

ции все-таки обращает внимание на важное явление, сущность которого заключается в переходе слова /этимона/ с номинативной семантикой в слово с коннотативной семантикой. Другими словами, о десемантизации частицы уместно говорить, если мы сравниваем долю денотативного значения мотивирующего слова с отсутствием денотата в значении частицы. Если этимон называется, то частица выражает. Это свойство семантики частицы и есть причина смешивания функции и семантики.

Под значением частицы мы понимаем тот семантический инвариант, который наличествует во всех употреблениях данного слова и который непосредственно связан с семантикой мотивирующего слова. Значение частицы — это продолжение значения этимона, отличающееся от него выдвижением на передний план субъективно-модального элемента семантики. Под функцией же понимается актуальная реализация данного значения, направленная на внесение в смысл предложения того или иного проявления отношения говорящего к содержанию высказывания, к собеседнику, к акту коммуникации вообще. Таким образом, функция частицы сводится к выражению различных субъективно-модальных отношений говорящего, опирающемуся, с одной стороны, на инвариантное значение частицы, и, с другой, — на грамматическое оформление и коммуникативную направленность предложения.

Вместо подробного анализа соотношения значения и функции частицы /данная задача выходит за рамки статьи такого объема/, здесь остановимся лишь на одном примере, иллюстрирующем указанную взаимосвязь.

Как известно, лексема только в литературе отнесена к частицам /реже, в неславянской лингвистике/ к наречиям меры и степени. В этом употреблении только представляет собой универсальный логический оператор. В различных контекстах его значение можно перефразировать, например, так: 'не все', 'никто другой', 'ничто другое' и т.д. в зависимости от типа связи только с различными членами предложения. Функцию только при таком употреблении можно определить как выражение ограничения,

ср.:

/12/ Только Маша пришла

'Никто другой не пришел'

'Не все пришли'

'Ничто другое не произошло'

При переходе слова только в разряд субъективно-модальных частиц в его значении происходит любопытное изменение: значение ограничения сохраняется, однако оно воспринимается как бы с противоположным знаком, т.е. ограничение уступает место значению п р е д е л а. При этом функцию частицы в различных контекстах и сочетаниях можно расценивать по-разному, в зависимости от актуального коммуникативного содержания предложения.

Так, в предложении /13/ только участвует в выражении отчаянности говорящего, возможно, осложненной призывом к сочувствию, тогда как в примере /14/ функция данной частицы скорее сводится к выражению, скажем, опасения или боязни /для точного определения актуальной функции требуется более широкий контекст/, ср.:

/13/ Каких только болей нет в старых костях: и нытье и ломота...

/Паустовский/

/14/ — Подумать только! -- опять, но уже печально воскликнул Гривнин. — В такое утро где-то там в Белоруссии...

/Федин/

Семантическое сходство использования только в предложениях /13/ и /14/ проявляется в общности наличия значения 'предел', а функциональная разность вытекает из специфики грамматического оформления того или иного предложения /ср. своеобразие размещения и сочетания частицы только в данных примерах/.

Из вышесказанного следует, что при переводе предложений с модальными частицами исходным пунктом нужно считать функцию, а не значение частицы. Значение частицы содержит соотноситель-

ные элементы /семы/ семантики того слова, к которому она восходит. Совпадение или, по крайней мере сходство в двух языках этимологического пути тех или иных слов при превращении в частицы — явление весьма редкое⁶. Еще реже встречаются такие частицы в двух языках, которые более или менее совпадают не только с точки зрения их значения, но также и в сфере выполняемых ими функций.

Поэтому перевод предложений с частицами предполагает предварительное выявление функционального своеобразия переводимого предложения с частицей, на основе которого можно отыскивать потенциальные эквиваленты.

В свете вышесказанного дальнейшие исследования в области перевода частиц должны, на наш взгляд, быть направлены на детальное изучение соотношения значения и функции отдельных частиц, а также и на выявление тех "единиц измерения", которые могут быть поставлены в основу определения степени эквивалентности между переводимым предложением и предложением-оригиналом.

Примечания

1. Подробнее о предпосылках теории функциональной эквивалентности см., напр.: Gerald A. Sanders. Equational Rules and Rule Functions in Syntax. — In: Syntax and Semantics. Vol. 13: Current Approaches to Syntax. Academic Press, 1980, pp. 231—265.
2. Различные типы отношения функциональной эквивалентности описаны в статье Н.В. Арнольд. Эквивалентность как лингвистическое понятие. — ИЯШ, 1976, № 1, с. 11—18.
3. Ср. соответствующие упражнения по учебнику А.Н. Васильевой: A.N. Vasilyeva. Particles in Colloquial Russian. М., 1973.
4. А.П. Володин, В.С. Храковский. Опыт анализа семантико-синтаксических свойств усилительной частицы же /ж/ в императивных конструкциях. — В кн.: Семантика служебных слов. /Межвуз. сборник научных трудов./ Пермь, 1982, с. 25.
5. Подробно см.: К.Э. Штайн. О статическом и динамическом аспектах функционирования субъективно-модальных частиц. — Неполнозначные слова. Вып. 2, Ставрополь, 1977, с. 55—64.
6. Наиболее полное функционально-семантическое совпадение мы обнаружили в употреблении русской частицы ли и ее венгерского эквивалента частицы -e, см.: К. Фабриц. Частица ли в русских вопросительных предложениях и ее венгерский эквивалент, частица -e. — In: Dissertationes Slavicae, XIV, Szeged, 1981, pp. 181—213.

СТРАНОВЕДЕНИЕ -- ИСТОРИЯ КУЛЬТУРЫ.
ОПЫТ ПОДГОТОВКИ ПЕРЕВОДЧИКОВ РУССКОГО ЯЗЫКА

И. Феньвеш

Одной из ведущих дисциплин в подготовке переводчиков русского языка, ведущаяся с 1977 года на кафедре русской филологии Сегедского университета им. А. Йожефа, является "Страноведение". Содержание этой дисциплины, однако, существенно отличается от того, что под таким названием привычно для русских филологов. Отличие это заключается в том, что на занятиях по этому предмету студенты переводческого отделения получают по существу систематическую картину развития, а также современного состояния русской и советской культуры. В конце университетского курса выпускникам этого отделения присваивается квалификация переводчиков общественно-гуманитарного профиля. Данная дисциплина создает для них фоновую базу для всей будущей деятельности.

Принципы

Определение и подбор материала этого курса, естественно, не могли происходить в порядке лишь эмпирического компилирования разрозненных случайных элементов. Они должны были опираться на теоретически выверенные принципы, на более или менее экзактную методологию по истории культуры.

Во второй половине 70-х годов в венгерской исторической науке на эту тему проходила междисциплинарная дискуссия, вобравшая в себя лучшее из мировой идеологической мысли. Благодаря ей мы могли воспользоваться не только основными выводами этого важного обмена мнениями, но, поскольку итоги дискуссии были органически встроены в ряд обобщающих трудов, в частности, в уже вышедшие к настоящему времени тома 10-томной "Истории Венгрии", нам удалось опереться и на практическую модель марксистской истории культуры.

Главные моменты этой концепции, с опорой на обобщение академика Б. Кеpeci, можно суммировать в следующем¹.

Учитывается и более широкий аспект истории культуры, изучающей в качестве своего предмета как материальную, так и духовную культуру, а также более узкий, ограничивающий свой круг культурой лишь духовной. Поэтому в этом курсе целесообразным было признано рассматривать комплексное развитие общественных форм сознания, т.е. идеологический спектр надстройки в следующих основных проявлениях:

а/ мировоззрение, т.е. система ценностей и норм, их взаимодействие на житейское сознание и поведение,

б/ деятельность учреждений, занимающихся распространением культуры,

в/ роль и функция интеллигенции,

г/ характер, функция и продукты литературы и искусства, их воздействие на житейское сознание и поведение,

д/ духовная культура быта различных классов и слоев,

е/ традиции и новаторство в культуре отдельных эпох и периодов.

Характер и функция курса

Характер нашего курса истории культуры нам представляется достаточно индивидуальным, так сказать, разовым, поскольку он функционирует только в рамках этого обучения -- подготовки переводчиков общественно-гуманитарного профиля, причем главным образом письменных, и только во вторую очередь устных. Специфика его состоит в том, что в рамках, определяемых программой, он дает достаточно полное представление о русской культуре, как в теоретическом, так и в практическом плане.

Функция курса определяется в создании прочной базы фоновых знаний для самостоятельной переводческой ориентировки в различных областях русской гуманитарной культуры. Этим определяется и практический путь отбора материала /в свете изложенных выше методологических принципов/.

Применительно к истории венгерской высшей школы это означает, что работа над созданием программ курса и начало его практического ввода совпали с начальным этапом реформы по подготовке филологов современных иностранных специальностей. В частности, наблюдалась определенная параллель в реализации назревшей тенденции к расширению содержания обучения в плане истории культуры. Имеется в виду отступление от господствовавшей ранее литературно-центрической концепции в сторону более широкого показа всего спектра форм общественного сознания. Что касается количества, 4-летний срок обучения, а также конкретные задачи всей подготовки обусловили некоторое сужение отбора в пользу наиболее существенного, основного материала по истории культуры по сравнению с подготовкой филологов.

Содержание

Содержание курса реализует историю русской культуры на уровне трех concentрических кругов:

а/ политическая история, современная экономика, география, современный общественно-политический строй,

б/ художественная надстройка: литература, изобразительное искусство, музыка, театр и кино,

в/ языковая культура.

Тематика охватывает следующие основные разделы:

А. Обзор физической и экономической географии СССР.

Б. История. Киевская Русь. Феодальная раздробленность. Московская Русь. Иван Грозный. Борис Годунов. Войны против Швеции и Польши в 17 в. Реформы Петра I. Крепостническая система. Восстание Пугачева. Наполеон и Кутузов. Декабристы. Реформа 1861 года. Революционные демократы и народники. Начало рабочего движения. Плеханов. В.И. Ленин. Революция 1905 года. Первая мировая война. Великая Октябрьская социалистическая революция. Гражданская война. НЭП. Строительство 30-х годов. Великая Отечественная война. 1953 — конец культа личности. Современная внутренняя и внешняя политика СССР. Общественный и государственный строй. Многонациональность советского государства. Сис-

тема образования и культуры. Наука, спорт и массовая коммуникация.

В. Три вида народного искусства: материально-бытовое /основные формы и стили/, музыка /инструменты, типы народных песен/ и устный фольклор /главные жанры/.

Главные узлы древнерусской литературы. Судьба трех основных видов в XVIII веке. Классицизм и барокко. Русский сентиментализм. XIX век — золотой век русской литературы. Романтизм. Пушкин, Лермонтов, Гоголь. Русский роман: Гончаров, Тургенев, Чернышевский, Салтыков-Щедрин, Достоевский, Л. Толстой. Лирика: Тютчев, Фет, Некрасов, А. Островский. Проза и драмы Чехова. Литература начала XX века. Символизм. А. Блок.

Горький и начало социалистической литературы. Маяковский. Литературные группировки. Поэзия и проза 20-х годов. Роман-эпос. Драма 20—30-х годов. Великая Отечественная война в литературе. Послевоенная и современная советская литература. Главные представители литературы народов СССР.

Русская и советская литература в Венгрии.

Г. Основные этапы, жанры и формы древнерусского искусства. Барокко XVIII века: портрет, архитектура и скульптура. Классицизм в ансамблях Петербурга и Москвы, живопись, монументальная структура. Живопись 30—40-х гг. XIX в. Искусство передвижников — вершина истории русского искусства. Абрамцевский круг живописи. "Мир искусства". Новый реализм XX века. Модернизм, импрессионизм. Искусство Октябрьской революции. Пролеткульт. Живопись и скульптура 20—30-х гг. Современное изобразительное искусство. Градостроительство. Книжная графика.

Д. Краткий обзор истории русского театра: Малый театр, МХТ, Мейерхольд, Вахтангов. Современный советский театр.

Пробуждение национальной романтики в музыке. "Могучая кучка". Музыкальное искусство XX века. Ведущие представители советской классики. Русский и советский балет.

Основные этапы развития советского немого и звукового кино. Направления в современном советском киноискусстве.

Е. Языковая культура. Развитие языка — развитие культуры /новые слова, новые значения, сленг/. Происхождение и современная система русских личных имен. Топонимия и культурные традиции. Имена героев литературных произведений.

Построение

Диахроническое построение курса в соответствии с сеткой часов /4 часа в неделю на втором, 4 на третьем и 2 часа на четвертом курсе в обоих семестрах/ следующее:

3. семестр: введение, фольклор, древнерусский период, XVIII век.

4—5. семестры: XIX век и начало XX века.

6. семестр: советский период до 1945 года.

7—8. семестры: современная советская культура.

В качестве форм контроля служат экзамены в конце каждого семестра, а также государственный экзамен. Для тех, кто получает квалификацию только письменного переводчика и сдает госэкзамены в конце 6. семестра, в материал последнего входит XIX и XX век. Для получающих же квалификацию письменного и устного переводчика в результате прохождения полного, 4-летнего обучения, в госэкзамен включается, соответственно, и современная культура.

Методы

О методах работы целесообразно говорить по отдельным разделам курса.

А. География изучается в функциональном плане: для ориентации на исторической карте СССР к разделам политической истории и истории культуры, а также для знакомства с основными процессами современной экономической жизни. Исторической ориентации способствует привлечение соответствующих специальных исторических карт, а также составление самодельных по ходу прохождения истории СССР и истории культуры. Современная экономическая география подается через газетные материалы, а также путем показа кинофильмов, просмотра телевизионных передач и т.д.

Кроме этого, студенты знакомятся с книгами мемуарно-путешественного жанра /напр., "От белых ночей до Черного моря" и "От Москвы до Москвы" Д. Радо, "Радуга остается с нами" Кл. Селлеши и мн. др./, что помогает не только усвоению географических сведений, а развивает комплексное знание советской культурной среды.

Б. Политическая история в виде обзорных лекций преподается специалистам по истории СССР. В качестве основного печатного пособия используется книга С.Н. Сырова "Страницы истории". Студенты читают также популярную историческую литературу, напр., журнал "Вопросы истории" и др. Многие темы они изучают также самостоятельно по основным справочникам, энциклопедиям и т.п.

Знакомство с основными советскими энциклопедиями гуманитарного направления, напр., студенты осуществляют с помощью "рабочего листа" следующего содержания. /Сдают его в заполненном виде/.

I. Общие энциклопедии. Охарактеризовать Большую Советскую Энциклопедию II и III изданий, Малую СЭ и Энциклопедический словарь в 3, 2 томах и одном томе:

а/ годы изданий, объем /число томов, дополнения, указатели/,

б/ подача конкретной словарной статьи, напр., "Венгрия" в следующих аспектах:

- место, объем /страниц или столбцов/, построение,
- число, характер и качество иллюстраций,
- библиография: деление, содержание,
- различия: между БЭС, МСЭ и ЭС, а также между отдельными изданиями БЭС и ЭС.

II. Отраслевые энциклопедии. Охарактеризовать Историческую, Краткую литературную, Театральную и Философскую энц., а также Кинословарь:

а/ см. выше,

б/ подача конкретной словарной статьи в соответствующих энциклопедиях с точки зрения 1. полноты данных /имен, загла-

вий, дат и пр./; 2. различий в редактировании, а также в содержании между ними и соответствующими венгерскими справочниками /лексиконами/.

Напр.:	Филос. энци.	Чернышевский
	Сов. истор. энци.	Иван Грозный
	Кратк. лит. энци.	Л. Толстой
	Театр. энци.	Малый театр
	Кинословарь	Пудовкин

В. Основная форма подачи литературы — лекции на основе предварительного самостоятельного чтения текстов обязательной литературы. В качестве практических дополнений к лекциям служат: выучивание стихотворных отрывков наизусть, слушание пластинок с исполнением произведений, обсуждение просмотренных спектаклей, фильмов-экранизаций и т.д.

Содержание произведений раскрывается в трех аспектах:

а/ внешний, социологический слой, служащий как бы основным страноведческим фоном, вполне поддается самостоятельному, индивидуальному изучению. Выработка таких навыков обеспечивается несколькими вводными занятиями на основе навыков анализа, усвоенных еще в средней школе.

б/ Одну из главных сторон лекционного курса поэтому может составить раскрытие мира идей авторских произведений. В рамках этой работы последовательно показывается развитие историко-философского взгляда русских писателей, обращается внимание на связь идейной эволюции в национальных и европейских масштабах. Так, в древнерусской литературе раскрывается последовательность расширения представлений человека об окружающем мире и о себе, в XVIII веке — обогащение идейного мира европейским просвещением, в XIX — параллельность демократизации и критицизма и т.д.

в/ Другую основную задачу лекций составляет раскрытие эстетического своеобразия данного писателя, установление его места в национальном и мировом развитии художественных форм.

/Напр., связь жанровых форм с изменением мировоззренческих основ литературы/. При освещении творчества отдельных писателей делается опора и на типологические сходства и различия с соответствующими европейскими, в частности, венгерскими явлениями.

Даются основные сведения об истории венгерско-русских литературных связей, в том числе о главных школах художественного перевода. Студенты 4 курса слушают два спецкурса: в первом семестре о четырех поколениях переводчиков русской литературы на венгерский язык, во втором — о венгерских переводчиках М. Горького в 1900—1919 гг.

Г. По изобразительному искусству, помимо сообщения основных фактических данных, студентам прививаются понятия о технике трех доминирующих видов, а также о главных терминах и стилях. Здесь так же, как и в литературе, обращается внимание на единство идейно-мировоззренческих моментов и формально-художественных приемов. В ходе занятий мы стремимся выявить максимальное число "Точек стыковки" между отдельными видами искусства /оперы и балеты на сюжеты литературных произведений, работа художников в оформлении спектаклей, художественные иллюстрации к литературе и др./.

Для наглядности широко применяются альбомные репродукции, серии цветных диапозитивов, а также учебные фильмы. Главные, узловые произведения демонстрируются на витринных выставках.

Д. Для демонстрации наиболее существенных моментов истории музыки имеется созданная при переводческом отделении фонотека. /В настоящее время она насчитывает около 300 пластинок, количество их постоянно увеличивается/.

Нами составлен краткий очерк истории русского и советского театра и истории советского кино. Студенты знакомятся с советскими журналами по театру и кино, смотрят фильмы. Для них организуются посещения театральных постановок русских и советских пьес в венгерских театрах, а также в СССР во время стажировок.

Эти стажировки студентов в СССР играют вообще чрезвычайно важную роль в освоении ими страноведческой тематики. В ходе стажировки они посещают выставки и музеи, театры, для них организуются экскурсии в важнейшие художественные заповедники. Все это обеспечивает не только превращение чисто интеллектуальных знаний в эмоциональное переживание, так как благодаря углублению через личное знакомство все увиденное становится органической частью мировоззрения, вкуса, личности.

Е. В качестве главного печатного пособия по языковой культуре служит II издание книги Е.М. Верещагина и В.Г. Костомарова "Язык и культура". Наряду с этим студенты знакомятся и с материалами журналов "Русская речь", "Русский язык за рубежом" и т.д.

Вообще включенный в этот раздел материал по лингвострановедению студенты получают на лекциях почти всех профилей, где им регулярно даются небольшие языковые справки. Студенты выполняют и самостоятельные задания, напр., составление "личного словарика сленга" во время стажировки в СССР, прагматическое сокращение "Словаря сокращений", составление подборок новейших слов по "Бюллетеню новых слов" и т.д. Мы вовлекаем в работу по составлению некоторых учебных пособий, готовящихся на кафедре, напр., двуязычного словаря названий учреждений на основе будапештского и московского телефонных справочников.

Из многообразных возможностей закладывания прочных связей между знаниями о языке и углублением студентов в национальную культуру укажем лишь на некоторые, наиболее очевидные формы работы.

Прослеживается преемственность в лексике, т.е. наблюдается жизнь слова во времени, как бы в диахроническом разрезе. При работе, напр., со словесным рядом пахарь — сеятель — крестьянин — хлебопашец — хлебороб — колхозник — труженик села, помимо того, что в сознании студентов фиксируется отражение чередования исторических этапов развития народной жизни, им мно-

гое подсказывается и в стилистическом, и в экспрессивном значении слова. В процессе же, напр., работы над обычными словами, превращающимися в термины, можно с ними проследить то движение по спирали, каждый виток которого дает приращение смысла /напр., "я отключился"/.

Речевой этикет в своих конкретных проявлениях единицы нейтральные, стилистически повышенные или сниженные помогают им усваивать многообразные тональности общения³.

Работа с фразеологизмами, при обращении к их генетическому, прямому смыслу, может осветить и многие стороны традиционной русской книжности /начать с азов, делать на ять/, традиционной метрической системы /мерить на свой аршин, косая сажень в плечах/, повседневного быта /обобрал как липку, отложить в долгий ящик, всем миром, заварить кашу/, традиции русского "стола" /как об стенку горох, тертый калач, дешевле пареной репы, снимать сливки/. Особенно легко усваиваются ставшие фразеологизмами привычные, клишированные обороты фольклора типа на все четыре стороны, подобру-поздорову, долго ли, коротко ли, ни жива, ни мертва, куда глаза глядят, сыр-бор загорелся, по-щучьему велению и многие другие.

Освоение таких фразеологизмов, как напр., относящиеся к обозначению возраста пешком под стол ходил, в соку, старый хрен, божий одуванчик, впасть в детство и др., способствует не просто лексическому росту речи: они максимально обогащают и страноведческий фон знаний студентов, одновременно дифференцируя их экспрессивные возможности, а также активизируя у них переводческие навыки.

Подведение итогов в данном случае может означать, с одной стороны, оценку степени усвоения, с другой -- оценку степени внедрения теоретических знаний в практику. Если степень усвоения на уже прошедших двух государственных экзаменах была признана удовлетворяющей требованиям, близким у выпускников-филологов, то второй аспект, разумеется, не поддается столь быстрому изме-

рению и тем более не может выражаться в баллах: его практическая ценность будет проверяться на повседневной работе наших выпускников, которая в то же время сама будет воздействовать на расширение и дальнейшее углубление их страноведческих, историко-культурных знаний.

Примечания

1. Köpeczi Béla. A Művelődéstörténet tárgyaról és módszertanáról. /О предмете и методике истории культуры/ — В кн.: Századok. Bp., 1979, с. 692.
2. А.А. Брагина. Лексика языка и культура страны. Изд. "Русский язык", 1981, с. 62.
3. Н.И. Формановская, А.А. Акишина. Русский речевой этикет в лексикографическом аспекте. — Словари и страноведение. Сборник статей под ред. Е.М. Верещагина. "Русский язык", 1982, с. 25.

О НЕКОТОРЫХ ТРУДНОСТЯХ В РАБОТЕ С ВЕНГЕРСКИМИ
УЧАЩИМИСЯ ПРИ ИЗУЧЕНИИ ВИДОВ РУССКОГО ГЛАГОЛА

Е.М. Феньвеш-Коняева

Усвоение видов русского глагола венгерскими учащимися на всех этапах обучения, включая и подготовку студентов-русистов в высших учебных заведениях, сопряжено со значительными трудностями. Не будет преувеличением сказать, что успех в их преодолении не в последнюю очередь зависит от системы работы над этой сложной темой в течение всего периода обучения, от методической разработанности данной темы. Особое значение в этой связи приобретает продуманность отбора грамматического /и лексического/ материала, его распределение по годам обучения, последовательность его изучения, по возможности максимальная четкость и доступность для понимания учащихся описания условий употребления видов, а также формулировок тех правил, которые даются в учебниках и пособиях. Особую важность все это приобретает в гимназическом курсе, поскольку в гимназии усвоение видов связано с наибольшими трудностями, и поскольку именно в гимназии закладываются основы знаний, которые призваны служить отправной базой подготовки студентов-русистов в высшей школе.

Естественно было бы ожидать отражения определенного методического подхода к данной теме уже в Программе по русскому языку для I—IV классов гимназии¹. Однако, в Программе виды глагола, если и упоминаются, то довольно неопределенно, в самой общей форме, без выделения каких-либо конкретных моментов их употребления. Например: "Глаголы НСВ и СВ"² /I класс/³, "Образование и употребление повелительного наклонения" /II класс/⁴, "Образование глаголов СВ от глаголов НСВ" /III класс/ — после этой темы стоит пометка R, а в сноске поясняется, что R означает "рецептивно, на уровне понимания". Вопросы употребления видов никак не оговариваются в связи с теми грамматическими темами, при изучении которых обойти их не представляется возможным: "Инфинитив-

ные конструкции", "Наиболее употребительные случаи выражения необходимости и возможности", "Причастные и деепричастные обороты и замена их придаточными предложениями", "Страдательный оборот" /III класс/, "Составное глагольное сказуемое" /IV класс/. Видимо, необходимость затронуть вопросы употребления видов при изучении названных тем подразумевается как нечто само собой разумеющееся. То же самое, возможно, имеется в виду и среди "трудных случаев расхождения с венгерским языком", на которые, как указывается в Программе, следует обратить особое внимание при повторении пройденного материала "с функциональной точки зрения".

Авторы учебников неизбежно сталкиваются с необходимостью объяснения некоторых случаев употребления видов. Однако, поскольку такая необходимость возникает, так сказать, попутно — в связи с изложением основного грамматического материала, определяемого программой — то объяснение это сводится к беглым обзорам и отдельным замечаниям, которые не только не создают более или менее четкой и ясной картины употребления видов, не дают, за небольшим исключением, надежных правил их употребления, но из-за краткости, не всегда оправданной упрощенности или категоричности /а порой — и небрежности/ формулировок эти обзоры и замечания могут даже дезориентировать учащихся. Далее мы подкрепим это утверждение конкретными примерами.

Обратимся прежде всего к разделу Грамматики русского языка для средней школы⁵, в котором дается сводный обзор видов глагола в плане их употребления. Во втором пункте обзора читаем: "Употребляя глаголы СВ, говорящий рассматривает действие как единое целое, выражает результат действия, его начало, законченность, конкретность, единичность и т.п. Глаголы же НСВ обозначают действие безо всяких ограничений, действие вообще, протекание действия; говорящий обращает внимание на процесс действия /а не на его результат, начало и т.п./, может выражать повторяемость действия, частоту повторения действия" /Г, с. 109—110/. Не останавливаясь подробно на данной формулировке, отметим лишь, что определения типа "действие как единое целое", "действие вообще",

"действие безо всяких ограничений" малопонятны гимназистам и к тому же не могут служить практическим руководством к употреблению видов. Приводимые вслед за тем примеры иллюстрируют в первую очередь наиболее трудные — и отчасти второстепенные с точки зрения необходимости их изучения в гимназии — случаи употребления видов. Среди них нет примеров с глаголами НСВ, обозначающими процесс действия, и с глаголами СВ, обозначающими результат действия. Удачно выделены в грамматике случаи обязательного употребления инфинитива НСВ в сочетании с фазисными глаголами, с глаголами 'привыкать', 'учиться' и т.п., и инфинитива СВ в сочетании с глаголами 'удаться, забыть, успеть'. Однако серьезные возражения вызывает излишняя категоричность, с которой употребление видов ставится в непосредственную зависимость от обстоятельственных слов. Так, среди слов и словосочетаний, требующих обязательного употребления НСВ, безо всяких оговорок названы сочетания со словом 'раз', хотя и в школьной практике, например, в формулировках некоторых заданий, они нередко встречаются в предложениях с глаголами СВ: 'Прослушайте магнитофонную запись/текст два раза', 'Повторите еще раз/несколько раз...' и т.п. Особенно опасна категоричность формулировки при установлении зависимости употребления СВ от слов, указывающих на завершенность, внезапность, кратковременность действия. Напомним, что после слов 'сразу, вдруг, мгновенно, моментально, тотчас же' и т.п. глаголы СВ употребляются при передаче единичных действий, а после слов 'совсем, совершенно, окончательно, абсолютно' и т.п. — при передаче единичных действий в утвердительных предложениях, при передаче же повторяющихся действий при наличии в предложении тех же самых обстоятельственных слов употребляются глаголы НСВ /'В экзаменационную сессию она вставала в семь часов утра и сразу же садилась заниматься' и т.п./.

Точно так же в прямую зависимость от слов со значением неожиданности, законченности действия ставится употребление СВ и в небольшом обзоре, посвященном видам глагола, который дается в

учебнике для III класса гимназии /III, с. 54—56/. Далее, во втором пункте этого обзора говорится: "Глаголы НСВ сообщают факт действия, называют действие, указывают на то, что действие есть, было, будет. Глаголы СВ подчеркивают определенные моменты действия: его начало, конец, результат" /III, с. 54/. Следующие вслед за этим примеры распределены на три группы: /глаголы НСВ и СВ/ "в утвердительных предложениях", "в отрицательных и вопросительных предложениях" и "глаголы, в значении которых заключается возможность действия в противоположном направлении". Употребление НСВ в утвердительных предложениях демонстрируется на примерах: "Сегодня он сдает экзамен", "Пушкин писал и прозу" и "После обеда я буду убирать квартиру" /III, с. 54—55/.

Форма прошедшего времени не выделяется здесь как грамматическая форма, в которой общефактическое значение НСВ проявляется наиболее часто и наглядно /да и пример с глаголом в прошедшем времени демонстрирует несколько иное значение НСВ/, а оказывается в одном ряду с формами настоящего и будущего времени. В будущем времени общефактическое значение НСВ проявляется сравнительно ограниченно и нередко имеет оттенок процессуальности, о чем, в частности, свидетельствует и приведенный выше пример. Говорить о проявлении общефактического значения в настоящем времени и особенно на основании примера "Сегодня он сдает экзамен" — еще более затруднительно. Понимание и усвоение общефактического значения НСВ наиболее трудно для венгерских учащихся. Это значение легче понимается и лучше усваивается на материале употребления глаголов разного вида в прошедшем времени при обязательном подчеркивании зависимости выбора вида при передаче факта действия от коммуникативных задач говорящего. Употребление глаголов НСВ в этом случае наиболее наглядно можно показать на примере диалогической речи, когда на глагол падает смысловой акцент, а употребление глаголов СВ — на примере отдельных сообщений с типичным для СВ контекстом, в котором есть указание

на момент возникновения действия и когда смысловой акцент падает не на глагол. /— В вашей гимназии проводили вечер поэзии?/ был вечер поэзии?/ — Да, проводили./Нет, не проводили/ 15 ноября, в субботу в гимназии провели вечер поэзии /состоялся вечер поэзии/.

Примеры на употребление видов в отрицательных и вопросительных предложениях иллюстрируют случаи конкуренции видов при передаче факта действия в прошлом, где глаголы НСВ заменяются глаголами СВ в ситуации, когда говорящий предполагает, что действие должно было совершиться: "Ты принимал лекарство?" — "Ты принял лекарство?" и "Вера не звонила мне вчера." — "Вера не позвонила мне вчера, хотя обещала". Кстати, и при такой позиции говорящего в четвертом примере возможно употребление НСВ: 'Вера не звонила мне вчера, хотя обещала /позвонить/'. Этот последний пример был бы намного убедительнее при другом порядке слов: 'Вера обещала позвонить мне, но не позвонила'. Перевод предложений с глаголами НСВ на венгерский язык — Szedtél orvosságot? Vera nem hívott telefonon tegnap — вряд ли помогает учащимся понять, что глаголы НСВ обозначают в них факт действия: в переводе употреблен, например, глагол szed, указывающий скорее на повторяемость действия. На наш взгляд, точнее передает смысл данных высказываний следующий перевод: Vettél be orvosságot? Vera nem telefonált tegnap.

В учебнике не рассматривается употребление видов при передаче процесса действия и его результата, при передаче повторяющихся действий. Может создаться впечатление, что употребление видов в этих случаях не вызывает каких-либо особых трудностей. Косвенно это как бы подтверждается и заданием, в котором учащимся предлагается перевести на венгерский язык семь предложений и самим объяснить употребление видов при передаче единичных и повторяющихся действий, при передаче процесса действия и его результата /III, с. 57/. Однако в действительности дело обстоит далеко не так благополучно. Об этом свидетельствуют, к примеру, видовые ошибки в формулировках заданий: "На основе текста, ка-

кие вопросы вы задавали бы Глазунову?" /III, с. 29/⁶, "Скажите, какие спортивные состязания произошли в Таллине в 1980 г. во время проведения Олимпийских игр?" /III, с. 97/; в переработанном тексте "Работа Ленина в библиотеках": "Для того, чтобы написать какую-нибудь работу, ему пришлось перечитывать огромное количество книг" /III, с. 62/, несоответствие примера "Он долго разговаривал по телефону с родственником, жившим в Киеве" случаю одновременности действий, о котором говорится в разделе "Причастные обороты" /III, с. 101/, неправильное употребление глагола 'идти' в предложении "Когда ты идешь домой из школы, занеси эти книги Феде: он болен" /III, с. 139/. То же самое подтверждают и те предложения в упражнениях, где можно употребить две из трех данных форм, хотя в заданиях к ним предполагается, что только одна из данных форм "правильная": Алеша замолк/замолкал на несколько секунд, а потом продолжал говорить" /III, с. 63/, "Мы не пожалели/жалели Игоря, когда узнали, что он не сдал экзамен" /III, с. 64/. То же самое можно сказать и о некоторых упражнениях, в которых требуется вставить глагол "нужного" вида или один из глаголов в нужной форме, в то время как в ряде предложений возможно употребление глаголов СВ и НСВ. Например: "На днях в Национальной галерее открылась/откроется/открывается новая выставка" /III, с. 60/, "Вот ваш друг, он сейчас заполнит/заполняет карточку читателя" /III, с. 63/, "Я видел, что он острожно въехал/въезжал во двор машины" /III, с. 139/.

В четвертом пункте упомянутого выше обзора /III, с. 56/ речь идет об употреблении видов в повелительном наклонении. В приведенной в учебнике схеме выделяется важный момент — закрепленность за НСВ и СВ определенных модальных значений. Однако при этом не учитывается, что модальные значения выражаются формами императива без отрицания при передаче единичных действий, что общим значением императива с отрицанием является значение ненужности действия, которое закрепляется за НСВ, и поэтому при отрицании в повелительном наклонении употребляется почти исключительно НСВ, а значение просьбы, совета и т.п. в отрицательных

предложениях с императивом выражается не видом глагола, а контекстуальными /'будьте добры', 'пожалуйста'/ и интонационными /ИК-2, ИК-3/ средствами. Возможно, вследствие всего этого значение совета безоговорочно отнесено — в схеме — к числу модальных значений, выражаемых НСВ /оно иллюстрируется отрицательным предложением: "Не бегайте босиком!"/, а значения "приказа", распоряжения, требования выделены как значения, выражаемые и НСВ и СВ, что иллюстрируется примерами: "Не закрывайте книги!" — "Закройте книги!" и "Не подчеркивайте это предложение!" — "Подчеркните это предложение!" Не подчеркивается и неразрывная связь основного значения императива НСВ — значения побуждения к действию — с характером речевой ситуации /например, с ситуацией ожидаемого действия, с ситуацией, в которой внимание говорящего может переключаться на обстоятельственные слова, характеризующие протекание действия, или когда действие предполагается самой ситуацией/. Без достаточно четкого выделения всех этих моментов вряд ли можно ожидать, что учащиеся самостоятельно смогут объяснить "разницу глаголов в повелительном наклонении" /III, с. 60/⁷ или выбрать глагол нужного вида там, где неизвестна ситуация, в которой произносятся, например, следующие фразы: "Прошу вас сядьте/сидите за стол" /III, с. 60/, "Смотри, только не опаздывай/не опоздай!" /III, с. 60/, "Ну, как дела? Расскажи/рассказывай!" /III, с. 60/. Наличие в предложении слова 'смотри' /и 'только'/ еще не влечет за собой обязательного употребления СВ. /'Смотри только не подсказывай!', 'Смотри только не заплывай далеко!' и т.п./ Традиционный вопрос 'Как дела?', задаваемый при встрече со знакомыми, сам по себе не предполагает подробного рассказа о чем-либо, не обуславливает употребление императива глагола НСВ. Словами 'Как дела? Рассказывай' могут встретить человека, вернувшегося, например, с экзамена или ходившего выяснять или устраивать что-либо сложное, трудное, в том случае, когда говорящий знал об этом заранее, т.е. в ситуации ожидаемого действия.

Не помогают разобраться в вопросе употребления видов в императиве и те два примера, которые приведены в учебнике грамматики в обзоре употребления видов, тем более, что короткий ком-

ментарий к одному из них — "Не опаздывайте на урок! — совет, пожелание, запрещение" /Г, III/, — вряд ли можно признать достаточным и удовлетворительным.

Отсутствие ясности относительно употребления видов в императиве, имеющее место на страницах учебников для гимназии, усугубляется видовыми ошибками, встречающимися в формулировках заданий: "Опишите ваш путь от здания, где вы живете, до школы. Употребляйте выражения пространственных отношений!" /IV, с. 131/. А вот формулировка, неоднократно повторяющаяся в учебниках для III и IV классов: "Выберите кого-нибудь из вас на роль /такого-то/ и задавайте ему/ей вопросы..." /III, с. 14, 24, 72, 125, 190, 209; IV, с. 13, 23, 49/. В скобках отметим еще, что во многих учебниках формулировки заданий, содержащие глаголы в форме повелительного наклонения, оформлены — то ли под влиянием правил, существующих в венгерском языке, то ли ради того, чтобы подчеркнуть их приказной характер, — как восклицательные предложения, что противоречит русской традиции.

Раздел "Инфинитивные конструкции" /III, с. 35/ интересует нас лишь с точки зрения того, что и как говорится в нем об употреблении видов в инфинитиве. Вначале здесь приводится несколько предложений с инфинитивом в сочетании с глаголами, говорится о том, как подобные сочетания переводятся на венгерский язык. Затем учащимся предлагается перевести четыре предложения /"Основным увлечением Третьякова было собирать картины", "Я всегда рад вас видеть", "Что смотреть дальше?", "Когда мне позвонить вам?"/ на венгерский язык и на основании этих примеров решить, "после каких еще частей речи может употребляться инфинитив". Далее речь идет о "выражении необходимости и возможности" /здесь выделяются два случая выражения необходимости: без инфинитива — "Нам нужна эта книга", и с инфинитивом — "Тебе нужно/ты должен навесить друзей"/ и наконец анализируются инфинитивные сочетания со словом 'нельзя'.

В предложениях, приведенных в качестве примеров, глаголы 'попросить, решить' даны в сочетании с инфинитивом СВ; в восьми предложениях, иллюстрирующих "выражение необходимости", сло-

ва 'нужно, надо, необходимо, должен' также даны в сочетании с СВ. Об употреблении с этими словами НСВ ничего не говорится. В семи предложениях, иллюстрирующих "выражение возможности", слово 'можно' и глагол 'мочь' даны в сочетании с обоими видами, но употребление видов в этих сочетаниях не объясняется. Чем же учащиеся должны руководствоваться при выполнении упражнений, чтобы выбрать "нужный" вид, например, в следующих предложениях: "Метро уже не работало, и мы должны были /возвращаться/вернуться/ домой пешком" /III, с. 225/, "В библиотеке Ленина можно /получать/получить/ любую книгу об истории русского искусства" /III, с. 226/, "Через полчаса уходит поезд. Вы должны..." /III, с. 39/. В последнем предложении скорее всего появится видовая ошибка, поскольку о том, что в сочетании с модальными словами глаголы НСВ в форме инфинитива в определенных ситуациях выражают дополнительное значение приступа к действию в момент речи, в объяснении не упоминается, а в образце к упражнению дано лишь одно предложение с инфинитивом СВ. О наглядно-примерном значении СВ и его варианте — значении потенциального действия — в объяснении также не упоминается, добавим от себя — и совершенно справедливо, поскольку вряд ли необходимо включать это значение в материал, изучаемый в гимназии. Однако, предложения, в которых необходимо употребить глаголы СВ в этом значении, встречаются в упражнениях: "Работы этого художника очень своеобразны, их всегда можно /узнавать-узнать/" /III, с. 225/, "Я всегда буду рад /оказывать-оказать/ вам хоть какую-нибудь услугу" /IV, с. 39/, "Мы всегда рады /встречаться-встретиться/ с друзьями" /III, с. 43/. Можно ожидать, что учащиеся и в этих предложениях выберут "не тот" вид, ориентируясь на слово 'всегда', которое включено в список обстоятельственных слов, требующих обязательного употребления НСВ, а также предложение "Я всегда рад видеть вас", которое приводится в разделе "Инфинитивные конструкции". Неизвестно, чем учащиеся будут руководствоваться при выборе вида в инфинитиве, сочетающимся с глаголами движения /об употреблении видов в сочетании с глаголами движения также не говорится

в объяснениях/: "они пошли /записываться-записаться/ в библиотеку" /III, с. 61/, "Туристы приехали /осматривать-осмотреть/ музей" /III, с. 43/, и какой вид считается "нужным" в предложении "Он обещал /заходить-зайти/ за мной на работу" /III, с. 139/, где можно употребить не один вид, а оба, поскольку здесь именно вид сигнализирует единичность/повторяемость действия.

О том, что употребление видов в инфинитиве представляет не-малые трудности, свидетельствуют видовые ошибки в формулировках заданий и в текстовом материале учебника: "Расскажите, как у нас надо записаться в библиотеку" /III, с. 46/, "Если вам нравится, как выглядит ваш знакомый, мы можете пользоваться следующими выражениями..." /IV, с. 84/, "Я уже видел все красивые места нашей страны. Еще в театр надо идти и тогда могу сказать, что везде был" /III, с. 91/. Отдельные примеры свидетельствуют о том, что, кроме употребления видов, определенные трудности представляет само употребление слов 'надо, нужно, нельзя' и глагола 'мочь', сочетающихся с инфинитивом, а также употребление дательного падежа существительных и местоимений в этих сочетаниях. Например: "В Свердловск им нужно было прилететь в третьем часу ночи" /III, с. 225/ — по крайней мере в таком узком контексте не ясно, чем вызвана эта, как она определяется в учебнике, "внутренняя" необходимость; "Лене надо поступить в институт в этом году" /IV, с. 56/; "Как он мог так хорошо отвечать на уроке?" — предполагаемый ответ: "Он подготовился к уроку" /III, с. 57/; "Эту книгу вам можно взять в любой библиотеке" /III, с. 37/, "Библиотекарь сказал, что нам нельзя брать книги на дом" /III, с. 43/, "В классе идет экзамен, нам нельзя /входить-войти/ в класс", "Шишкин хороший пейзажист, тебе нельзя так /говорить-сказать/ о нем" /III, с. 39/. Более чем сомнительна уместность употребления самого сочетания модального слова /и глагола 'мочь'/ с инфинитивом, например, в следующих предложениях: "Раздался звонок на урок. Ребятам надо войти в класс", "В 11 часов открылась галерея. Посетителям можно войти" /III, с. 39/, "Ему так срочно

надо было уехать, что нельзя /расставаться-расстаться/ даже с друзьями" /III, с. 117/. В последнем примере, так же как и в предложении "Вы не знаете, как найти выход из музея?" /III, с. 40/, весьма странный выбор глагола, употребленного в инфинитиве. И еще один пример, на котором стоит остановиться несколько подробнее. В тексте "В залах галереи" /III, 20/ говорится о том, что Габор и его друг Николай ходят по залам Третьяковской галереи. Посмотрев отдел древнего искусства, они идут к залам живописи XIX века. Николай говорит: "Слушая, Габор! Что смотреть дальше?" Вопрос такого типа в данной ситуации предполагает недостаточную осведомленность говорящего, ожидающего 'побуждение к действию', так сказать, руководящего указания собеседника, что не соответствует действительности, поскольку Габор в галерее впервые, а Николай бывал там не раз. Кроме того, после вопроса "Что смотреть дальше?" следует второй вопрос: "Тебя интересуют пейзажи или исторические полотна?" Таким образом оказывается, что Габору предоставляется выбор, который зависит от его желания или интересов, и Николай — как носитель языка — наверняка спросил бы: 'В какой зал пойдем?/Что ты хочешь посмотреть? Пейзажи или исторические полотна?' или в крайнем случае: 'Что будем смотреть?' Далее по образцу этого неудачно употребленного вопросительного предложения строится начало двух микродиалогов: а/ "Слушай, Тамара! Что смотреть дальше? Тебя интересует...?", б/ "Слушай, Ваня! Куда идти? /вместо 'пойдем'/ Ты хочешь в музей или в кино?" — и дается задание написать подобные микродиалоги, используя данные слова и словосочетания /III, с. 22/. В результате появился, например, диалог, который начинается следующим образом: "Слушай, Сергей! Что кушать? Ты любишь баранину или свинину?" В данном случае вместо "Что кушать" возможны вопросы: 'Что тебе брать/взять/заказать/заказывать?' или 'Что будем брать/заказывать/есть?' А в другом упражнении дается следующий микродиалог: "Чем ехать в Москву? — Давай полетим самолетом" /III, с. 139/.

В том же грамматическом разделе /"Инфинитивные конструкции"/ обращают на себя внимание два замечания относительно употребления видов глагола. После предложений "Ему надо было ответить на все вопросы", "Гале необходимо будет пойти к врачу", иллюстрирующих один из способов выражения необходимости, говорится: "Обратите внимание, что ... в будущем времени употребляется форма 'будет'... . После 'будет' можно употреблять и глаголы СВ!" /III, с. 36/. Форма 'будет' оказывается таким образом как бы связанной непосредственно с инфинитивом СВ, в то время как она относится к сочетанию модального слова и инфинитива в целом и стоит перед инфинитивом в силу совершенно иных причин. Внешне эффектная, но неточная формулировка может оказать плохую услугу в том смысле, что она как бы узаконивает одну из типичных ошибок в речи учащихся при употреблении будущего времени. Второе замечание относительно употребления СВ находим в связи с инфинитивными сочетаниями со словом 'нельзя': "После 'нельзя' в значении nem lehet употребляются глаголы СВ. В этом случае можно употреблять также слово 'невозможно'" /III, с. 37/. Но исходя из этого "правила", как же объяснить употребление НСВ, например, в следующих предложениях: 'При таком шуме нельзя/невозможно заниматься/работать/спать', 'Река в этом месте такая мелкая, что плавать/нырять невозможно/нельзя'? Очевидно, что приведенное выше правило сформулировано излишне категорично. Можно было бы, например, написать, что сочетание слова 'нельзя' с инфинитивом СВ выражает невозможность совершения действия и в этом случае слово 'нельзя' переводится на венгерский язык как nem lehet, или 'После 'нельзя' в значении nem lehet обычно /или — чаще/ употребляется СВ'.

Неоправдано категорично и следующее замечание в разделе "Выражение временных отношений" в учебнике для IV класса гимназии: "Отвечая на вопросы 'Как долго?', 'Сколько времени?', необходимо употреблять глаголы НСВ, а на вопрос 'За сколько времени?' — глаголы СВ" /IV, с. 113/. Вопросы приводятся без глаголов, но уже в самих вопросах 'Как долго...?', 'Сколько времени...?' возможно употребление глаголов СВ. /'Как долго/сколько времени он пробыл/пробудет в Ленинграде?', 'Сколько времени он

прожил в деревне/проработал на этом заводе?' и т.п./ Обстоятельства типа 'за два часа' действительно являются показателями результативности, но не следует забывать, что определенная часть глаголов НСВ выражает повторяемость результативных действий /'выучивать'/, завершенных действий /'прочитывать'/, действий, достигших определенного предела /'доезжать'/. При наличии в предложении таких показателей результативности указанные глаголы НСВ и некоторые глаголы /НСВ/ с другим лексическим значением могут сигнализировать повторяемость действия: 'За час она печатала 5-6 страниц/переводила /по/ 10 предложений' и т.п. В самом вопросе 'За сколько времени...?' при наличии, например, существительных во множественном числе могут употребляться глаголы НСВ: 'За сколько времени ты делаешь/выполняешь задания по русскому языку?' Контекстуальное окружение глагола действительно является фактором, определяющим в ряде случаев выбор вида глагола, однако попытки установить прямую зависимость употребления того или иного вида лишь от одного контекстуального средства без учета целого ряда других моментов очень часто оказываются неудачными. Излишне категорические формулировки влекут за собой целый ряд негативных явлений: они могут вызвать увеличение количества видовых ошибок, в основном ориентируют учащегося на механическое заучивание правил, а не на анализ контекстуального окружения глагола в целом, не на анализ речевой ситуации и понимание коммуникативных задач говорящего, которые, как известно, являются основным речевым фактором, обуславливающим в ряде случаев выбор того или иного вида, а с другой стороны, -- нередко приводят к особому рода конфликту, когда в ответ на какое-либо корректировочное замечание преподавателя или после объяснения отдельных случаев употребления видов, можно услышать от студентов возражения типа "а в гимназии мы учили...", "а в гимназии нам объясняли не так" и т.п. Такая вынужденная корректировка, а иногда и опровержение правил, заученных в гимназии, с одной стороны, ставит преподавателей вузов в несколько неудобное положение по отношению к их коллегам, работающим в средней школе, с другой стороны, довольно часто вызывает у студентов своего ро-

да шок: они приходят к выводу о невозможности постигнуть виды русского глагола, о безнадежности всяких попыток такого рода. Но и в этом случае, если студенты не делают подобных выводов, они затрачивают много дополнительных усилий, чтобы освободиться от несколько механического подхода к вопросу употребления видов, и отчасти на то, чтобы переучить заученное ранее.

Наиболее успешного и активного усвоения видов можно было бы ожидать, если бы работа по видам глагола строилась на продуманно отобранном грамматическом и лексическом материале: на лексическом материале текстов учебников, и в первую очередь — на лексике, входящей в школьный и гимназический лексический минимум. Не имеет особого смысла включение в упражнения 'посторонней', и с этой точки зрения — пассивной лексики, примером которого могут служить хотя бы уже приводившиеся выше предложения: "Я всегда рад оказать вам хоть какую-нибудь услугу", "Алеша замолок/замолкал на несколько секунд..." и пр. И само собой разумеется, что в упражнения не должны включаться те случаи употребления видов, которые не рассматриваются в грамматических разделах учебников, как это, к сожалению, имеет место, например, в упражнениях, посвященных употреблению видов в инфинитиве.

Учебник для III класса гимназии, на наш взгляд, вообще несколько перегружен грамматическим материалом, так или иначе связанным с вопросами употребления видов, что, видимо, объясняется некоторой неравномерностью распределения грамматического материала по годам обучения /в гимназии/, а также тем, что в самой Программе, как уже указывалось выше, тема употребления видов нигде четко не выделяется. Во избежание такой перегрузки употребление видов глагола в прошедшем времени, как нам кажется, можно было бы в том или ином объеме рассмотреть в учебнике для I класса, а употребление видов в повелительном наклонении — в учебнике для II класса гимназии.

Примечания

1. A gimnáziumi nevelés és oktatás terve. Bp., Tankönyvkiadó, 1978. Oktatási Minisztérium, Orosz nyelv, I—IV osztály, с. 149—165.
2. Здесь и далее название грамматических тем, цитаты из Программы, Учебника по грамматике и грамматических разделов Учебника для III класса гимназии даются в переводе с венгерского языка.
3. В Учебнике для I класса гимназии рассматривается образование будущего времени от глаголов СВ и НСВ, дается два упражнения на образование будущего времени от глаголов СВ, два упражнения на замену форм прошедшего времени формами будущего времени от глаголов СВ и два упражнения на замену форм настоящего времени от глаголов НСВ формами прошедшего и будущего времени от глаголов СВ.
4. В Учебнике для II класса рассматривается образование повелительного наклонения, дается пять упражнений на образование повелительного наклонения от данных глаголов.
5. Цитаты и примеры из учебников русского языка для гимназии помечаются следующим образом: Г = Грамматика русского языка для средней школы /Kosaras István: Orosz nyelvtan a középiskolák számára. Bp., Tankönyvkiadó, 1977/; III — Учебник для III класса гимназии /Dr. Kecskés István—Horváth Gáborné: Orosz nyelvkönyv III. Tankönyvkiadó, 1981/; Учебник для IV класса гимназии /Dr. Kecskés István—Molnár István: Orosz nyelvkönyv IV. Tankönyvkiadó, 1984/. Арабские цифры обозначают страницы.
6. Приводимая здесь формулировка, как и другие формулировки, отдельные предложения из упражнений и текстов интересуют нас лишь с точки зрения употребления в них видов глаголов.
7. Учащиеся, видимо, должны объяснить употребление видов в форме повелительного наклонения.
8. В данном случае — 'невозможно'.

РЕЦЕНЗИЯ

Описание Рукописного отдела Библиотеки АН СССР.
Том 7, вып. 1. Сочинения писателей-старообрядцев
XVII века. Составитель Н.Ю. Бубнов
Ленинград, "Наука", Ленинградское отделение, 1984.
стр. 314.

Сочинения писателей-старообрядцев представляют собой ценнейший материал для историков, филологов, книгovedов и исследователей русской культуры второй половины XVII -- начала XVIII вв., ибо они отражают самые разнообразные стороны общественно-политической жизни, религиозной и эстетической полемике указанного времени. По своей жанровой природе произведения старообрядцев представляют собой демократическую публицистику с резко выраженным полемическим характером. Старообрядческая публицистика составила своеобразный культурный пласт древнерусской письменности, оппозиционной самодержавию и официальной церкви.

Писатели-старообрядцы не только отразили в своих сочинениях сложность и противоречивость переживаемой ими эпохи, но и, противопоставив себя "придворной", а позднее дворянской господствующей культуре, создали своеобразную, параллельную культуру и литературу народного, крестьянско-демократического направления. Эта культура, запрещенная и гонимая, широко распространилась в народе, а не только в собственно старообрядческой среде, оказав решающее воздействие на формирование мировоззрения нескольких поколений приверженцев "старой веры" и заметной доли населения России в целом. Изучение старообрядческой литературы, развивавшейся в русле вековых традиций древнерусской письменности, изолированно от основного направления древнерусской культуры чрезвычайно важно для правильного определения характера русской культуры второй половины XVII в. Однако, изучение литературы, весьма значительной по объему, предполагает знание фондов старообрядческих рукописей. Составитель 1-го выпуска 7-го тома системати-

ческого "Описания Рукописного отдела Библиотеки АН СССР" Н.Ю. Бубнов поставил перед собой благородную цель -- раскрыть для исследователей эти богатейшие фонды старообрядческих рукописей библиотеки.

Издание содержит развернутое постатейное описание 133 старообрядческих сборников самого разнообразного состава. По этой причине в "Описание" попало наряду с сочинениями писателей XVII в. значительное количество старообрядческих сочинений более позднего периода -- XVIII -- XIX вв., а также традиционные для древнерусской книжности памятники литературы /жития, "слова", повести, сказания, поучения и др./ популярные в старообрядческой среде.

Многообразие сочинений, входящих в большинство из описанных сборников, не дало возможности составителю сгруппировать их описания по авторам или же в определенные тематические группы. Описания расположены в хронологическом порядке, в соответствии с чем книга разбивается на три раздела: 1/ Рукописи XVII в. /15/ стр. 12--59; 2/ Рукописи XVIII в. /80/ стр. 60--192; 3/ Рукописи XIX -- начала XX в. /38/ стр. 193--250. В случаях, когда в одном сборнике имеется несколько разновременных частей /сборные рукописи/, рукопись помещалась в хронологический ряд в соответствии с датой ее древнейшей части, причем за основу в таких случаях принимались тексты старообрядческих сочинений XVII в.

Из 132 рукописей, описанных в этом издании, лишь 6 получили в прошлом сравнительно подробное описание, еще 59 рукописей кратко описаны или же только упомянуты в трудах различных исследователей древнерусской литературы. Об остальных 67 рукописях, составляющих половину их общего количества, вообще нет упоминаний в печатной литературе и, следовательно, книгой Н.Ю. Бубнова они впервые вводятся в научный оборот.

В числе описанных в рецензируемой книге рукописей на-

ходится знаменитый Пустозерский сборник В.Г. Дружинина с автографами протопопа Аввакума, инок Епифания и дьякона Федора /№ 3/; этот сборник приобрел известный историк В.Г. Дружинин в 1912 году. После его статьи за рукописью закрепилось название "Пустозерский сборник"¹, который в 1918 году поступил в БАН, где и хранится теперь под шифром: собр. Дружинина 746 7790/. Изучению этого сборника посвящены десятки статей и несколько монографий. Но далеко не все описанные в издании рукописи изучены в такой степени. В процессе работы над "Описанием" Н.Ю. Бубнову удалось найти ряд неизвестных ранее старообрядческих сочинений XVII в., а также обнаружить древнейшие списки некоторых старообрядческих сочинений, известных ранее лишь по сравнительно поздним копиям. Недостаточной изученностью текстов многих памятников старообрядческой литературы объясняется стремление составителя к выяснению и уточнению их редакций.

Поздние копии ранних старообрядческих сочинений, составленные в XVIII и XIX вв., представляют также значительный интерес для исследователей старообрядческой литературы. Например, Н.Ю. Бубнов указывает, что вошедшие в "Описание" сборники подтверждают вывод Н.С. Демковой о бытовании в Среднем Поволжье в конце XVII -- первой четверти XVIII в. литературного архива пустозерских узников, казненных в 1682 году. К этому гипотетическому архиву восходят многие сочинения; некоторые из них до сих пор приписывались перу Аввакума или его сподвижников. В действительности, как можно теперь предполагать, сочинения эти являются старообрядческими обработками черновиков и "неопубликованных" сочинений и фрагментов, имевшихся в пустозерском архиве /см. компиляцию под названием "Из писем страдальческих протопопа Аввакума в сборнике, относящемся к 90-м годам XVIII в." /№ 84/. Таким образом, составитель собрал и описал в этом издании все хранящееся в Библиотеке АН СССР рукописное на-

следие основоположников русского старообрядчества XVII в. в автографах, прижизненных или более поздних копиях или же в составе старообрядческих переделок и компиляций.

Помимо этого, в "Описание" попало значительное число сочинений старообрядческих писателей последующих /XVIII и XIX/ веков, в особенности представителей выговской литературной школы XVIII в. в списках или автографах, многие из которых были изготовлены в Выго-Лексинском старообрядческом монастыре. Наблюдения над сборниками, происходящими из этого крупнейшего культурного центра старообрядчества, позволяют составителю книги сделать предварительный вывод о сравнительно небольшой популярности на Выгу сочинений отцов--основоположников старообрядчества и о вольном обращении здешних книжников с рукописным наследием своих предшественников. Именно Выгу исследователи обязаны появлением в XVIII в. многочисленных переделок и сокращенных редакций ранних старообрядческих сочинений.

Важное значение для науки имеют также территориальные рукописные коллекции Библиотеки АН, состоящие из рукописных книг, привезенных археологическими экспедициями, ведь на основе территориальных коллекций возможно изучение местных литературных школ, книгописания и художественных традиций книжных мастеров /писцов, художников, переплетчиков/, а также разнообразные книговедческие исследования.

Большинство из описанных рукописей по своему происхождению принадлежит старообрядцам--беспоповцам поморского, федосеевского и филипповского согласий, меньшая часть -- последователям "поповского" /беглопоповского и белокрыницкого/ направления в старообрядчестве. Такое соотношение характерно не только для Академической коллекции старообрядческих рукописей и определяется, главным образом, разным отношением представителей различных старообрядческих течений к письменному наследию первоучителей старообрядчества.

В рецензируемом "Описании" -- в соответствии с принципами, принятыми для серии "Описание Рукописного отдела Библиотеки АН СССР -- подробно описываются водяные знаки на бумаге рукописей со ссылками на альбомы филигранных, отмечаются с краткой характеристикой почерки писцов, нумерация тетрадей, количество и тип украшений /рисунки, заставки, концовки, инициалы и др./, тип переплета и предположительное время /век/ его изготовления, степень сохранности рукописи, данные о ее реставрации в БАН. При описании сборных рукописей каждая из ее частей описывается особо. Обязательно воспроизводятся все записи писцов, авторов сочинений, воспроизводятся или излагаются все читательские записи и пометы, несущие информацию о месте бытования рукописи или о ее читателях. В отдельных случаях /когда это было возможно/ восстанавливается история рукописи.

Особое внимание составитель уделил старообрядческим текстам XVII в. Большинство текстов сборников описывается построчно. Лишь мелкие выписки из старопечатных книг отражены в книге в виде подборок с перечислением книг, из которых сделаны выписки, и с общей характеристикой их тематики. Описание каждой статьи начинается с цитирования ее названия в рукописи. Затем приводится начало текста. В пристатейном комментарии дается принятое в науке название сочинения, если таковое расходится с находящимся в рукописи указанием на существующие исследования и публикации данного текста. Если публикация была осуществлена по данному автографу или списку, это оговаривается специально. Если же оригинал для публикации был иной, в комментарии отмечается наличие /или отсутствие/ существенных текстовых разночтений публикуемого списка с опубликованным. В ряде случаев, когда сочинение не имеет научных публикаций, Н.Ю. Бубнов ссылается на старопечатные книги XVII --XIX вв., содержащие идентичные тексты, причем иногда /когда это возможно/ указываются и старопечатные оригиналы, с которых сняты копии для публикуемых ру-

копией. В конце каждого описания приводится общая для всей рукописи библиография: научные описания, обзоры, публикации, исследования, а также фотовоспроизведения с отдельных листов данной рукописи.

К тому "Описания" приложен перечень шифров описанных рукописей /стр. 10--11/ и указатели: 1/ названий сочинений /стр. 257--276/; 2/ начальных слов /стр. 277--302/; 3/ имен /стр. 303--312/; 4/ географических названий /стр. 313--314/; 5/ лицевых рукописей с криптографическими надписями /стр. 315/. Издание открывается вступлением составителя /стр. 3--9/, важнейшие мысли которого и были использованы в данной рецензии.

Высокий уровень подготовки издания, вводящего новые фонды рукописей в научный оборот, прекрасно составленный научно-справочный аппарат вызывают уважение и делают издание для исследователей необходимым и ценным. Хотелось бы, чтобы последующие выпуски этого тома, в которые предполагается включить рукописи, содержащие сочинения старообрядческих писателей XVIII и XIX вв., старообрядческие переделки сочинений древнерусской литературы, рукописи--автографы видных старообрядческих деятелей XVIII--XIX вв., сборники документов, имеющих отношение к старообрядчеству, были осуществлены на столь же высоком уровне, с такой же тщательностью, как и рецензируемый том.

И. Феринц

Примечание

1. В.Г. Дружинин. Пустозерский сборник. СПб., 1914. Как известно, в 1966 г. был обнаружен еще один сборник, вышедший из пустозерской темницы. Сборник оказался подлинной рукописью Аввакума и Епифания, содержащей автографы их житий и других сочинений, причем в иных редакциях /или вариантах/, чем тексты в Пустозерском сборнике В.Г. Дру-

жинина. Этот сборник был открыт И.Н. Заволоко и передан им в 1968 г. в дар хранилищу древнерусских рукописей Пушкинского дома, где он хранится и теперь под шифром: ОП, оп.24, № 43. Рукописи присвоено название "Пустозерский сборник И.Н. Заволоко", который и был издан Н.С. Демковой, Н.Ф. Дробленковой, Л.И. Сазоновой в 1975 г. в Ленинграде.

СОДЕРЖАНИЕ

С. Иванчев.	Преображенията на славянския перфект	7
И.А. Долгих.	Особые условия вхождения лексических значений в языковую систему . .	15
И. Пете.	Семантические типы единичности предметов	23
И. Пете.	Заметки к сопоставительному изучению венгерского и русского языков	33
Й. Крекич.	К вопросу об общем значении глаголов совершенного вида	46
И.Б. Попов.	К вопросу о судьбе слабого редуцированного в древнерусских суффиксах <u>-ьси-</u> и <u>-ьств-</u>	59
Э. Хоргоши.	Праболгарская лексика в рукописях XI--XII вв. русской редакции древнеболгарского языка	67
Н.Х. Фокскрофт.	Очерк проникновения и последующего синтеза иностранных слов в русском языке в XVII--XVIII веках	81
И.Х. Тот.	Минея Дубровского. Введение . . .	107
	Памятники древнерусского языка. Минея Дубровского	109
Часть II.		139
Е. Василева - И. Чобанов.	О существительных с модификационным значением женскости в болгарском и русском языках	141
М. Варро.	Культура вопросов на уроках русского языка в восьмилетке в Венгрии	151
И.А. Гончар.	Семантико--стилистические средства образности	161

П.Т. Димов.	Повышение эффективности профессионально-педагогической подготовки студентов--русистов в Пловдивском Университете	169
С. Злачева-Кондрашова.	Употребление полных и кратких форм прилагательных в русском языке болгарскими студентами--русистами	179
М.А. Корчиц.	Об одной разновидности деепричастных оборотов и ее трансформмах	193
Г. Крсева.	Художественный текст на занятиях по русскому языку с болгарскими студентами--русистами.	211
К. Куглер.	Опыт лингвостилистического анализа художественных произведений в университетской аудитории.	219
И.Ф. Рудакова.	О некоторых типичных лексических ошибках немецких учащихся.	225
П. Савова.	Подбор текстов из русской классической и советской литературы и их место в обучении русскому языку студентов-неспециалистов.	237
М. Шахарян.	Способы передачи реалий на русском языке в словаре Найдена Герова	243
В.М. Шевелев.	Функциональная многозначность десемантизированных глаголов в русских научных текстах	247
К. Фабриц.	Функциональная эквивалентность как теоретическая база для обучения семантике русских частиц.	259
Н. Феньвеш.	Страноведение -- история культуры. Опыт подготовки переводчиков русского языка.	269

Е.М. Феньвеш-Коняева.	О некоторых трудностях в работе с венгерскими учащимися при изу- чении видов русского глагола. . .	281

Рецензия

И. Феринц.	Описание Рукописного отдела Би- блиотеки АН СССР. Том 7, вып. 1. Сочинения писателей-старообрядцев XVII века.	299

Содержание		307

Fk: Dr. Mikola Tibor a JATE BTK Dékánja

Készült a JATE Sokszorosító Üzemében, Szeged

Engedélyszám: 158/86.

Méret: B/5

Példányszám: 400

Fv: Lengyel Gábor